Казахский национальный университет имени аль-Фараби

УДК 327 (58) (043)

На правах рукописи

КЫДЫРБЕК ФАРАНГИС АЛМАТБЕККЫЗЫ

Глобальная инициатива «Пояс и путь», как один из факторов решения региональных проблем в Центральной Азии

8D03105 – Международные отношения

Диссертация на соискание степени
доктора философии (PhD)

Научные консультанты:
доктор исторических наук, профессор,
Кукеева Ф.Т.
Доктор PhD, профессор, Синьпэн Сюй

Республика Казахстан
Алматы, 2026

СОДЕРЖАНИЕ

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ ……..….. 4
ВВЕДЕНИЕ ……..……... 5
1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ» НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ…… 22
1.1 Классические и критические парадигмы международных отношений в анализе Инициативы «Пояс и Путь» …… 22
1.2 Китайские внешнеполитические концепции и стратегия периферийной дипломатии ……... 45
1.3 Институциональные механизмы и теории пространственной реконфигурации: от трансрегионализма к концепции «связанности» …… 51
1.4 Методология многофакторного измерения реализации Инициативы «Пояс и Путь» в Центральной Азии ……. 62
2 КИТАЙ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ОТ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ К ШАНХАЙСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОТРУДНИЧЕСТВА И ИНИЦИАТИВЕ «ПОЯС И ПУТЬ» … 69
2.1 Становление Центральноазиатского направления во внешней политики КНР (1980-1990-е гг.): прагматизм, безопасность границ и первые межрегиональные связи ……..…….. 69
2.2 Институционализация региональной безопасности и сотрудничества: от «Шанхайской пятерки» к ШОС 83
2.3 Инициатива «Пояс и Путь» как основа новой модели структурного партнерства Китая и Центральной Азии ……. 98
3 СТРУКТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ» …… 108
3.1 Транспортно-логистическая уязвимость региона и инфраструктурные решения в рамках Инициативы «Пояс и Путь»…….. 108
3.2 Преодоление ресурсно-сырьевой зависимости: инвестиции, индустриализация и технологический трансфер …… 119
3.3 Энергетический и цифровой переход: «Зеленая» трансформация и «Цифровой Шелковый путь» …… 140
3.4 Риски, структурные ограничения и побочные эффекты реализации Инициативы «Пояс и Путь» для государств Центральной Азии …….. 168
ЗАКЛЮЧЕНИЕ …….. 174
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ ……..…. 180

ПРИЛОЖЕНИЯ А - Карта - Локализация объектов ВИЭ в Центральной Азии, реализуемых в рамках энергетического сотрудничества с КНР..... 203
ПРИЛОЖЕНИЯ Б - Таблица кейсов – Китайские предприятия, предоставляющие услуги по обучению в Центральной Азии……. 204

ОБОЗНАЧЕНИЯ И СОКРАЩЕНИЯ

АБР	Азиатский банк развития
ВВП	Валовой внутренний продукт
ВИТР	Всемирное интегрированное торговое решение
ВИЭ	Возобновляемые источники энергии
ВСП	Выявленное сравнительное преимущество
ВЭС	Ветроэлектростанция
ГЭС	Гидроэлектростанция
ЖД ККУ	Железная дорога Китай-Кыргызстан-Узбекистан
ИИ	Искусственный интеллект
ИКТ	Информационно-коммуникационные технологии
ИПП	Инициатива «Пояс и Путь»
ИТК	Индекс торговой комплементарности
КНР	Китайская Народная Республика
КПК	Коммунистическая Партия Китая
КР	Кыргызская Республика
МВФ	Международный валютный фонд
ООН	Организация Объединённых Наций
ОПОП	Один пояс, Один путь
ПИИ	Прямые иностранные инвестиции
РК	Республика Казахстан
РТ	Республика Таджикистан
РУ	Республика Узбекистан
СССР	Союз Советских Социалистических Республик
СУАР	Синьцзян-Уйгурский автономный район
СЭЗ	Свободная экономическая зона
ТМТМ	Транскаспийский международный транспортный маршрут
ФЭС	Фотоэлектрическая станция
ЦА	Центральная Азия
ЦМОУР	Центр международных отношений и устойчивого развития
ЦСМИ	Центр стратегических и международных исследований
ЦУР	Цели устойчивого развития
ЦШП	Цифровой Шелковый путь
ШОС	Шанхайская организация сотрудничества
ALR	Additive log-ratio (аддитивное логарифмическое преобразование)
CNPC	China National Petrolium Corp.
EPC	Engineering, procurement and construction
N11	Next Eleven (группа из 11 развивающихся стран)
SITC	Standard International Trade Classification

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования определяется масштабной трансформацией геополитического и геоэкономического характера, преходящей в Евразии, в центре которой находится Центральная Азия. В условиях глобальной неопределённости регион переходит к гибким формам трансрегиональной связанности, превращаясь из географического тупика в стратегический узел китайской Инициативы «Пояс и Путь».

Научная актуальность исследования заключается в необходимости комплексно изучить региональную политику Китая в ЦА в контексте проблематики диссертации. Это требует анализа не только через призму западных теорий и концепций, а также китайских взглядов на международные отношения и внешнюю политику. Синтез этих подходов даст возможность исследовательскую модель, которая позволит учитывать разные стороны и измерения вопросов диссертационного исследования. Прикладная значимость диссертации состоит в анализе Инициативы Пояс и путь, как действенного механизма урегулирования региональных вызовов в Центральной Азии. Интеграция в ИПП открывает для региона пути преодоления континентальной изоляции за счет развития транспортно-логистической инфраструктуры. В результате государства региона получают возможность превратить отсутствие выхода к морю в статус ключевого транзитного узла, что способствует экономической модернизации и повышению их геополитической субъектности на фоне меняющейся геополитики вокруг региона.

Дополнительную значимость исследованию придает системная трансформация партнерства в период 2020-2026 гг., когда наблюдается форсированное укрепление институциональной базы сотрудничества КНР и ЦА через диалоговую площадку С5+Китай. Встречи на высоком уровне в Сиане (2023) и Астане (2025) позволили этому формату зафиксировать основные принципы сотрудничества. Определяющим этапом в развитии институционального взаимодействия стал саммит ШОС в Тяньцзине (2025), который определил вектор развития до 2030 г. Именно в рамках этой встречи руководители КНР и стран ЦА перешли от общих декларативных заявлений к внедрению прикладных экономических и инновационно-технологических механизмов. В частности, это выразилось в детальном обсуждении проекта учреждения Банка развития ШОС, а также в утверждении программ, направленных на достижение технологического суверенитета в сфере ИИ и продвижении Зеленого шелкового пути.

Сближение политических взглядов на данном этапе свидетельствует о формировании стратегического консенсуса. Выражая эту позицию в рамках саммита, председатель Си Цзиньпин отметил: «Шанхайский дух превосходит различия в моделях развития [1]. Мы строим Сообщество единой судьбы, где безопасность и развитие не разделимы». Со своеq стороны, президент К.К. Токаев в преддверии саммита опубликовал программную статью, где подчеркнул критическую значимость текущего момента для интеграции

государственных стратегий: «ШОС значимость текущего прагматичного сотрудничества, где транспортные коридоры и партнерство в энергетике реально улучшает жизнь людей» [2].

Подобная эволюция курса Пекина, «от классической концепции накопления сил и сокрытия возможностей» к реализации мегапроекта ИПП, знаменует его переход от роли пассивного наблюдателя к статусу активного архитектора новой региональной среды. В этой логике экономическое развитие и стабильность стран ЦА рассматривается как необходимое условие процветания самого Китая. Анализ возможности решения ключевых проблем ЦА позволит оценить эффективность участия стран региона в Инициативе «Пояс и Путь».

Таким образом, если в 1990-е гг. взаимодействие центральноазиатских государств было сосредоточено на вопросах границ и безопасности, то Инициатива выступает инструментом формирования будущего. ИПП создаёт инклюзивность на основе синхронизации национальных программ, как «Нұрлы жол» или программа развития Узбекистана, с Инициативой, о которой шла речь на саммитах в Сиане и Тяньзине.

Объектом диссертационного исследования является процесс реализации и эволюция китайской глобальной инициативы «Пояс и путь» в регионе Центральной Азии.

Предметом исследования являются многофакторные механизмы влияния Инициативы «Пояс и Путь» на преодоление структурных вызовов государств Центральной Азии и развитие их транзитно-логистического потенциала.

Исследовательский вопрос. Какова роль глобальной инициативы «Пояс и путь» в качестве фактора решения ключевых структурных проблем Центральной Азии, и каковы условия и механизмы трансформации региона в устойчивый транзитно-логистический и производственный хаб Евразии?

Цель диссертационного исследования заключается в том**,** чтобы на основе комплексного анализа политико-экономических процессов концептуализировать и научно обосновать роль Инициативы «Пояс и Путь» (ИПП), как фактора решения ключевых структурных проблем Центральной Азии, а также определить условия и механизмы трансформации региона в устойчивый транзитно-логистический и производственный хаб Евразии.

Для достижения поставленной цели автором были поставлены следующие **задачи**:

1. Провести теоретический синтез классических школ ТМО и современных китайских концепций для создания многомерного аналитического фильтра изучения ИПП.

2. Разработать комплексную методологию многофакторного измерения для оценки реального влияния Инициативы «Пояс и Путь» на преодоление этих вызовов и модернизации региона.

3. Изучить эволюцию внешнеполитического подхода КНР к ЦА от прагматической дипломатии периода Дэн Сяопина до формирования региона как одно из ключевых направлений евразийской политики Китая.

4. Систематизировать основные структурные проблемы государств Центральной Азии (географическая изоляция, энергодефицит, сырьевая зависимость) и оценить степень их влияния на региональное развитие.

5. Выявить структурные ограничения развития Центральной Азии и на основе авторской методологии оценить влияние китайских инвестиционных и инфраструктурных проектов на развитие экономики региона.

6. Оценить влияние Инициативы «Пояс и Путь» на преодоление сырьевой зависимости государств ЦА путем анализа динамики индексов торговой комплементарности (ИТК) и выявленных сравнительных преимуществ (ВСП) в рамках выстраивания новых производственных цепочек.

7. Построить прогноз развития торгового взаимодействия до 2033 года, обосновав долгосрочные тренды и потенциальные риски усиления асимметричной зависимости.

Гипотеза. Гипотеза исследования исходит из того, что ИПП способствует трансформации ЦА из изолированного пространства (land-locked) в ключевой транзитно-логистический узел Евразии (land-linked). Тем не менее успешная реализация данного потенциала зависит не только от китайских инвестиций, но и от готовности к структурной и институциональной адаптации.

Это предположение основывается на трех взаимосвязанных аспектах: повышение качества региональных институтов; рост индекса торговой комплементарности (ИТК) показывает взаимозависимость сторон и доказывает, что центральноазиатским странам необходимо дополнить извлечение прибыли исключительно из транзита, а также создавать собственные производства; без активной индустриализации и развития человеческого капитала ИПП лишь закрепит ассиметричную зависимость, закрепив за регионом статус ресурсной периферии.

Хронологическая рамка исследования. Хронологические рамки исследования охватывают период с 1991 года по 2026 год, последующими прогнозами до 2033 года.

Источниковая база исследования формирует нормативно-правовой каркас для объективного анализа Инициативы «Пояс и Путь» как инструмента решения региональных проблем стран Центральной Азии. Источниковая база диссертационного исследования представлена несколькими группами.

Первая группа составляет фундаментальную правовую и политическую основу исследования. В неё входят официальные документы, определяющие стратегические ориентиры, режим правового сотрудничества, территориальную целостность и приоритеты внешней политики Китайской Народной Республики и стран Центральной Азии. Для системного анализа данная группа источников разделена на две подгруппы:

1. Основные межгосударственные (двусторонние) договоры и соглашения. В этой подгруппе включены в международно-правовые акты, которые зафиксировали историческую эволюцию отношений между странами региона и Китаем от установления контактов до уровня всеобъемлющего стратегического партнёрства.

- Акты об установлении дипломатических отношений: совместные коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китаем и государствами региона (Республика Казахстан, Кыргызская Республика, Республика Таджикистан, Туркменистан и Республика Узбекистан, 1992 г.) [3-7].

- Соглашения о границах и безопасности: соглашения о государственной границе между Китаем и Казахстаном (1994, 1997, а также протокол о демаркации 2002 г.) [8-11]; аналогичные соглашения о границе между Китаем и Кыргызстаном (1996 г.) [12] и Таджикистаном (2002 г.) [13]. Этот блок документов имеет решающее значение для исследования, поскольку правовое закрепление границ стало базовым условием для последующей реализации экономических инициатив.

- Соглашения о стратегическом партнёрстве: Договор о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между РК и Китаем (2003 г.); совместные заявления глав государств о новом этапе всеобъемлющего стратегического партнёрства (Казахстан, Узбекистан, Кыргызстан); межправительственные соглашения о поощрении и взаимной защите инвестиций [14-16].

Эта группа источников позволила проанализировать динамику развития Китая со странами региона и ответы на вопрос об интересах сторон.

2. Доктрина КНР и концептуальные документы внешней политики включают официальные документы китайского правительства и партийных органов, раскрывающие идеологическую и практическую суть Инициативы «Пояс и Путь» (ИПП) и периферийной дипломатии Пекина.

- Основные документы ИПП: программный документ «Перспективы и практические меры по созданию Экономического пояса Шелкового пути и Морского Шелкового пути XXI века» (Государственный комитет по развитию и реформам Китая, 2015 г.; Белая книга «Инициатива «Пояс и путь»: ключевой столп глобального сообщества общей судьбы» (Пресс-служба Государственного совета Китая, 2023 г.) [17].

- Партийные и стратегические резолюции: доклады Председателей КПК Цзян Цзэминя, Си Цзиньпина на XVI, XVIII, XIX и XX Всекитайских съездах КПК, в которых концепция «Сообщества общей судьбы человечества» и периферийная дипломатия были закреплены в качестве приоритетов развития китайского государства [18-21].

- Региональные документы (СУАР): Белая книга «Исторические свидетельства равноправного и совместного развития всех этнических групп в Синьцзяне» (2015 г.), позволяющая проанализировать влияние китайской политики в Синьцзян-Уйгурском автономном районе на безопасность транзитных коридоров в Центральную Азию [22].

Вторая группа источников раскрывает институционализацию евразийского пространства и механизмы многостороннего обеспечения безопасности. Данная группа делится на:

- Документы ранних форматов, одним из которых является Шанхайская пятёрка: Соглашение об укреплении доверия в военной области в районе границы (1996 г.); Соглашение о взаимном сокращении вооружённых сил в

районе границы (1997 г.); Бишкекская декларация глав государств «Шанхайской пятёрки» (1999 г.) [23-28].

- Документы Шанхайской организации сотрудничества (ШОС): Хартия ШОС, декларации саммитов глав государств, соглашения в рамках Региональной антитеррористической структуры (РАТС ШОС), регулирующие совместную борьбу с силой «трёх зол» [29, 30].

- Многосторонние форматы нового типа: Декларации и коммюнике саммитов в формате «Центральная Азия - Китай» (С5+1), закрепляющие статус региона как единого макросубъекта в диалоге с Пекином [31, 32].

- Документы структур безопасности: Акты и перечни организаций, представляющих угрозу безопасности государств-членов ОДКБ, а также национальные антитеррористические перечни (например, реестры egov.kz) [33-34].

Третья группа состоит из основополагающих актов, отражающих реакцию государств региона на реализацию китайской Инициативы «Пояс и Путь» (ИПП) и определяющих стратегии согласования национальных экономических интересов с транзитными возможностями КНР. В данную группу входят:

- Республика Казахстан: В «Концепции внешней политики на 2020-2030 годы» и госпрограмме «Нұрлы жол» закреплен прагматичный и многовекторный подход. Главная цель этих документов – превратить географиечскую изолированность страны в ее главное преимущество, сделав Казахстан ключевым транспортным и транзитным узлом всей Евразии [35-37].

- Республика Узбекистан: В стратегии «Узбекистан - 2030» (и более ранней Стратегии развития на 2017-2021 годы), а также в Концепции внешнеполитической деятельности четко прописан разворот курса [38]. Ташкент окончательно отказался от закрытости. Теперь страна делает ставку на интеграцию с соседями, привлечение иностранных инвестиций и создание новых транспортных путей, примером этого является поддержка строительства железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан.

- Кыргызская Республика: Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018–2040 годы и Концепция внешней политики Кыргызской Республики (2019 г.). [39, 40]. В документах определены приоритеты страны по преодолению транспортного тупика, привлечению прямых иностранных инвестиций в гидроэнергетику и горнодобывающую промышленность, что напрямую соотносится с целями «Экономического пояса Шёлкового пути».

- Республика Таджикистан: Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года и Концепция внешней политики Республики Таджикистан (2015 г.) [41, 42]. В этих документах сформулирована стратегическая цель «преодоления транспортного тупика» и превращения страны в транзитную территорию, что является основным внутренним обоснованием для привлечения крупных китайских кредитов на инфраструктурные проекты.

- Туркменистан: Концепция курса внешней политики нейтрального Туркменистана на 2022–2028 годы и Национальная программа социально-

экономического развития Туркменистана на 2022–2052 годы [43, 44]. Документы отражают специфику туркменского нейтралитета и уделяют особое внимание энергетической дипломатии (в частности, расширению магистрального газопровода «Центральная Азия – Китай»).

Анализ этих документов подтверждает, что страны ЦА выступают не пассивными реципиентами китайского влияния, а полноправными акторами, которые синхронизируют государственные стратегии и национальные интересы с возможностями ИПП.

Четвертая группа источников – это эмпирическая (практическая) база исследования. Статистические данные из этих источников помогают проверить, насколько официальные заявления стран совпадают с реальными положением дел. На основе этих цифр анализируются динамика торговли, структура прямых иностранных инвестиций (ПИИ), уровень госдолга, а также развитие транспорта и логистики. Все данные разделены на три уровня:

1. Национальная официальная статистика.

- Республика Казахстан: сведения Бюро национальной статистики (официальный портал stat.gov.kz) и отчеты Национального банка Республики Казахстан. Эти источники позволяют отслеживать объем китайских инвестиций по отраслям, структуру экспорта/импорта и состояние внешнего долга перед КНР [45, 46].

- Китайская Народная Республика: Статистические сборники Главного таможенного управления Китайской Народной Республики и данные Национального бюро статистики Китая (stats.gov.cn). При использовании китайских статистических данных необходимо провести сопоставительный анализ и выявить расхождения в учёте торговых операций [47].

- Другие страны Центральной Азии: данные Агентства по статистике при Президенте Республики Узбекистан, Национального статистического комитета Кыргызской Республики, а также статистических управлений Таджикистана и Туркменистана [48-50].

2. Базы данных международных финансовых и торговых организаций.

- Всемирный банк и МВФ: отчёты «Статистика международного долга» и бюллетени «Перспективы развития мировой экономики». Эти источники имеют решающее значение для оценки макроэкономических рисков и долгового бремени стран-получателей помощи в рамках ИПП [51, 52].

- Инструменты ITC (Международного торгового центра): использование платформы Trade Map для детального анализа ассортимента продукции и выявления новых рыночных ниш в торговле между Китаем и Центральной Азией.

- Азиатский банк развития (АБР): статистика по программе Центральноазиатского регионального экономического сотрудничества (CAREC), позволяющая оценить взаимосвязь китайских проектов с региональными инфраструктурными планами.

3. Специализированные базы данных мониторинга и инвестиционные трекеры.

- China Global Investment Tracker (Американский институт предпринимательства): независимая база данных, в которой фиксируются крупные сделки и строительные контракты китайских компаний в Казахстане и регионе в целом, включая незавершённые или проблемные проекты [53].

- BRI Investment Trackers: специализированные отчёты банков (например, HSBC, Standard Chartered) и исследовательских центров, анализирующие «зелёные» инвестиции и передачу технологий в рамках «Цифрового шелкового пути».

- Global Energy Monitor: данные о развитии энергетической инфраструктуры (трубопроводы, электростанции), позволяющие оценить физический объем энергетического сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии.

Систематизация данных из этих источников позволяет автору применить современные методы анализа (включая сетевое моделирование и оценку индекса взаимодополняемости экономик), что необходимо для подтверждения гипотезы о трансформации Центральной Азии в евразийский хаб и выявления реальной степени влияния ИПП на решение региональных проблем.

Степень научной разработанности темы исследования

При анализе степени изученности проблемы диссертации автор использовал проблемно-страноведческий подход, который позволил систематизировать существующую литературу по ключевым аспектам и выявить концептуальные различия в оценках национальных школ (китайской, западной, российской и центральноазиатской) и определить недостаточно изученные аспекты заданной в диссертации проблематики.

Западная историография. Современная западная историография опирается на три основных подхода. Во-первых, это географический детерминизм (реализм). Такие центры как CSIS и Heritage Foundation рассматривают ЦА как критическое пространство, которое позволяет в той или иной степени контролировать транзитные коридоры между Европой и Азией [54]. Во-вторых, используются теории зависимости взаимозависимости. Так европейский институт азиатских исследований (EIAS) критикует политику КНР, как создающую долговую зависимость и консервирующую слабость местных экономик и институтов [55]. В-третьих, институциональный анализ акцентирует внимание на качестве управления с фокусом на непрозрачности договорённостей и их реализации, объясняя их политическими режимами стран региона, которых устаревает такое положение дел [56].

До 2013 г. западные авторы рассматривали регион через призму Новой большой игры, где наличие природных ресурсов и вопросы безопасность рассматривались в качестве определяющих значимость региона для Китая.

Однако после 2013 г. с запуском Инициативы «Пояс и Путь» фокус сместился геоэкономические и геополитические аспекты китайской политики и позиции стран ЦА. В работах Ф. Старра Китай выступает как возможность, так и вызов, активизирующий соперничество различных центров силы [57]. Атлантический Совет (Atlantic Council), опираясь на либеральный интернационализм видит в действиях Пекина вызов трансатлантическому

порядку [58]. Институт Брукингса базируясь на либеральном институционализме воспринимается более прагматично, как партнёр, чьё влияние обусловлено запросами самих элит, балансирующих между различными центрами силы [59]. Центр Карнеги с позиций неореализма анализирует баланс сил между РФ и КНР. Основной нарратив при этом, что РФ превращается в зависимого младшего партнёра, а ЦА в задний дворик Китая. Европейский Совет по международным через призму конструктивизма исследует нормы Инициативы «Пояс и Путь» для реализации проекта Global Gateway [60].

В монографиях и статьях западных экспертов центральноазиатская политика Китая рассматривается через призму глобального соперничества, структурных рисков и трансформации мирового порядка. В целом западная историография исследует китайскую внешнюю политику от изоляции к глобальной роли. Исходя из хронологии и фокуса работы западных экспертов можно разделить на несколько направлений. Первое направление до начала реализации ИПП был сформирован политический и методологический каркас, через который рассматривалась глобальная и региональная политика КНР. Авторы детально анализируют внешнеполитический курс Дэн Сяопина [61] и историческую (Swaine) эволюцию периферийной дипломатии [62]. Представители классического либерализма и институционализма (Моравчик, Коэхейн) задаются вопросом о том встраивается ли Китай в либеральный мировой порядок [63, 64]. Представители теории зависимости (Дювалля, Ферарро), основываясь на концепции «центр-периферия» объясняют структурную уязвимость ЦА перед КНР [65, 66].

Второе направление фокусируется непосредственно геополитике ЦА через призму конкуренции региональных и глобальных держав. (Sheives, Karrar, Linn) [67-69]. В рамках изучения региональной безопасности особое внимание уделяется ШОС (MacHaffie) [70]. Брэнтли Вомак вводит теорию ассиметричного билатерализма, доказывая, что Пекин выстраивает двусторонние отношения и не стремится к формированию глобального сообщества [71]. Аластер Джонсон доказывает, что китайская риторика может использовать конфуцианскую риторику, но на деле проводит двустороннюю классическую реалполитик [72].

Третье направление связано с геополитическим видением Инициативы «Пояс и Путь» через концепт глобальное лидерство. С запуском ИПП фокус западных экспертов сместился на то, как Инициатива повлияет в целом на геополитику. Реалисткой подход позволил таким авторам как У. Каллахан считать, что Инициатива является базой для построения китаецентричного мира [73]. Миллер назвал ИПП стремлением построить новую империю Поднебесной [74]. Уильям Каллахен выступает главным критиком концепции Тяньсь, доказывая, что она является инструментом выстраивания нового мирового порядка с центром в Китае [75]. В реальности система опирается на материальное и экономическое принуждение в лояльную географическую периферию.

Четвёртое направление исследует риски долговой дипломатии и ловушки. В этот период также формируется критический взгляд на отношения Китая и стран-

участниц Инициативы (Дж. Херли) [76]. Это критическое направление продолжилось в 2020-е гг. от угрозы либеральному порядку (Л. Джонс) до влияния на политические режимы [77], когда отказ от политических условий ведёт к поддержке авторитарных режимов (Х. Мандельбаум, Б. Вайффен) [78] и пространственным завоеваниям (Баник, Людерт) [79].

Наконец пятым направлением является логическое продолжение критической линии. где центральноазиатские государства воспринимаются не как субъекты, а как активные акторы развивающих стратегию баланса и хеджирования в отношениях с Китаем. Опираясь на теорию комплексной взаимозависимости (Дж. Най) [80], такие исследователи, как Рана, Гаррисон доказывают, что малые и средние страны могут извлекать выгоду от ассиметричных отношений, используя свой транзитный потенциал [81].

Китайская историография. Анализ китайской академической литературы отличие от западных подходов. В основе исследований китайских авторов лежит нарратив «мирного возвышения» и концепция мирного сотрудничества (win-win). *Философское и доктринальное обоснование внешней политики*. Авторы детально изучают знаменитую стратеги Дэн Сяопина «24 иероглифа», которые заложили основу политики реформ и открытости. Эксперты из КНР объясняют отношения Пекина со странами ЦА через призму исторической преемственности, инклюзивности и пространственной связанности. Фундаментальной основой выступает концепция Тянься (Поднебесная). В работах Чжао Тиньяна, который является главным теоретиком, вернувшим древний концепт Тянься в научный оборот, рассматривает её, как глобальную систему гармоничного миропорядка, а Центральная Азия является органичной частью этого порядка [82]. Цин Яцин переводит философию Тянься на язык современной политической науки. Он доказывает, что легитимная иерархия в такой философии выступает не инструментом принуждения, а механизмом реализации отвесности лидера перед региональным сообществом [83]. *Дипломатия добрососедства и институционального доверия*. Современные китайские исследователи (Cheng, Zhai, Salat) [84, 85], считают инфраструктурные проекты с участием центральноазиатских стран не как неоколониализм, так как объективный процесс формирования новой архитектуры евразийского пространства вокруг нового индустриального ядра КНР. Важнейшим историческим рубежом признается успешное и мирное решение проблем безопасности, демаркация и делимитация границ. Как подчеркивают китайские аналитики этот процесс привел к созданию ШОС, что сформировало уникальную модель взаимного доверия и середнячества. Такие авторы, как Ян Чэн отмечают [86], что после 2013 г. Пекин переходит к активной региональной политике, встраивая ЦА в евразийскую стратегию КНР. Джао Хуашен пишет об основном принципе периферийной дипломатии «безопасность через развитие», согласно которому экономическое развитие соседних стран (ЦА) является залогом стабильности самого Китая [87]. Как отмечает Се Лайхуэй одной из основных задач Инициативы является содействие развитию инфраструктуры и связей для достижения глубокой региональной и экономической интеграции [88]. Чжан

Юнцзинь анализирует процесс взаимодействия КНР с международным сообществом. Он показывает как Китай выстраивает отношения с региональными режимами для реализации своих глобальных проектов [89]. *Инфраструктурная связанность и экономические коридоры*. Евразийский континентальный мост. Ли Цзяньминь, что после распада СССР ЦА извлекала огромную выгоду как необходимый транзитный канал. Так открытие Китайско-европейского экспресса в 2011 г. повысило операционную эффективность экспорта. Подчеркивается значимая роль Казахстана, которая объясняется высоким транзитным потенциалом страны [90]. *Энергетическая безопасность и многомерная сеть ИПП.* Отдельное внимание уделяется изучению энергетической дипломатии, где ЦА рассматривается как критически важный, стабильный сухопутный источник энергоресурсов, позволяющий Пекину диверсифицировать поставки и снизить уязвимость на морских путях. *Практическая реализация Инициативы «Пояс и Путь».* исследуется через призму многомерную взаимозависимость (connectivity). Современные связи между странами-участницами вышли за рамки просто строительства дорого, перешли к институциональным, финансовым, культурным коммуникациям [91-93]. Внутренние драйверы и фрагментарные мотивы анализируются в ряде работ китайских авторов. Инициатива является не только геополитической амбицией высшего руководства КПК, но и инструментом экспорта внутренних экономических проблем и, в первую очередь, избыточных производственных мощностей. ИПП выступает в роли зонтичного брэнда, внутри которого реализуются интересы китайских корпораций и самого государства [94]. По мере глобального расширения экономических интересов КНР фокус постепенно сместился в строну безопасности активов. Цюй Пэнфей обосновывает необходимость перехода от контроля к институциональным управлению рисками [95]. В этих условиях формирование мягкой силы становятся обязательным условием для предотвращения ксенофобии и защиты зарубежных капиталовложений. Мин Е критикует миф о том, что ИПП является монолитным геополитическим планом. Он доказывает, что Инициатива носит прагматичный характер и формирует новых тип связей между государствами.

Таким образом, китайская стратегия опирается на сложный синтез философии инклюзивного мира, экономического прагматизма, концепт совместного развития, что отличает китайскую. Школу международных отношений от западных моделей. Китайские авторы продвигают ключевой тезис о том, что Центральная Азия выступает не объектом геополитической экспансии, а самостоятельным актором в глобальной концепции Сообщества единой судьбы.

Российская историография. Российские исследователи традиционно рассматривают Центральную Азию через призму политического реализма, как зону влияния Москвы, которая все больше попадает под влияние Пекина. Несмотря на общую концептуальную рамку, которая обозначает позицию РФ в ЦА, работы российских авторов можно разделить на следующие направления. Первое носит исторический характер китайского присутствия в Центральной Азии. Исследования Д. Марковой и А. Перминовой фокусируются на

региональном курсе Пекина в 1990-2000 гг. Авторы приходят к выводу, что окончательное урегулирование пограничных споров и стабилизация в сфере безопасности стали фундаментом стали фундаментом для глобального разворота центральноазиатского энергетического и торгового экспорта в восточном направлении [96, 97]. Работы Е. Климова и Н. Богдановой раскрывают социально-политические аспекты приграничных противоречий. Эти исследователи связывают транспортную безопасность региона с установлением жесткого контроля Китая над ключевыми логистическими узлами [98, 99]. Иной взгляд предлагает институционально- прагматичное поправление (Д. Малышева, А. Бояркина). В его рамках экономическое проникновение КНР в ЦА трактуется не как прямая угроза интересам РФ, а как объективная реальность, требующая формирования совместных механизмов сосуществования [100, 101].

Д. Малышева анализирует латентные противоречия и зоны совпадения интересов в ШОС, указывая на сложившееся функциональное разделение. Россия выступает гарантом безопасности, Китай стимулирует торгово-энергетическое развитие. Исследователи особо подчеркивают доминирование двустороннего формата взаимодействия, при котором многосторонние институты служат лишь институциональной оболочкой для реализации двухсторонних связей. Значительное внимание российские аналитики уделяют инфраструктурному трэку, констатируя, что интеграция государств ЦА в китайскую ИПП способна трансформировать баланс сил даже на европейском направлении.

Третье исследовательское направление отличается геополитическим пессимизмом и фокусируется на жестком столкновении макрорегиональных проектов так, А. Казанцев делает акцент на многовекторной дипломатии центральноазиатских республик, позволяющей им капитализировать конкуренцию между Москвой и Пекином в собственных национальных интересах. С этой точки зрения, китайское проникновение через инвестиции и получение контроля над критической инфраструктурой неизбежно провоцирует структурный конфликт над с интеграционными инициативами РФ. Фундаментальным консенсусом для данного направления служит вывод о том, что именно контрол над транспортными артериями и сырьевыми потоками выступает главным маркером позиций КНР и РФ, предопределяя характер их долгосрочного соперничества в регионе [102].

Центральноазиатская историография. Взгляд исследователей из самой Центральной Азии уникален. Для них политика Китая это не абстрактная геополитика, а вопрос национального выживания и адаптации в условиях, когда рядом находится несопоставимый по силе экономический гигант. Труды местных авторов можно разделить на три ключевых направления:

1. Безопасность границ и историческая память. Это направление изучает сложнейший переход от советского прошлого к установлению доверия с Пекином. Например, кыргызские и таджикские авторы (в частности, Г.Джунушалиева) подробно описывают, как тяжело шел процесс демаркации границ под давлением мощного соседа. Они подчеркивают, что урегулирование территориальных

споров и создание демилитаризованных зон были для молодых республик единственным способом снять военную угрозу и начать нормальное экономическое сотрудничество [103].

2. Изменение структуры экономики и «транзитный прагматизм». Исследователи из Узбекистана В.Парамонов и М.К.Рахимов исследуют эволюцию геоэкономического присуствия КНР. В.Парамонов доказывает, что китайский капитал перекраивают местный бизнес, жестко привязывая центральноазиатские рынки к промышленному центру в Синьцзяне. М.К.Рахимов обращает внимание на то, как Пекин красиво использует исторические образы Шелкового пути для продвижения своих современных транспортных и логистических проектов. Кыргызский исследователь К.Рахимов вводит важное понятие «транзитная ловушка» на примере железной дороги Китай-Кыргызстан-Узбекистан. Он предупредил, что если страны региона просто будут пропускать через себя чужие поезда и не создадут собственные производства вдоль этой дороги, они так и останутся сырьевыми придатками и транзитными коридорами [104-106].

3. Объединение региона дипломатическая защита (хеджирование). Это направление изучает, как малые и средние страны могут защитить свои интересы в диалоге со сверхдержавами. Ключевой здесь является позиция узбекского эксперта Фархода Толипова. Его главный тезис, пока Центральная Азия изолирована, внешние игроки будут легко использовать это, договариваясь с каждой страной поодиночке и диктуя свои условия с позиции силы. По мнению Толипова, асимметрия может быть нивелирована через жёсткую региональную консолидацию (С5+) где ЦА выступает единым макрорегиональным регионом [107].

Таджикские исследователи Рашид Абдуллло и Гузель Майтдинова изучают стратегии выживания в условиях пересечения интересов РФ и КНР. В их работах обосновывается модель «двойного зонтика», где страны региона вынуждены балансировать между архитектурой безопасности, обеспечиваемой Москвой и экономическим доминированием Пекина [108, 109]. Принимая во внимание слабые экономики отдельных стран ЦА, региональные авторы фокусируются и на рисках Инициативы. Кыргызский политолог Наргиза Мураталиева проводит глубокий анализ формирования механизмов долговой ловушки (на эмпирическом материале Кыргызстана и Таджикистана). В её работах доказывается, что непрозрачность в договорах и подрядах приводит к тому, что государство-заёмщик не может отдать вовремя кредиты и вынуждено расплачиваться своими стратегическими объектами (рудники, месторождения и т.п.).

Таким образом, центральноазиатские авторы демонстрируют переход от завышенных ожиданий от ИПП к утилитарному анализу рисков.

Казахстанская историография. Для анализа типологии исследований следует разделить основные работы казахстанских авторов на несколько групп по их специализации и вкладу в развитие школы синологии. Деятельность ведущих казахстанских исследовательских институты формирует базу для отечественной синологии, переводя теоретические концепты в практические

рекомендации для государственных внешнеполитических структур. Сотрудники Казахстанского института стратегических исследований (КИСИ) фокусируются на политике КНР в ЦА в области дипломатии, безопасности и экономики. Их рекомендации направлены на разработку механизмов защиты национальных интересов в меняющихся геополитических условиях [110]. Геополитическую характеристику китайской стратегии в регионе содержат работы М. Лаумулина. В работах С. Кушкумбаева дан глубокий теоретический анализ того, как Казахстана и страны ЦА могут сохранить субъектность в условиях ассиметричного соседства с Китаем [111]. Работы А. Морозова вносят вклад в понимание рисков и возможней для стран ЦА в результате сотрудничества с КНР [112].

Институт мировой экономики и политики при Фонде Первого Президента является ещё одним центром изучения китайской политики в регионе ЦА. Особенно интересны доклады по мониторингу китайских инвестиций и торговли в регион [113].

Особое место в казахстанской синологии занимают работы К. Сырожкина, где даётся комплексный анализ аспектов китайкой политики в Центральной Азии. Основными направлениями его исследований является: демифологизация «китайской угрозы», перевод дискуссии о Китае из эмоционально- исторической плоскости в рационально-аналитическую; обоснование суверенитета через пограничный компромисс, когда урегулирование пограничных вопросов позволило развивать Казахстану много векторную внешнюю политику; приоритет двустороннего прагматизма с фокусом на конвертные энергетические торговые соглашения [114, 115].

В работах системных аналитиков С. Кожировой, Б. Султанова, Н. Алдабек политика КНР в ЦА анализируется через призму институционального, исторического и социокультурного анализа. Работы С. Кожировой посвящены системному анализу нетрадиционных вызовов безопасности и трансформации китайского влияния в области экономики, безопасности, мягкой силы. Особое внимания заслуживает тезис автора о том, что следует различать официальный дискурс о партнёрстве с Китаем и восприятие общественного мнения [116]. Н. А. Алдабек анализирует историческую ретроспективу отношений КНР с ЦА [117]. Б.К. Султанов концентрируется на механизмах региональной безопасности [118].

Свой вклад вносят и представители молодого поколения казахстанских синологов, специализирующиеся на прикладных исследованиях. Р. Изимов детально анализирует идеологическое измерение Инициативы «Пояс и Путь» и системно изучает истоки и риски синофобии в ЦА [119, 120]. Труды А. Каукенова дополняют этот дискурс медийным образом Китая [121]. В свою очередь А.Амребаев акцентирует внимание на трансформации внешнеполитической стратегии КНР в Центральной Азии, переходе от двустороннего формата к многосторонним взаимодействиям (в частности диалогу 5+1), направленному на стандартизацию регионального рынка, обеспечении стабильности политических режимов и институционализацию предсказуемых «правил игры» для китайского бизнеса [122].

Большой вклад в развитие отечественной синологии вносят труды ППС кафедры международных отношений и мировой экономики, факультета востоковедения КазНУ им. Аль-Фараби. В трудах Д. Жекенова анализируются вопросы внутренних трансформаций современного Китая, изучение влияния внутриполитических циклов КПК на внешнеэкономическую стратегию Китая [123]. Н. Мухаметханулы является одним из основоположников системного изучения истории казахстанско-китайских отношений на основе первоисточников [124].

В работах Ф. Кукеевой фокус на теории региональной политики Китая. Автор доказывает, что теория связанности является основной при анализе двух и многосторонних отношений в рамках ИПП [125]. К. Байзакова фокусируется на архитектуре региональной безопасности, использование ШОС как инструмента национального хеджирования [126].

Таким образом, проведённый анализ степени изученности проблемы доказывает, что политика КНР в ЦА и ИПП находится в центре внимания мирового экономического сообщества. Однако до настоящего времени отсутствует комплексное исследование, в котором Инициатива концептуализировалась бы не просто как источник инвестиций, а как функциональный инструмент, целенаправленно используемый самими странами ЦА для решения своих региональных проблем. Поэтому преодоление этой фрагментарности обуславливает научную новизну и актуальность данной диссертации.

Методы исследования. Методологическую основу диссертационного исследования составляет комплексный междисциплинарный подход, сочетающий в себе классические методы политического анализа и современный экономико-математический инструментарий.

В работе использованы общенаучные метоы исследования, такие как анализ, синтез, индукция и дедукция, позволившие систематизировать теоретические подходы и эмпирические данные. Применение историко-генетического метода обеспечило возможность проследить эволюцию стратегии КНР в Центральной Азии от решения пограничных вопросов к реализации масштабных геоэкономических проектов. Сравнительно-сопоставительный метод был использован для выявления специфики реализации Инициативы «Пояс и Путь» в различных странах региона и оценки дифференцированного характера китайского присуствия. Важное место в работе занимает метод теоретического синтеза, в рамках которого основные положения западных школ международных отношений интегрированы с аутентичными китайскими концепциями, что позволило создать многомерную аналитическую базу исследования.

Ключевым аналитиечским инструментом выступает аторский метод многофакторного измерения реализации ИПП, включающий систему из семи специализированных индикаторов: динамика иностранных инвестиций, уровня долговой устойчивости, сальдо торгового баланса, отраслевой специализации проектов. Глубины институционального сопряжения стратегий, уровня социально-политической локализации и интенсивности иновационно-

технологического трансфера. Данная методология позволяет верифицировать влияние инициативы фундаментальных структруных вызовов региона, включая транспортную изолированность и энергодефицит, обеспечивая переход от количественного описания к качкственной оценке трансфомационных эффектов.

Для математического подтверждения выводов применен количественный индексный анализ, включающий расчет индекса выявленных сравнительных преимуществ (ВСП) по методике Б.Баласса и индекса торговой комплементарности (ИТК) для оценки уровня экономического соединения рынков КНР и государств Центральной Азии. С целью прогнозирования динамики сотрудничества до 2033 года использованы методы экономико-математического моделирования, в частности, аддитивное логарифмического преобразования (ALR) для обработки композиционных данных и метод экспоненциального сглаживания с затухающим трендом. Совокупность данных методов обеспечивает достоверность полученных результатов и позволяет комплексно оценить потенциал Инициативы «Пояс и Путь» в преодолении структруных ограничений региона.

Научная новизна определяется следующим. Во-первых, в диссертации предложена комплексная концептуализация Инициативы «Пояс и Путь» рассматривается не только как геополитический проект Китая, но и как практический инструмент, который странны ЦА используют для решения собственных инфраструктурных и экономических задач. В данном исследовании страны ЦА показаны как самостоятельные акторы, конвертирующие свои ресурсный потенциал и географическое положение в статус евразийского транзитного хаба. Во-вторых, впервые в отечественной историографии предложен синтез классических западных теорий международных отношений и современных китайских внешнеполитических концепций. В работе они выступают не как противоречащие друг другу, а в качестве комплементарных фильтров. Это позволило также избежать односторонних оценок. В-третьих, разработана авторская методика многофакторного анализа, которая позволяет рассматривать Инициативу не как абстрактный проект, а как конкретный измеряемый механизм сотрудничества. Предложенная методика дает возможность оценить результаты участия каждой страны в ИПП, а также ее роль в трансформации евразийского пространства в целом.

В-четвертых, в отечественной историографии предложена авторская система из семи ключевых индикаторов (доли ИПП, долговой нагрузки, сальдо торгового баланса, отраслевой специализации, институционального сопряжения, социально-политической реакции, инновационно-экологической адаптации). Применение этой матрицы индикаторов позволило экономически и политологически верифицировать реальное влияние китайского проекта на преодоление пяти фундаментальных, структурных проблем ЦА.

Основные положения диссертации, выносимые на защиту.

1. Комплексный анализ участия стран региона в китайской Инициативе «Пояс и Путь» следует анализировать через синтез классических западных теорий (от реализма и либерализма до конструктивизма и теории режимов)

международных отношений и китайских внешнеполитических концептов (периферийная дипломатия, сообщество единой судьбы, марш на Запад и новая роль великой державы). На основе этого многомерного подхода, дополненного теориями трансрегионализма и связанности (connectivity) обоснованно, что государства ЦА выстраивают прагматичные двусторонние отношения, используя своё участие в ИПП в качестве инструмента суверенной взаимозависимости, конвертируя транзитную локацию в стратегическую независимость.

2. Китайскую инициативу следует рассматривать как адаптивную стратегию, которая может подстраиваться под политические, экономические и географические реалии каждой страны. Для оценки этого процесса разработана матрица из семи ключевых индикаторов (доля ПИИ, долговая нагрузка, сальдо торгового баланса, отраслевая специализация, институциональное сопряжение, социально-политическая реакция инновационно-экологическая адаптация). Этот инструмент позволяет оценить, как китайские проекты меняют структуру экономики стран региона. На основе данных индикаторов доказан неоднородный эффект Инициативы на модернизацию стран ЦА.

3. В современной стратегии КНР Центральная Азия окончательно утратила статус ресурсной периферии. Доказывается, что запуск Инициативы «Пояс и Путь» не следует рассматривать только, как экономический проект, но и как кульминацию китайской политики в ЦА: от инструмента обеспечения безопасности, особенно Синьцзяна (1990) и ресурсного места (2000-е) в безальтернативный транзитный хаб. Этапы сотрудничества КНР и стран ЦА позволяют утверждать, что ЦА выступает не столько объектом транзита, сколько важнейшей составляющей евразийской стратегии КНР.

4. Подход о том, что ИПП безусловно решает проблемы центральноазиатских государств следует рассматривать как несостоятельной. Масштабные внешние инвестиции логистику и энергетику не способны преодолеть системные проблемы стран региона (географическую изоляцию, ресурсное проклятие, нехватку капитала, цифровой разрыв). Доказано, что в условиях слабых национальных институтов приток китайского капитала не ведет к индустриализации, а лишь трансформирует историческую отсталость в новые формы ассиметричной зависимости: долговую, технологическую и транзитную. Таким образом, физическая инфраструктура связанность без глубоких внутренних структурных реформ не выводит государства региона с глобальной периферии, а лишь надёжно закрепляет их в статусе обслуживающего ресурсного и транзитного звена для более иных экономик.

5. Не следует оценивать эффективность Инициативы «Пояс и Путь» исключительно через призму объёмов привлекаемого капитала, километров построенных дорог и сопутствующего бизнеса. Применение авторской многофакторной матрицы доказывает, что китайские инвестиции не решают системных проблем центральноазиатских стран без жёсткой защиты национальных интересов (обучение местных кадров, трансфер технологий, контроль над долгами). Напротив, они создают новую зависимость, консервируя

отсталость и превращая слабые государства региона в сырьевые придатки и транзитные коридоры.

Научно-практическая значимость исследования состоит в разработке комплексной теоретико-методологической базы для объективного изучения проблематики диссертации. Синтез европейских теорий и китайских концепций позволил создать многомерную модель и избежать односторонних оценок. Научную ценность также представляет авторская методология многофакторного измерения, синтезирующая индексы торговой комплементарности (ИТК) и выявленных сравнительных преимуществ (ВСП) для прогнозирования торгово-экономического сотрудничества КНР и ЦА до 2033 г. Практическая значимость заключается в прикладном характере выводов, прогнозов и инструментария , которые могут быть использованы для защиты национальных интересов стран региона. Разработанная авторская матрица может быть использована государственными и аналитическими структурами для мониторинга реализации инфраструктурных проектов в рамках ИПП.

Апробация работы. Основные положения диссертации обсуждены на заседаниях кафедры международных отношений и мировой экономики КазНУ им. аль-Фараби. По теме диссертации опубликовано 4 научных статей на русском и английском языках, в том числе 1 статья издана в рецензируемом научном журнале, входящем в базу Скопус и 3 статей в журналах, рекомендуемых КОКНВО МНВО РК, а также научная монография и аналитическая книга-ежегодник, в которых получили отражение основные результаты исследования.

Структура диссертационного исследования состоит из введения, трёх глав, заключения и списка использованных источников.

1 ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ ИЗУЧЕНИЯ ВЛИЯНИЯ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ» НА РЕГИОНАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

Целью данной главы является формирование целостной теоретико-методологической базы исследования, основанной на синтезе классических теорий международных отношений и современных китайских внешнеполитических концепций, которые в данной работе выступают в качестве комплементарных аналитических фильтров.

1.1 Классические и критические парадигмы международных отношений в анализе Инициативы «Пояс и Путь»

Эволюция подходов к изучению стратегии КНР в Центральной Азии: от реализма к конструктивизму

Автор исходит из того, что на первом этапе становления (1990-2000 гг.) внешнюю политику КНР в ЦА следует рассматривать с позиций реализма Первоочередное значение занимает реализм/неореализм, так как именно категории безопасности и национального интереса стали отправной точкой в выстраивании отношений КНР со странами региона в постсоветский период. После распада Советского Союза вновь образовавшиеся центральноазиатские страны оставили Китай с чувством неуверенности и незащищённости на его западных границах. Чтобы смягчить возможную нестабильность, Китай разработал ряд интеграционных и институциональных концепций, тем самым укрепив свои связи с Центральной Азией.

На данном этапе внешнеполитическая активность носила ярко выраженный прагматичный характер, будучи сосредоточенной на решении фундаментальных задач выживания и безопасности: демаркация государственных границ и нейтрализации трансграничных угроз. Используя реалисткий подход, в частности Кеннета Уолтца о системном давлении и Джона Миршаймера о рациональном стремления держав к региональному превосходству, автор анализирует Китаем системы двусторонних отношений как способа обеспечения безопасности и сохранения регионального баланса сил [127]. Двухсторонний формат позволял Пекину минимизировать риски и эффективно решать вопросы трех сил зла, опираясь на материальные факторы силы.

По мере роста экономической мощи и геополитических амбиций Пекина стратегию КНР следует рассматривать с позиций либерального институционализма, который воплотился в формате ШОС. Этот переход был продиктован необходимостью легитимации китайского присутствия в условиях жёсткой конкуренции за влияние в ЦА между основными акторам, как РФ и США. В регионе Китай столкнулся с необходимостью сосуществования с Россией, чьё доминирование институционализировано в сфере военно-политической безопасности (ОДКБ) и экономике (ЕАЭС). В этой связи стратегия КНР в рамках либерального институционализма приобрела специфический характер, который российские исследователи (С. Лузянин, А. Лукин)

характеризуют, как «функциональное разделение труда». Пекин признавал за Москвой право на обеспечение безопасности региона, а за собой оставлял право на экономическое развитие региона [128, 129]. Также правила ШОС позволяли сглаживать противоречия в интересах КНР и РФ в регионе.

Значимым фактором, который подтолкнул Пекин к многостороннему формату взаимоотношений, стала активность США в регионе. Роль США в ЦА имеет многогранный характер, но основным является нормативное признание. Это означает возможность для центральноазиатских стран интегрироваться в мировое политическое и экономическое пространство через механизмы таких глобальных финансовых институтов, как МВФ, Всемирный Банк, ЕБРР и др. Вашингтон продвигает модель развития, основанную на либерализации экономики, транспарентности государственного управления, демократии и прав человека.

Для стран ЦА американский вектор является важной составляющей многовекторной внешней политики. В этой связи переход к либеральному институционализму и создание ШОС являлись попыткой Пекина альтернативную модель легитимности через безопасность и общие нетрадиционные угрозы.

Таким образом, использование либерально-институционального фильтра позволяют показать, что Китай успешно вписался в существующую региональную архитектуру, используя ШОС для балансировки интересов с Россией и нивелирования влияния США.

Однако функциональное разделение труда между Москвой и Пекином, а также прагматичное взаимодействие с США являются констатацией современного состояния Новой большой игры в ЦА. Для того, чтобы выявить долгосрочную стратегию КНР в регионе следует использовать конструктивистский подход. Данный подход позволяет объяснять центральноазиатскую стратегию КНР не только с позиций материальных факторов, но и социальных характеристик. Конструктивизм объяснят каким образом Пекин трансформирует своё экономическое влияние в устойчивую систему правили ценностей. Центральное место в этой стратегии занимает теория режимов в классическом понимании Стивена Краснера, который связывает идеи с практикой. Китай формирует региональный режим, который базируется на таких концепциях, как Тянься. С позиций конструктивизма эта концепция рассматривается как альтернатива Вестфальской системе баланса сил. Тянься придвигает принцип инклюзивности в отношениях государств, а иерархию не как угнетение, а как ответственность [130].

Таким образом, с позиции конструктивизма Китай выступает в качестве партнёра, который обеспечивает общее благо, как безопасность, развитие, стабильность.

Концепция Сообщества единой судьбы стало альтернативой создания альтернативы западному нормативному влиянию. В условиях, когда Россия предлагает структурную интеграцию, основанную на общем историческом прошлом, военной и экономической интеграции; а США демократические

ценности, КНР фокусируется на безопасности через развитие и уважение к суверенному пути.

Использование теории международных режимов позволяет посмотреть, как Китай реализовал эти идеи через идею связанности (connectivity) и ее практическое воплощение Инициативе «Пояс и Путь».

Реалистская парадигма Инициативы «Пояс и Путь»

Переход к детальному анализу Инициативы «Пояс и Путь» требует рассмотрения через теоретические подходы, которые ранее были использованы для общей характеристики внешнеполитической стратегии КНР в ЦА. Следует исходить из того, что Инициатива представляет собой не только экономический и инфраструктурный проект, а мега-проект, который требует комплексного подхода, объединяющего классические теории и китайские концепции.

В 2013 году Китай распространил основанную на процедурах стратегию «Один пояс, один путь», крупномасштабную инициативу в области развития, которая также опирается на китайский опыт реформ и открытости. Стратегия направлена не только на взаимное развитие Центральной Азии и самого Китая, но и распространяется на весь мир без каких-либо ограничений по масштабам или сфере сотрудничества [131].

С момента реализации Инициативы «Пояс и Путь» экономическое сотрудничество между Китаем и странами вдоль маршрута было ещё более углублено, а зарубежные экономические интересы Китая значительно расширились в трех сферах: торговли, финансов и инвестиций. Однако, в процессе продвижения ИПП у Китая также выявились недостатки в обеспечении защиты своих зарубежных экономических интересов как на внутреннем, так и на международном уровне. В этой связи китайскому правительству и предприятиям необходимо чётко определить свои обязанности, внести изменения и в полной мере использовать платформу Инициативы для повышения способности Китая защищать свои зарубежные экономические интересы.

Постепенное продвижение ИПП предоставило Китаю новые возможности для расширения и защиты своих зарубежных интересов. Мотивы ИПП, рассматриваемые Китаем через призму реализма в международных отношениях многогранны и направлены в первую очередь на укрепление своей мощи, безопасности и стратегического влияния [132, 133]. Согласно реалистическому подходу, государства руководствуются собственными интересами, стремясь наращивать и сохранять мощь, также минимизировать уязвимость и закрепить место в балансе сил. Многие учёные считают ИПП, как одним из важных инструментов расширения геополитического и геоэкономического влияния Китая в глобальном масштабе [134, 135]. Эта инициатива не только способствует экономическому росту, но и укрепляет мягкую силу Китая за счёт формирования норм глобального управления и укрепления международного партнёрства.

Увеличение влияния (наступательный реализм). Особое место занимает концепция наступательного реализма. Данная теория международных отношений Джона Миршаймера, согласно которой анархичная международная система вынуждает государства постоянно максимально увеличивать свою

мощь, чтобы обеспечить своё выживание. В своей статье 1988 года «Анархия и пределы сотрудничества» Джозеф Грико писал: «Для реалистов международная анархия способствует конкуренции и конфликтам между государствами и подавляет их готовность к сотрудничеству, даже если у них есть общие интересы» [136].

Логическим следствием данной теоретической установки в китайском контексте становится государственная модель реализации инициативы. Поскольку международная среда воспринимается как пространство конкуренции, именно правительство Китая играет центральную роль в обеспечении экономических интересов за рубежом таких, как строительство платформ, создания правил и обеспечивания защиты компаний. Это показывает роялистское направление то, что государство как главный актор, который продолжит быть гарантом безопасности и продвижения национальных интересов.

Государства являются рациональными и ставят выживание в качестве долгосрочной стратегической цели. После понимания международной системы и окружающей среды государство должно учитывать, что политика других стран будет иметь краткосрочное или долгосрочное влияние на государство. Поэтому государство, как рациональный субъект, должно принимать решение, которое наиболее выгодно для него, т. е. максимально увеличивать свою мощь.

Инициатива «Пояс и Путь» через призму наступательного реализма обусловливается тем, что государства стремятся к власти и увеличению своего влияния для обеспечивания безопасности и выживания, что служит нескольким геополитическим и экономическим задачам, которые закрепляют всемирную репутацию Китая [137].

С точки зрения реалистичной геополитики китайская Инициатива представляет собой комплексный план, направленный на укрепление экономической мощи и политического авторитета Китая на мировой арене. Ключевые цели заключаются в том, что обеспечивается доступ к стратегическим ресурсам и расширяется рынок сбыта. В тоже время инициатива направлена на диверсификацию торговых путей.

Энергетическая безопасность Китая, крупнейшего в мире потребителя энергии является важнейшим национальным интересом, и ИПП способствует торговле энергоносителями и инвестициям на своих маршрутах, снижая зависимость от таких мест, как Малаккский пролив. Инициатива направлена на укрепление экономической мощи Китая путём стимулирования экономического развития в странах-партнёрах, создания альтернативных финансовых систем, которое бросают вызов традиционной Бреттон-Вудской системе, базирующейся в США [138, 139]. Инвестиции в зарубежную инфраструктуру дают Китаю контроль над сырьем и логистикой. В конечном итоге это способствует ему наращивать объемы торговли и развивать собственную экономику.

Осуществляя масштабные инфраструктурные инвестиции, Китай обеспечивает контроль над стратегическими ресурсами и логистическими хабами вс танах-участницах, что напрямую способствует диверсификации его

международной торговли стимулирует внутренний экономический рост. В международном дискурсе данная Инициатива воспринимается как не просто глобальный инфраструктурный мегапроект, но и как фундаментальная национальная стратегия Пекина. Ее концептуальная суть заключается в обеспечении глубокой связанности Китая с сопредельными государствами. В результате формируется единая трансъевразийская экономическая архитектура, характеризующаяся свободным перемещением логистических, финансовых и человеческих капиталов. Это генерирует колоссальные рынки сбыта для китайских товаров и услуг. Подобная геоэкономическая экспансия выступает для КНР ключевым инструментом проецирования мощи и закрепления своего влияния на глобальном уровне [140, 141].

Отображение экономической силы проявляются через финансирование инфраструктуры, долгосрочную аренду или активы, также через управление логистических узлов, что вызывает зависимость стран участниц и создаёт политические связи Пекина. Данные отчёта исследовательской лаборатории AIDDATA, в котором собрана информация почти о 21 тысяче проектов, профинансированных Китаем с 2000 по 2021 годы в 165 странах на общую сумму более 1.3 $ триллиона долларов опровергают популярный мифы о том, как Китай помогает развивающимся странам.

Таким образом, с позиций теории политического реализма такая интерпретация Инициативы является наиболее адекватной научной моделью описания стратегии Китая. Согласно этой модели, экономическая помощь трансформируется в рычаги политического влияния. С этой точки зрения, концентрация экономических ресурсов в руках государства для продвижения национальных интересов является подтверждением эффективности китайской модели управления.

Многие исследования показывают, что ИПП нечто большее, чем просто экономический проект, также это значительная попытка изменить динамику глобального влияния и бросить вызов традиционному доминированию западных стран. Эта идея перекликается с реалистическими теориями о смене власти, в которых подчёркивается, что влияние стран растёт и падает с течением времени. Инициатива представляет собой стратегический шаг стран-участниц по изменению их роли на мировой арене, создавая новые возможности как для сотрудничества, так и для конкуренции. Инициатива выступает не только как, инструмент экономического распространения, но также стратегическим приёмом, который ориентирован на сбалансирование воздействия других мировых держав. Реалистические интерпретации подразумевают, что Китай использует ИПП для установления экономической зависимости, расширения своего влияния в регионах, где традиционно сильное влияние Запада. Также некоторые реалистические взгляды подчёркивают её роль в расширении стратегического влияния Китая и оспаривании существующих гегемоний [142].

Продвигая ИПП, Китай стремится изменить геополитику Азиатско-Тихоокеанского региона, представляя альтернативную модель экономической глобализации и дипломатии, которая предполагает открытые границы, в отличие

от индо-тихоокеанской системы, возглавляемой Соединёнными Штатами, которая потенциально исключает Китай [143]. Эта китайская инициатива является проявлением стремления Китая быть в центре международной торговли и продвигать новый тип международных отношений [144]. Речь идёт не только об экономических выгодах, но и об укреплении позиций Китая, как мировой державы и формировании нового международного порядка в соответствии с его интересами [145, 146].

Геополитическая система взаимодействия Китая, США и Россия усложняет понимание того, как инициатива ИПП повлияет на мировую безопаснось [147]. Из-за нехватки глубоких исследований сложно объективно оценить как именно этот проект перекраивает международные отношения и меняет баланс сил в регионах от этого напрямую зависит стабильность во всем мире [148]. Примером является Южная Азия, где проекты вроде Китайско-пакистанского экономического коридора (CPEC) часто воспринимаются как экономическая экспансия Пекина. По сути, так Китай укрепляет свою «мягкую силу» и бросает прямой вызов Индии в ее традиционной сфере влияния.

В итоге борьба великих держав за правила нового мирового порядка заставляет ученых все чаще объяснять внешнюю политику Китая через призму классического реализма. В такой высококонкурентной среде создание собственных транспортных коридоров к альтернативных международных институтов становится для Пекина лучшим способом защитить свои интересы и гарантировать безопасность на годы вперед.

В этой связи реализм воспринимается как основа для объяснения стратегии Китая в рамках ИПП, как потенциальная угроза сложившемуся мировому порядку. Британский учёный Уильям Каллахан считает, что Китай предложил Инициативу «Один пояс, один путь» для установления «регионального порядка, ориентированного на Китай», аналогичного исторической системе дани; растущий Китай пойдёт «до конца», чтобы создать некую форму «нового повелителя» [73, с.3; 75, с.5]. В качестве типичного примера американский учёный Том Миллер в своей книге «Азиатская мечта Китая», опубликованной в 2017 году, отметил, что «нет сомнений в том, что миссия президента Си заключается в том, чтобы вернуть Китай в то состояние, в котором он видит Азию». Естественное, законное и историческое положение величайшей державы [74, с.11]. Это не означает, что Китай должен заменить Соединённые Штаты в качестве единственной сверхдержавы в мире, но это означает, что Китай должен доминировать на своём собственном заднем дворе. По мнению авторов, цель экономической дипломатии Китая состоит в том, чтобы создать современную систему взимания дани, при которой все дороги фактически ведут в Пекин.

Эта логика, ориентированная на Китай (власть), является распространённым заблуждением среди западных учёных относительно реализации ИПП. Очевидно, что, согласно такой логике, строительство «Пояса и Пути» не только продолжит неравноправные, несправедливые и зависимые международные экономические отношения прошлого, но и неизбежно спровоцирует новые геополитические конфликты с другими крупными

странами. Например, западные СМИ критиковали проекты строительства ИПП за то, что они отдают приоритет политическим соображениям, а рыночные интересы подчинены политическим целям. Наиболее экстремальной точкой зрения является так называемая «дипломатия долговой ловушки». По словам Суйшенга Чжао [149], западного специалиста по международным отношениям-реалисту, международные экономические отношения, сформированные в результате строительства «Пояса и Пути», скорее приведут к конфликту, чем к гармонии, и общее развитие невозможно.

В многочисленных исследованиях, анализирующих китайскую Инициативу, авторы с позиции реализма утверждают, что это тщательно разработанная концепция, направленная на укрепление геополитической мощи Поднебесной, защиту военных и экономических интересов, а также изменение баланса сил в мире. Ключевым элементом Инициативы является стремление Китая стратегически утвердиться в Евразии и за её пределами путем создания инфраструктурных связей, отвечающих как экономическим, так и стратегическим целям.

Следовательно, в рамках этой западной реалисткой модели ИПП воспринимается как проект по переформатированию евразийского пространства согласно китайской стратегии. В этой связи большое значение играет региональный аспект, который связан, прежде всего, с ЦА.

«Центральная Азия, с её богатыми природными ресурсами и стратегическим географическим положением, служит важнейшим компонентом ИПП, в частности, для обеспечения поставок энергоносителей и создания новых торговых коридоров, которые обходят традиционные морские препятствия. Изучение воздействия Инициативы на Центральную Азию приобрело особую актуальность, поскольку она оказывает глубокое влияние на региональную экономическую интеграцию, создание транспортной сети и геополитическую динамику.

С момента реализации инициативы, преимущественно сосредоточенной на развитии инфраструктуры, инициатива со временем расширилась, включив в себя торгово-экономическое и политическое взаимодействие в рамках Евразии. Географическое положение Центральной Азии, служащего мостом между Китаем и Европой в сочетании с её богатыми запасами природных ресурсов подчёркивают важность данной инициативы, как в практическом, так и в теоретическом плане. Ожидается, что развитие региона, постигаемое укреплением связей и притоком инвестиций, окажет значительное влияние на мировую торговлю, при этом инвестиции в инфраструктуру оцениваются в сотни миллиардов долларов США. «Увеличение значимости ИПП привлекло внимание исследователей к его роли в трансформации регионального развития и перераспределении сил» [150].

С реалистической точки зрения, участие Китая в Центральной Азии в рамках Инициативы, прежде всего, стратегический манёвр, направленный на усиление его мощи и защиту жизненно важных национальных интересов. Одним из ключевых мотивов является экономическое доминирование. Вкладывая

значительные средства в инфраструктуру в такую, как автомобильные и железные дороги и трубопроводы, Китай стремится облегчить поток товаров и ресурсов, тем самым более глубоко интегрируя региональные экономики в свою собственную экономическую сферу. Это создаёт надёжную цепочку поставок для китайской промышленности и открывает новые рынки сбыта для его продукции, способствуя устойчивому экономическому росту страны. Например, CPEC призван предоставить Китаю более короткий альтернативный маршрут на Ближний Восток, в Европу и Африку для торговли и поставок энергоносителей, что значительно сократит время и затраты на транзит.

Обеспечение энергетической безопасности играет решающую роль в определении внешней политики государств, что особенно заметно в Центральной Азии, которая богата природными ресурсами такими, как нефть и газ. В связи с быстрым экономическим подъёмом Китая его потребность в энергии постоянно растёт. Для решения этой задачи Китаю приходится проводить многогранную политику, включающую как оперативные меры, так и долгосрочные инвестиции в энергетическую инфраструктуру и развитие сотрудничества со странами Центральной Азии. Целью этой политики является расширение круга поставщиков энергоносителей и снижение зависимости от уязвимых морских путей. Особенно в Индийском океане [151]. Исходя из этого, Китай не только обеспечивает надёжность своего энергоснабжения, но и укрепляет своё влияние в мире, гармонично сочетая экономические интересы в области ресурсов с внешнеполитическими целями. Примерами энергетической страховки Китая может послужить нефтегазовый сектор, например действующие линии A-C газопровода «Центральная Азия-Китай», которых суммарная пропускная способность составляет 55 миллиардов кубометров в год по данным 2015 года [152]. Данный газопровод остаётся ключевым приоритетом Пекина, но с затяжными задержками и также Китай не хочет зависеть от только одного маршрута, который проходит через Казахстан, поэтому Китай хочет импортировать газ с газового месторождения Галкыныш, который находится в Туркменистане. Это линия считается как Линия D газопровода «Центральная Азия-Китай» и который будет проходить с Туркменистана через Узбекистан, Таджикистан и Кыргызстан в Китай. Но данный проект пока не реализован так, как столкнулся рядами проблем таких, как, во-первых, географические барьеры в виде гор в Таджикистане, чтобы построить трубу нужно соорудить 42 туннеля, а это стоит дорого и технически сложно. Во-вторых, стройка Линии D приостановилось из-за финансовых моментов так, как Таджикистан и Кыргызстан в долгах перед Китаем, что может увеличить их государственный долг, поэтому они не смогут сами финансировать строительство [153, 154].

Кроме того, ИПП служит политическим интересам Китая и интересам безопасности в регионе. Укрепляя экономическую взаимозависимость, Китай может оказывать большее политическое влияние на государства Центральной Азии, тем самым противодействуя влиянию других крупных держав таких, как США и Россия. Развитие стабильных и процветающих соседних регионов также способствует внутренней безопасности Китая, особенно в его западных

провинциях таких, как Синьцзян, который граничит с несколькими странами Центральной Азии. Развитие стабильных и процветающих соседних регионов также способствует внутренней безопасности Китая, особенно в его западных провинциях таких, как Синьцзян, который граничит с несколькими странами Центральной Азии. Экономическое развитие и стабильность в этих прилегающих регионах могут помочь смягчить потенциальные беспорядки или экстремистские деятельности.

В целом, повышение интереса Китая к государствам Центральной Азии было продиктовано тем, что Пекин:

1. Опасается установления геополитического контроля США над регионом и приближения зоны его влияния непосредственно к своим границам, но в нынешнее время Китай имеет разногласия с США по поводу Тайваня и влияния в Индо-Тихоокеанском регионе.

2. Хочет закрепить за собой хоть какой-то доступ к запасам нефти. Например, за 15 лет трубопровод «Центральная Азия - Китай» снабжает газом более 500 миллионов человек в 27 провинциях Китая и Специальном административном районе Гонконг [155].

3. Боится столкнутся с резким усилением поддержки, оказываемой уйгурским сепаратистам и экстремистам в Синьцзяне с территории Афганистана. Несмотря на растущую военную и экономическую и стабильную, и мирную обстановка в области безопасности за последние столетия, Пекин поглощён отсутствием безопасности и целями обеспечения внутренней стабильности и защиты национального единства. Китай особенно озабочен подавлением внутренних волнений среди этнических меньшинств таких, как уйгуры в Синьцзяна, которые проживают в малонаселённых, относительно отдалённых, экономически отсталых и стратегически важных приграничных районах. Центральная Азия исторически оказывала значительное влияние на стабильность северо-западных провинций Китая из-за своей географической близости и существования трансграничных этнических групп. Пекин опасается связи между внутренними вызовами и внешними угрозами, особенно уйгурской диаспорой, которая пересекает национальные границы. Любая нестабильность в странах региона, особенно в Казахстане и Кыргызстане, окажет прямое негативное влияние на северо-западный регион Китая. Из-за этого Китай стремится поддерживать мир, предсказуемость и светские власти в государствах Центральной Азии.

В заключении китайская инициатива «Один пояс, один путь» для Центральной Азии демонстрирует многогранную стратегию, основанную на ключевых интересах государства: получении прибыльных экономических ресурсов, обеспечении энергетической надёжности, увеличении политического веса и поддержании порядка в регионе. Эти инициативы служат компонентами более широкой стратегической структуры, направленной на повышение международного авторитета Китая и оспаривание преобладающих парадигм гегемонии [156]. Целостные и взаимосвязанные характеристики экономических, политических аспектов «Пояса и Пути» и аспектов безопасности подчёркивают

долгосрочные геостратегические интересы Китая в Центральной Азии и в глобальном контексте.

Таким образом, с позиций реализма/неореализма Инициатива «Пояс и Путь» является рациональной стратегией КНР усиления своей роли в условиях меняющейся геополитики через три основных аспекта. Первый, создание инфраструктуры и финансовые вливания укрепляют влияние КНР в ЦА. Второе, для стратегического выживания превращает ЦА в безопасную зону, которая гарантирует бесперебойную поставку грузов. Третье, с позиций наступательного реализма Инициатива влияет на создание новой евразийской архитектуры, где главную роль играет Китай.

Либерально-институциональный фильтр

Несмотря на убедительность аргументов реализма, он не учитывает основных характеристик Инициативы, как идея об общем процветании, взаимной зависимости, институционализации. Это требует обращения к положениям либерального институционализма.

Либеральная теория утверждает, что поведение государства в мировой политике определяется его фундаментальными социальными целями, а не распределением сил, как у реалистов. Предпочтения государства первичный формируются на основе взаимодействия государства с обществом. В своей работе исследователь Э. Моравчик показывает три ключевых аспекта либерального подхода [63, с.516-521]. Первый - приоритет общественных акторов, где указывается, что основными игроками являются рациональные индивиды и частные группы, которые организуются для продвижения своих интересов. Вторым является, государство как представитель, а не самостоятельный субъект, а «институт представительства», захватываемый коалициями общественных сил, которые транслируют свои интересы в государственную политику. Третья – это взаимозависимость в международной системе, где поведение государства определяется конфигурацией взаимозависимых предпочтений всех вовлечённых стран. Конфликт или сотрудничество зависят от того, насколько цели государств совместимы или противоречат друг-другу.

В теории международных отношений на этот счет есть два взгляда. Реалисты считают мир ареной вечной борьбы, где нет единых правил, а все решает право сильного. Либералы же спорят с этим, утверждая, что тесные экономические связи отлично предотвращают насилие, когда страны зависят друг от друга финансово, воевать становится невыгодно.

Посмотреть на китайскую инициативу «Пояс и Путь» с позиций либерализма, ее можно назвать попыткой построить новую, более справедливую глобализацию [157]. Суть этой идеи в том, чтобы развивать инфраструктуру сообща, соединяя Азию, Европу и Африку дорогами и портами, и распределять выгоду между всеми участниками. С одной стороны, проект стимулирует торговлю и интеграцию, но с другой вызывает немало споров, так как несет в себе риски для экономической независимости стран-участниц и бросает вызов традиционному западному порядку.

Тем не менее сторонники либерального подхода, начиная еще с английского мыслителя XIX века Ричарда Кобдена, уверены, что свободный рынок это лучший миротворец. Расширение торговых связей, по его мнению, формирует взаимную зависимость государств, при которой их благосостояние напрямую связано с сохранением стабильных и мирных отношений. В данных обстоятельствах война перестает быть рациональной, поскольку она ведет к нарушению потоков торговли, росту государственных расходов и увеличению налогового бремени. Следовательно, экономические издержки конфликта делают его невыгодным, побуждая государства переносить свои стратегические приоритеты с противостояния на сотрудничество [158].

На первый взгляд, ИПП отражает эту логику так, что углубление экономических связей Китая со странами-партнёрами через инфраструктуру, кредиты и цепочки поставок формирует взаимозависимость. Такая взаимозависимость может снижать вероятность конфликтов, поскольку делает их экономически невыгодными. Страны, чья инфраструктура развивается при поддержке Китая, объективно заинтересованы в сохранении стабильных отношений с Пекином. Данная инициатива предполагает значительные капиталовложения в развитие инфраструктуры с целью стимулировать налаженную и беспрепятственную торговлю, оптимальное использование доступных средств и тесную взаимосвязь между рынками вовлечённых государств. В этом контексте Китай выступает, как поставщик инфраструктурных и финансовых ресурсов, формируя у стран региона заинтересованность в кооперации и стабильности, что соответствует либеральному тезису о миротворческом потенциале экономической интеграции. Китайские лидеры недвусмысленно ожидают, что экономическое развитие и связь вдоль коридоров ИПП будут способствовать стабильности и уменьшению угроз безопасности.

Инвестиции в инфраструктуру, упрощение торговли и развитие финансовых связей направлены на то, чтобы соединить страны-участницы в сеть взаимозависимости – механизм, который ещё классические либералы, начиная с Канта рассматривали как путь к миру [159]. Эмпирические данные в целом подтверждают эту логику. Инициатива ИПП в определённой степени усиливает сотрудничество между странами-участницами и Китаем и одновременно снижает уровень конфликтности. Механизм здесь достаточно простой: больше экономических связей, тем выше цена конфликта, то значит более сдержанное поведение государств. Это и есть классическая либеральная логика взаимозависимости.

Либеральный институционализм ассоциируется с такими авторами, как Р.Кеохэйн, который показал, что правила и институты делают сотрудничество выгоднее конфликта. Совместно с Джозефом Наем Кеохэйн разработал концепцию «сложной взаимозависимости», объясняющую, как экономические и социальные связи ограничивают роль военной силы. Его книга «After Hegemony» показала, что международное сотрудничество возможно даже без доминирования одной державы, так как институты снижают издержки

взаимодействия, обеспечивают прозрачность и формируют ожидания поведения [160]. Эта теория стала ядром неолиберального институционализм, который является главным конкурентом неореализма в международных исследованиях.

Либеральный институционализм исходит из того, что международные институты, к примеру правила, нормы и организация снижают издержки взаимодействия и упрощают сотрудничество. ИПП в целом работает через этот же механизм, но с важным отличием.

Западная модель опирается на жёсткие правила такие, как формированные стандарты, условия (например, реформы в обмен на помощь) и юридические процедуры разрешения споров. В рамках ИПП акцент смещён на то, что китайский исследователь, учёный-международник Цинь Яцин называет «реляционным управлением», что означает на развитие двусторонних отношений через переговоры, доверие и гибкость, а не через универсальные правила [161]. Здесь приоритет даётся не в навязывании норм, а выстраивании устойчивых отношений с партнёрами в том числе, через инфраструктурные и экономические связи.

Отсюда возникает практическое различие в том, что проекты ИПП часто обходят те условия (экологические стандарты, трудовые нормы, требования к управлению), которые характерны для западных институтов. При этом речь идёт не столько об идеологическом отказе от этих норм, сколько о фрагментированности самой инициативы так, как в ней задействованы разные государственные структуры, компании и регионы Китая, действующие с разной степенью координации [77, с.11]. В результате происходит скорее непреднамеренное ослабление привычных стандартов, чем их сознательное отрицание.

Анализ официальных документов показывает, что ИПП во многом опирается на либеральные принципы такие, как поддержка открытой торговли, инвестиций и многостороннего взаимодействия. Инициатива не предлагает прямой альтернативы существующему порядку, а скорее функционирует внутри него, стремясь сделать его более инклюзивным.

Но, с другой стороны, ИПП можно рассматривать как критику неолиберальной глобализации, не как в целом либерализма, а той его версии, которая по мнению Китая, преимущественно обслуживала интересы западных стран. В этом смысле инициатива предлагает более «инклюзивную» модель глобализации, направленную на более равномерное распределение выгод и расширение возможностей для развивающихся стран [157]. Логика сотрудничества в рамках Инициативы «Пояс и Путь», считающиеся, как «инклюзивная глобализация», совместные инвестиции, развитие инфраструктуры и расширение межличностных обменов концептуально близка неолиберальному институционализму.

С точки зрения теории перехода силы, ИПП можно рассматривать, как инструмент расширения экономического влияния Китая через инфраструктуру, торговлю и инвестиции. Это поднимает ключевой вопрос, а сможет ли растущая держава встроиться в существующий либеральный порядок или будет его

трансформировать. Инициатива возникла не случайно, а как ответ на ряд факторов, например, замедление экономического роста Китая, усиление присутствие США в Азии и осложнение отношений с соседними странами [162,163]. Поэтому ИПП можно рассматривать одновременно, как защитную экономическую стратегию и как наступательный институциональный проект.

Системный эффект заключается в том, что ИПП усиливает импульс к преобразованию глобального управления, не путём демонтажа либеральных институтов, а путём создания параллельных или дополнительных институтов (таких как АБИИ), которые работают с другими структурами принятия решений и приоритетами.

Инициатива ИПП не отвергает либерализм целиком, а сохраняет свою экономическую основу (взаимозависимость способствует миру и процветанию), одновременно оспаривая специфическую институциональную и нормативную архитектуру, с помощью которой западные державы реализуют либеральные принципы. Результатом, скорее всего, будет не крах либерального порядка, а его постепенная трансформация в более плюралистическую систему, в которой либеральная экономическая логика сосуществует с различными моделями управления и конкурирующими представлениями о законной международной власти.

В литературе, посвящённой Инициативе, основное внимание уделяется ее многогранному экономическому воздействию на Центральную Азию. Регион занимает географическое сердце Инициативы.

Эти страны экономически изолированы друг от друга, при этом внутрирегиональная торговля составляет небольшой процент от всей трансграничной торговли, и они сильно зависели от России, особенно в том, что касается денежных переводов, которые составляли почти треть ВВП Кыргызстана и Таджикистана до войны России на Украине [164]. Их географическое положение, не имеющее выхода к морю, и дефицит инфраструктуры делают их одними из наиболее зависимых стран получателей инициативы и, следовательно, идеальными примерами для проверки предсказаний либеральной теории.

Крупные инвестиции в инфраструктуру железнодорожных путей и автодорог, а также в логистические центры, сельскохозяйственный и энергетический секторы были сделаны более чем в 50 странах Евразии, от Китая через Центральную Азию до Западной Европы [165]. Из 149 государств - членов инициативы ОПОП 5 являются центральноазиатскими.

По либеральному прогнозу, углубление торговых и инвестиционных связей должно уменьшить конфликты, укрепить доверие и способствовать проведению совместной внешней политики.

Но созданная взаимозависимость реальна, но структурно асимметрична. Главное таможенное управление Китая опубликовало данные, согласно которым объем торговли между Китаем и странами Центральной Азии впервые превысил рубеж в 100 млрд долларов США в 2025 году [166]. По итогам 2025 года Китай впервые стал крупнейшим торговым партнёром для всех стран Центральной

Азии. Однако это не та взаимозависимость, которую представляют себе либералы. Туркменистан и Казахстан являются основными поставщиками нефти и газа в Китай, в то время как на долю Китая приходится 70 процентов импорта сырьевых товаров Таджикистана и Кыргызстана [167]. Торговое доминирование Китая в Центральной Азии характеризуется импортом сырья и экспортом готовой продукции обратно в регион, что создаёт растущий торговый дисбаланс, особенно для Кыргызстана и Таджикистана. Это создаёт зависимость, в которой центральноазиатские государства нуждаются в Китае гораздо больше, чем Китай нуждается в любом из них - динамика, более близкая к меркантилизму, чем к либеральной взаимозависимости.

По следующему либеральному принципу, общие институты направляют споры, обеспечивают соблюдение правил и социализируют государства в соответствии с нормами сотрудничества.

Тем временем, Китай использовал Шанхайскую организацию сотрудничества в качестве институциональной оболочки для взаимодействия в рамках инициативы ОПОП. Однако цель инициативы - объединить и усилить плотную сеть двусторонних соглашений о свободной торговле в многостороннюю структуру, основанную на притяжении Китая [78, с.367]. На практике реальные сделки заключаются на двусторонней основе и в непрозрачных условиях. Многие страны-партнёры ценят минимальные политические условия, которые выдвигает китайское финансирование, по сравнению с финансированием, предлагаемым Международным валютным фондом, Всемирным банком и Азиатским банком развития [168]. Этот двусторонний подход и отсутствие каких-либо условий как раз и обходят стороной многостороннюю архитектуру нормотворчества, на создание которой либеральные институционалисты потратили десятилетия.

С либеральной точки зрения, внешние инвестиции, обусловленные реформами государственного управления, должны подтолкнуть государства к верховенству закона, прозрачности и, в конечном счёте, к демократизации.

Именно в этом ИПП наиболее резко отличается от либерализма. Китай активно стремится сформулировать ценности, которые могут быть привлекательны для каждого человека, некий вариант развития и благополучия - таким образом, чтобы демократия и права человека были недоступны. В Белой книге КПК под названием «Демократия, которая работает», опубликованной в декабре 2021 года, переосмыслено понятие демократии в китайских терминах, подчёркивается, что целью деятельности КПК, включая ИПП, является процветание для всех под контролем государства [169].

Говоря более конкретно, и ИПП, и продвижение автократии можно рассматривать как инструменты, которые Пекин использует для подрыва либерального международного порядка. ОПОП играет двойную роль: он расширяет сферу влияния Пекина и укрепляет автократию в его сфере влияния. КНР придерживается таких принципов, как невмешательство и уважение государственного суверенитета, которые являются частью её Пяти принципов мирного сосуществования, в отличие от применения универсалистских

либеральных принципов [170]. Либеральные ожидания относительно пути модернизации - экономический рост → средний класс → демократизация - не оправдались. Во всяком случае, потоки доходов ИПП обеспечили устойчивость режима центральноазиатских автократов без подотчётности в области развития.

Таджикистан демонстрирует типичную для либерализма проблему асимметричной взаимозависимости. Хотя уровень задолженности относительно невысок (3,6 млрд или 25,2% ВВП), ее структура указывает на высокую концентрацию обязательств перед одним кредитором и это Китаем, на долю которого приходится около 1 млрд долларов США.

Это прослеживается в передаче прав на разработку месторождений полезных ископаемых, в предоставлении налоговых льгот китайским компаниям и в характере инфраструктурных проектов. Например, заемные средства фактически возвращаются китай ским подрядчикам, тогда как долговое бремя сохраняется за Таджикистаном [171].

В итоге вместо взаимной выгоды симметричной для обоих сторон, формируется устойчивая зависимость, ограничивающая экономическую и политическую маневренность государства.

Как отмечает Пол Хенле, директор Центра Карнеги «Некоторые считают, что Китай применяет «долговую ловушку» в рамках инициативы «Пояс и Путь», заманивая развивающиеся страны в долговую зависимость, а затем превращая эту зависимость геополитическое влияние» [172]. Вместе с тем истинные масштабы китайской «дипломатии долговой ловушки» остаются предметом ожесточенных споров. Хотя чрезмерный государственный долг действительно делает страны более уязвимыми для китайского влияния, определенную долю ответственности следует возложить и на правительства стран-получателей.

С либеральной точки зрения, это представляет собой грубое нарушение нормы суверенного равенства. Вместо того, чтобы включить Таджикистан в основанный на правилах порядок, защищающий малые государства, ИПП создала структурную зависимость, которая уже привела к территориальным уступкам - чему нет аналога в отношениях либерального порядка, возглавляемого Западом, с малыми государствами.

Помимо своего влияния на отдельные страны, инициатива является частью стратегического стремления Китая бросить вызов влиянию Запада, в частности распространению Западом прав человека и демократии как универсальных ценностей, которые сформировали либеральный международный порядок.

ЕС, сторонник таких норм, как демократия, верховенство закона и уважение прав человека, и Китай становятся все более вовлечёнными в усиливающийся глобальный раскол, в результате которого противостоят либеральный и нелиберальный лагеря. В Центральной Азии инициатива Китая ОПОП имеет значительные последствия для государств региона, оказавшихся между противоречивыми геополитическими интересами.

Центральная Азия раскрывает ИПП как то, что учёные называют ориентированным на Китай порядком взаимодействия, сохраняющим форму экономической глобализации при систематической замене её нормативного

содержания. Китай стремится извлечь выгоду из структурной отсталости и преобладающего недовольства стран-получателей либеральным международным порядком и его западноцентричными нормами и институтами, продвигая тем самым свою ревизионистскую повестку дня [173]. Согласно либеральной теории международного сотрудничества, Центральная Азия - это не просто регион, где действует Инициатива, это пространство, где идеологические ставки конкуренции либерального и нелиберального порядка наиболее очевидны.

Таким образом, либерально-инсиитуциональный анализ показывает, что ИПП действительно усиливает экономическую взаимозависимость и сотрудничество в Центральной Азии, однако возникщие связи остаются асимметричными и не сопровождаются распростроением либеральных норм и институтов. Поэтому инициатива выступает не как инструмент укрпеления классического либерального порядка, а как механизм его постепенной трансформации в более плюралистическую модель международного взаимодействия.

Конструктивизм. С позиций конструктивизма Инициативы «Пояс и Путь» (ИПП) также формируется также как социальный конструкт. Для ЦА это означает, что влияние Китая зависит от того, как в этому относятся политические элиты и само общество. Конструктивистский подход позволяет выделить три ключевых измерения реализации ИПП в Центральной Азии.

Во-первых, он акцентирует внимание на ребрендинге геополитического пространства региона. Используя исторический нарратив Великого шелкового пути, Пекин представляет ИПП как проект мирного сотрудничества и общей исторической судьбы. С конструктивистский точки зрения Инициатива рассматривается не как экспансионистская стратегия, что характерно для реалистического подхода, а как попытка возродить исторические связи и сформировать новую региональную идентичность.

Во-вторых, ИПП способствует формированию новой нормативной идентичности. Через концепцию Соощества единой судьбы человечества Пкин стремится выстраивать отношения со странами Центральной Азии на принципах невмешательства, взаимного уважения и инклюзивности. Для многих государств региона такой нормативный подход также воспринимается как возможная альтернатива западной ценностной модели.

В-третьих, конструктивистский подход акцентирует внимание на процессах социализации и восприятия. Долгосрочный успех ИПП зависит не только от экономических результатов, но и от способности Пекина сформировать позитивный общественный образ Инициативы. Общественное восприятие ИПП в сочетании с исторической памятью играет важную роль в формировании отношения неселения и позволяет объяснить сохранение синофобских настроений в Казахстане и Кыргызстане.

Таким образом, конструктивизм дополняет другие классические теории, доказывая, что региональные проблемы ЦА невозможно решать через баланс сил

и торговые соглашения. Решения этих проблем также зависят от взаимного восприятия, которое в итоге определяет вектор трансрегионального восприятия.

Теория зависимости и мир-системный анализ во внешнеэкономической политике КНР в Центральной Азии

Для того чтобы проанализировать взаимосвязи между КНР и стран ЦА в рамках Инициативы «Пояс и Путь» необходимо обратится к теориям зависимости и взаимозависимости, что позволит оценить устойчивость отношений между участниками ИПП.

Теория зависимости возникла в конце 1950-х годов как критический взгляд на международное развитие, бросающий вызов традиционным теориям [66, с.59]. Она делит мир на развитые страны центра и развивающуюся периферию, которые эксплуатируются странами центра в силу своего положения в мировой системе и поэтому страдают от недостаточного развития, коррупции и других бед, что противоречит неоклассическим прогнозам. Теория зависимости изучает неравные отношения между развитыми и развивающимися странами и последствия зависимости в разных странах, в первую очередь проводя различие между развитыми (центральными) и развивающимися (периферийными) странами. Развитые страны часто выигрывают в развитии и получают преимущества, вытекающие из этой неравноправной зависимости. И наоборот, для развивающихся стран зависимость, как правило, является существенным фактором, способствующим их слабому развитию. Потенциальные выгоды от такой взаимозависимости, как правило, извлекаются из экспорта капитала развитых стран, при этом ожидается, что слаборазвитые страны будут использовать эти внешние условия для стимулирования своего собственного развития.

Теория глобальной системы Валлерстайна утверждает, что, хотя структура «ядро - полупериферия - периферия» остаётся неизменной, положение страны в этой системе может различаться, что приводит к переходу между различными классификациями [174]. Американский исследователь Рассетт утверждает, что теория зависимости объясняет три различных феномена Третьего мира - отсталость, маргинализацию и зависимое развитие - с помощью независимой переменной - функционирования глобальной экономики. С точки зрения базовой методологии, любая гипотеза, объясняющая три взаимоисключающих результата только одной независимой переменной, не является научной. На самом деле теория зависимости - это всего лишь одномерный анализ, который использует функционирование глобальной капиталистической экономики или международной экономики в целом для объяснения дисбалансов в международном росте [65, с.58]. В этой теории подчёркивается функциональная неполнота внутренней экономики развивающихся стран и её зависимость от внешних дополнений.

Инициатива «Пояс и Путь» (ИПП) заметно усилила экономическое влияние Китая в Центральной Азии.

«Вместе с тем растущая вовлеченность Китая порождает для данной категории государств новые сложности и риски. Это особенно актуально,

поскольку чрезмерная зависимость от Китая может привести к замене одной формы внешнего влияния другой, ограничивая их способность самостоятельно выстраивать стратегию и маневрировать в сфере внешней политики. Такое явление может проявляться по-разному, например Китай способен опираться на свою экономическую мощь, чтобы по мере нарастания зависимости этих государств от интересов Китая влиять на политические приоритеты. В конечном итоге это способно подрывать суверенитет и автономию государств, а также потенциально вынуждать их идти на уступки, противоречащие их национальным интересам. С западной точки зрения опасения относительно экономического веса Китая и возможного использования подхода «долговой ловушки» являются обоснованными. Практики западного империализма и колониализма ранее обеспечивали тотальный экономический контроль и сопровождались утратой суверенитета у колонизированных стран, что вызывало тревоги по поводу возможных современных аналогов. Чтобы задействовать экономический потенциал Китая и одновременно защитить свой суверенитет и автономию, этим государствам необходимо стремиться к тщательно сбалансированному положению дел. Это может потребовать диверсификации международных партнерств, укрепления региональной интеграции и создания устойчивых институциональных механизмов, способных противостоять внешнему давлению. В конечном счете наиболее действенным способом для этих стран может стать взвешенный и проактивный подход, который одновременно использует открывающиеся благодаря Китаю возможности и сохраняет бдительность в защите собственных интересов» [175].

Реализация инициативы в Центральной Азии описывается как ориентированная на Китай, предполагающая двусторонние договоренности вместо многостороннего принятия решений. Такой подход усложнил многовекторную стратегию внешней политики региона и усилил конкуренцию между региональными игроками. Хотя инициатива открывает возможности для экономического развития, она также несет риск зависимости и геополитической напряженности, отражая сложность современной модели предоставления иностранной помощи.

Однако растущая зависимость заставляет задаться вопросом, можно ли рассматривать присуствие Китая в Центральной Азии, как форму неоколониализма и зависимости. Теория зависимости подкеркивает историческое неравенство между Глобальным Севером и Глобальным Югом, а отношения Китая со странами Центральной Азии, опирающиеся на общий опыт империализма, подкрепляют данную теорию. Кроме того, зависимость Центральной Азии от Китая может привести к ограниченному участию в экономике, деиндустрализации и концентрации богатства в руках коррумпированных элит [176]. Несмотря на все эти противоречия, Китай по прежнему является наиболее влиятельным участником в Центральной Азии, а необходимость управлять противоречиями между развитием и зависимостью представляет собой серьезную задачу. Указанные риски долговой зависимости согласуются с предупреждениями, сформированными Дж.Херлей и др.

Подтверждено, что страны-реципиенты сталкиваются с риском оказаться под бременем неустойчивой задолженности [76, с.12].

В случаях Кыргызстана и Таджикистана уровни внешнего долга заметно выросли после активного участия в проектах ИПП, что усиливает срочность проблемы и подчеркивает необходимость поиска сбалансированных механизмов финансирования. Таджикистан является наиболее яркой иллюстрацией теории зависимости в Центральной Азии. Государственный долг Таджикистана на 1 января 2025 года составил $3,6 млрд, сообщил министр финансов страны Файзиддин Каххорзода сегодня, 14 февраля, на пресс-конференции в Душанбе. По его словам, соотношение госдолга к ВВП составило 25,2%, что является наиболее низким уровнем за последние 15 лет. Главным кредитором страны остаётся Китай, которому Таджикистан задолжал около $1 млрд [177]. В счёт погашения внешнего долга перед Китаем, Таджикистан передал КНР права на разработку нескольких золоторудных месторождений, в частности месторождение «Верхний Кумарг» [178]. В 2011 году Таджикистан передал Китаю 1158 квадратных километров (по другим данным, чуть меньше, около 1122 кв. км) территории в отдалённом горном массиве Памир [179]. Официально передача была оформлена для окончательного решения пограничных вопросов, длившихся с 2002 года, а не прямым изъятием за долги. Однако это произошло на фоне растущей экономической зависимости и государственного долга перед Китаем. Затем, информация о создании Китаем военного объекта в Горно-Бадахшанской автономной области (ГБАО) Таджикистана, граничащей с Афганистаном, неоднократно появлялась в СМИ (начиная с 2018–2019 гг.). Душанбе и Пекин официально отрицают наличие китайской военной базы, заявляя, что объекты строятся для нужд пограничников или МВД Таджикистана, но финансируются КНР [180]. Как уточняет эксперт научного берлинского центра «Карнеги» Темур Умаров, что это, вероятно, база Народной вооружённой милиции Китая, а не регулярных войск НОАК, и её существование выгодно Таджикистану для укрепления границ [181]. В 2019 году Правительство Таджикистана проголосовало за освобождение китайской горнодобывающей компании Kashgar Xinyu Dadi Mining Investment от всех видов налогов и таможенных пошлин сроком на семь лет, а также за предоставление ей прав на разработку месторождения серебра «Якчилва» в высокогорном регионе Памир [182]. Кроме того, другим важным проектом ИПП был капитальный ремонт дороги Душанбе-Чанак, финансируемый Эксимбанком за счёт кредита почти в 290 миллионов долларов, контракт на который получила Китайская дорожно-мостовая корпорация, что означало, что деньги были быстро перенаправлены обратно в Китай, хотя долги остались в Таджикистане.

Дальнейший анализ результатов выявил важную роль энергетического фактора в соответствии с выводами Маниша и А. Бехера [183]. Было подтверждено, что доступ Китая к энергетическим ресурсам Центральной Азии является одним из ключевых мотивов ИПП. Было установлено, что инвестиции в энергетический сектор являются приоритетными, а сотрудничество с Китаем позволило странам региона частично модернизировать свою энергетическую

инфраструктуру. В то же время были выявлены риски повышенной зависимости от одного потребителя, что представляет угрозу долгосрочной энергетической безопасности.

Экспорт центральноазиатских товаров в Китай в подавляющем большинстве состоит из сырьевых товаров. Экспорт из Центральной Азии в Китай действительно характеризуется высокой сырьевой направленностью. Казахстан занимает лидирующие позиции по поставкам нефти, медных катодов и сельскохозяйственной продукции (включая пшеницу). В то же время Туркменистан значительно зависит от Китая как основного покупателя природного газа, экспортируя через газопровод ЦА–КНР большую часть своего объёма [184]. Китай, в свою очередь, экспортирует оборудование, электронику и потребительские товары - классическая модель неравноправного обмена, выявленная Пребишем и Сингером [166].

Основная критика в отношении зависимости заключается в том, что инфраструктура ИПП (автомобильные, железные дороги, трубопроводы) строится для добычи, а не для развития. Коридор Китай – Центральная Азия – Западная Азия и автодорожные проекты Китай–Кыргызстан–Таджикистан в первую очередь способствуют потокам ресурсов и транзита за рубеж, а не внутренней промышленной интеграции. Китайские строительные фирмы, часто привлекающие китайскую рабочую силу (по оценкам, 70-90% работников на некоторых проектах), ограничивают занятость местных жителей и передачу технологий. Это отражает то, что Дос Сантос (1970) назвал «технологически-промышленной зависимостью» - периферия не может воспроизводить сектор капитальных товаров внутри страны [185, 186].

Подводя итог, можно сказать, что направление исследований по теории зависимости и ИПП в Центральной Азии отражает более широкое развитие науки о ИПП, от пропагандистской или описательной работы до подлинно аналитического исследования структурной асимметрии власти. Наиболее продуктивным направлением в настоящее время является переход от бинарных схем зависимости или развития к контекстно-зависимым моделям, которые учитывают уникальное положение Центральной Азии на пересечении множества проектов взаимодействия великих держав. Концепция двойной зависимости и мир-системные подходы являются передовыми, хотя и требуют более тщательной эмпирической проверки.

Центральная Азия предлагает один из самых убедительных эмпирических примеров применения теории зависимости к китайской внешнеэкономической политике 21 века. Структурное выравнивание, экспорт сырья, инфраструктура, созданная для добычи полезных ископаемых, растущая долговая асимметрия и политическая уступчивость, полностью соответствует модели зависимости, хотя и с важными изменениями. Вместе с тем государства Центральной Азии сохраняют более высокий уровень политической и экономической автономии, чем предполагет классическая теория зависимости. На характер их взаимодействия с Китаем также влияют конкуренция со стороны России,

интересы национальных элит и собственные стратегии социально-экономического развития.

Теория взаимозависимости как аналитическая рамка стратегического выбора государств Центральной Азии

В то время как теория зависимости (Фрэнк, Валлерстайн) фокусируется на структурной эксплуатации, теория взаимозависимости, наиболее полно разработанная Робертом О. Кеохейном и Джозефом Найем в книге «Власть и взаимозависимость» (1977) [187], предлагает иную точку зрения. Вместо того, чтобы рассматривать отношения Север–Юг как отношения с нулевой суммой, авторы утверждают, что плотная сеть взаимных связей изменяет поведение государств, снижает эффективность применения силы и открывает возможности для сотрудничества.

Тремя основными столпами сложной взаимозависимости Кеохана и Найя являются: во-первых, множество каналов взаимодействия, не только межгосударственная дипломатия, но и межгосударственные связи (бюрократия, регулирующие органы), транснациональные связи (фирмы, банки, гражданское общество) и многосторонние институты, действующие одновременно. Во-вторых, отсутствие иерархии между вопросами в условиях сложной взаимозависимости военная безопасность автоматически не превосходит экономическую или экологическую повестку дня. Торговля, энергетика, миграция и инфраструктура сами по себе становятся легитимными инструментами внешней политики. В-третьих, упадок военной силы, среди сильно взаимозависимых государств сила становится дорогостоящим и все более неэффективным инструментом, заменяемым экономическими рычагами, институциональными правилами и мягкой силой.

Важно отметить, что Кеохейн и Най также провели различие между чувствительностью и уязвимостью взаимозависимости [81, с.294]. Первое это, насколько быстро и болезненно изменения в одной стране влияют на другую в краткосрочной перспективе. Второе это, способность страны в долгосрочной перспективе изменить свою политику и снизить зависимость, а также какова цена за такие изменения. Чувствительность сама по себе ещё не означает сильное политическое влияние. Оно возникает тогда, когда более сильный актор может опираться на существующие правила игры, а зависимой стороне слишком дорого или сложно быстро изменить курс.

Для Центральной Азии это особенно важно так, как страны региона в целом чувствительны к экономическим потокам из Китая. Но их уязвимость различается, одни могут относительно легко адаптироваться, тогда как другие сталкиваются с высокими издержками выхода из этой зависимости. Официальное обозначение Инициатива «Пояс и Путь» (ИПП) в Китае имеет ярко выраженный кеоханский оттенок. Инициатива ИПП построена на принципах взаимной выгоды и беспроигрышных результатов, и её можно охарактеризовать как квинтэссенцию либерализма, учитывая её неприятие политики силы, акцент на взаимной выгоде и международном сотрудничестве, а также продвижение механизмов консультаций [89, с.5].

Инициатива «Пояс и Путь» может повлиять не только на социально-экономическую повестку дня правительства принимающей страны, но и на ее двусторонние отношения с Китаем в целом. Стратегическая цель Пекина заключается в углублении сложной взаимозависимости с государствами-партнёрами по пяти основным направлениям сотрудничества: координация политики, развитие инфраструктуры и связи, содействие торговле и инвестициям, финансовая координация и интеграция, а также связи между людьми. Эти последствия - в виде инфраструктуры, институтов и взаимозависимости во многих областях - постепенно меняют физический и политический ландшафт во всем регионе в целом [188, 189].

Энергетические отношения между Китаем и Центральной Азией являются наиболее развитым примером взаимозависимости, основанной на ИПП. Китай зависит от туркменского газа и казахстанской нефти в качестве топлива для своих северо-западных регионов (Синьцзян, Ганьсу), а тем временем государства Центральной Азии зависят от китайских соглашений о закупках, трубопроводов и финансирования.

Сложная взаимозависимость позволяет по-другому взглянуть на власть с точки зрения ситуации и отношений и, таким образом, более полно оценить потенциальное влияние государства. Внешнеполитическое поведение богатых энергоресурсами «малых» государств Центральной Азии, в частности Казахстана и Туркменистана, в контексте их «больших» соседей, в частности России и Китая, свидетельствует о процессе переговоров, которые меняют взаимосвязанные политические, экономические отношения и отношения в области безопасности в Центральной Азии.

Такова аналитическая основа взаимозависимости применительно к Центральной Азии. Вместо того, чтобы быть пассивными жертвами эксплуатации (теория зависимости), Казахстан и Туркменистан используют свои ресурсы в качестве разменной монеты. Их чувствительность к китайскому спросу высока, но их уязвимость ниже, чем часто предполагается, особенно когда они могут противопоставить Китай российским или европейским покупателям.

По замыслу китайских учёных, ИПП призван стабилизировать международную безопасность и усилить экономическую взаимозависимость за счёт снижения уязвимости морских барьеров в международной торговле, а также более глубокой интеграции и диверсификации цепочек поставок с Европой.

Такова логика Кеохана о «множественности каналов» на практике. Инфраструктура ИПП создаёт межгосударственные связи (совместные регулирующие органы, таможенные соглашения), транснациональные связи (китайские и центральноазиатские фирмы, банки, университеты) и институциональные рамки (механизмы ШОС, АБИИ, Китай+С5).

Инвестиции Китая в рамках Инициативы в Центральной Азии сосредоточены на проектах по соединению железных и автомобильных дорог, проектах по энергоснабжению, содействию торговле и промышленному развитию, а также проектах по развитию связей между людьми, охватывающих

261 малый и крупномасштабный инфраструктурный проект в пяти центральноазиатских республиках. Именно такая плотность каналов сбыта отличает сложную взаимозависимость от простой зависимости в двусторонней торговле.

Второй столп теории Кеохана и Найя - сглаживание иерархии проблем, очевиден в том, как государства Центральной Азии управляют множеством пересекающихся институциональных членств. Они одновременно являются членами возглавляемого Россией ЕАЭС (экономическая интеграция), поддерживаемой Китаем ШОС (безопасность и экономика) и партнёрами по Инициативе «Пояс и Путь», а также взаимодействуют с западными структурами (С5+1, инициативы ЕС по развитию транспортной инфраструктуры). И Россия, и Китай обеспокоены растущей зависимостью, которую может повлечь за собой более глубокое сотрудничество [89, с.13]. В ответ обе страны активно стремятся к экономическому партнёрству с более широким кругом стран, реализуя стратегии диверсификации своих экономических партнёров. Такая взаимозависимость создаёт стратегическое ограничение: сотрудничество принесёт выгоду обеим сторонам, а конфронтация - проигравшим.

Государства Центральной Азии приняли многовекторную внешнюю политику для балансирования влияния основных игроков, способствуя как сотрудничеству через ШОС и ЕАЭС, так и соперничеству. Эта «многовекторная» дипломатия, отличительная черта внешней политики Казахстана, полностью соответствует логике сложной взаимозависимости: государства используют множество каналов для снижения уязвимости и максимизации пространства для торга. Теория взаимозависимости не отрицает асимметрию власти, она переосмысливает её. Концепция взаимозависимости Кеохана и Найя включает в себя понятие власти, показывая, что более сильные страны способны налагать большие издержки на более слабые и уязвимые страны [190]. В то же время они утверждают, что влияние власти зависит от процесса политических переговоров между странами.

Отношения между Китаем и Кыргызстаном наглядно это иллюстрируют. В 2023 году Китай обогнал Россию по объёму прямых иностранных инвестиций в Кыргызстан, инвестировав 220,8 млн долларов, что составляет почти 28% от общего объёма ПИИ Кыргызстана. Китайский Экспортно-импортный банк предоставил Кыргызстану кредит в размере 1,7 млрд долларов, что составляет 27,4% от общего долга страны, сделав Кыргызстан страной Центральной Азии с самым высоким уровнем внешнего долга перед Китаем [191]. В 2023 году Китай был главным торговым партнёром Кыргызстана, на его долю приходилось 35% от общего объёма торговли страны.

Например, в сравнении с Казахстаном, Казахстан выбрал путь многовекторной дипломатии, в результате чего Китай стал лишь одним из многих ценных партнёров Казахстана. Нефтяные богатства Казахстана и более крупная экономика предоставляют ему гораздо больше возможностей для выхода из конфликта - то, что Кеохан и Най называют взаимозависимостью с меньшей уязвимостью. Это внутреннее различие в Центральной Азии является

одним из наиболее теоретически поучительных выводов для любого анализа взаимозависимости.

Теория взаимозависимости раскрывает то, что скрывает теория зависимости: роль, рычаги влияния и стратегический выбор центральноазиатских государств в рамках ИПП. Многовекторная дипломатия Казахстана, переговоры Туркменистана об экспорте газа, это свидетельствует о том, что государства активно осваивают, а не просто страдают, своё положение в системе взаимодействия, возглавляемой Китаем.

Но теория взаимозависимости, в её более оптимистичных формах, недооценивает структурную асимметрию власти, которая делает выход из еврозоны дорогостоящим для самых слабых государств региона. Истина заключается в асимметричной сложной взаимозависимости: взаимной зависимости, неравных издержках и противоречивых институтах. Формирующийся новый мировой порядок пока ещё не определён. В настоящее время идёт геополитическая борьба, в ходе которой обсуждаются различные варианты того, может ли экономическая взаимозависимость с Китаем принести положительные выгоды в совокупности или же она приведёт к негативным последствиям.

1.2 Китайские внешнеполитические концепции и стратегия периферийной дипломатии

Теории, созданные в рамках западной политической мысли, рассматривает Инициативу «Пояс и Путь» преимущественно как инструмент проекции силы и расширения экономических рынков. Однако ИПП следует рассматривать как многогранный феномен. Для того, чтобы понять не только прагматику, но и масштабность проекта по формированию евразийского пространства по китайской модели, необходимо обратиться к аутентичным китайским концепциям международных отношений.

Концепция Тянься и Сообщество единой судьбы человечества в конструктивистком измерении

Одной из таких концепций является «Тянься», разработанная современным китайским философом, Чжао Тиньян [192]. Центральное понятие философии Чжао «тянься» («все под небесами») трактуется им как модель глобальной системы, основанной на гармонии и взаимном признании, а не на соперничестве государств. Он предлагает рассматривать «тянься», как альтернативу западной концепции международных отношений, где суверенитет и конфликт доминируют над коллективным благом. В отличие от доминирующих в теории международных отношений западных подходов, основанных на государственноцентричной и анархической модели мира, Тянься предлагает целостное видение мирового порядка, в котором мир рассматривается как единое целое, а не как совокупность конкурирующих суверенных государств [193].

По своей сущности Тянься исходит из приоритета мира, как основной единицы анализа, в рамках которой государства, общества и индивиды встроены в систему взаимозависимых отношений. Центральное место в данной концепции

занимает идея «интернализации мира», предполагающая размывания границы между «внутренним» и «внешним» и трансформацию международных конфликтов в управляемые внутрисистемными взаимодействиями. По современной теории Чжао Тиньяна, вся планета как единое политическое пространство, «мировое устройство»; нет единого центра; система зиждется на отношениях и взаимном признании всех участников [194]. Основным принципом данной концепции является «превращение врагов в друзей», как главная цель политики и разрешения конфликтов. Дополняя это, концепция «конфуцианского улучшения» акцентирует необходимость такого институционального устройства, при котором рост общего благосостояния сопровождается сокращением неравенства.

В контексте современной внешней политики Китая данные идеи находят отражение в концепции «Сообщества единой судьбы человечества», продвигаемой Си Цзиньпином. В этом дискурсе мир мыслится, как взаимосвязанное пространство, в котором устойчивое развитие возможно только при условии кооперации, взаимной выгоды и институционализированного взаимодействия. Именно в этом контексте инициатива «Пояс и Путь» может рассматриваться не только, как экономико-инфраструктурный проект, но и как практический механизм реализации нормативных установок, близких к логике Тянься.

Инициатива «Пояс и Путь» объединяет государства Евразии, Африки и других регионов через инфраструктурные, торговые и инвестиционные проекты, фактически способствует формированию пространств взаимозависимости, в которых экономическая интеграция снижает вероятность конфликта и усиливает кооперацию. В этом смысле инициатива отражает ключевой принцип Тянься о том, что устойчивость системы достигается через расширение общих интересов и институционализацию взаимной выгоды. Более того, открытый и инклюзивный характер ИПП, предполагающий участие широкого круга государств вне зависимости от их политической системы или уровня развития, коррелирует с идеей отсутствия «внешних» акторов в рамках единого мирового порядка.

Таким образом, концепция Тянься рассматривает международные отношения как единое целое. В этой модели Инициатива «Пояс и Путь» перестаёт быть инструментом экспансии, а выступает как трансрегиональные сети взаимозависимости, которые трансформируют евразийское пространство в пространство общей безопасности и сотрудничества.

Стратегия периферийной дипломатии КНР

Вместе с тем, реализация столь масштабного проекта требует поэтапного и географически дифференцированного подхода.

В этом отношении периферийная дипломатия Китая приобретает особую значимость. Она выступает как важное связующее звено между абстрактной нормативной моделью Тянься и практическими механизмами его внешней политики [195]. В рамках данной стратегии первостепенное внимание уделяется

формированию отношений с соседними государствами, созданию пояса устойчивости и укреплению экономических связей вдоль китайской периферии.

Задействованная логика носит последовательный характер: формирование согласованного миропорядка, который предусматривает концепция Тянься, начинается с обеспечения стабильности и сотрудничества в ближайшем региональном окружении. Поэтому Центральная Азия, с учетом ее стратегической роли как транзитного и одновременно ресурсно-обладающего узла занимает ключевое место в реализации как инициативы «Пояс и Путь», так и периферийной дипломатии Китая. Развивая транспортные коридоры, энергетическую инфраструктуру и торговые связи, Китай одновременно содействует экономическому развитию региона и формирует устойчивые основы взаимозависимости, согласующиеся с принципами интерзависимой рациональности.

Таким образом, если концепция Тянься задаёт нормативное представление о глобальном порядке, а Инициатива «Пояс и Путь» выступает в качестве инструмента его практической реализации. Поэтому возникает необходимость рассмотрения промежуточного уровня, на котором данные принципы конкретизируются в региональной политике. В этом контексте особое значение приобретает периферийная дипломатия Китая, обеспечивающая институциональное и стратегическое оформление взаимодействия Китая с ближайшим окружением.

Формирующаяся глобальная экономика представляет собой неравномерную по структуре и темпам развития систему, модель которой можно представить как центр - полупериферия-периферия. Отношения между центром, полупериферией и периферией нашли отражение в теории модернизации, теории зависимости, теории регионального развития, концепции «мир-системы» И. Валлерстайна [196]. Современные отношения между центром, полупериферией и периферией формировались под влиянием эволюции международного разделения труда, в результате которой в странах центра были закреплены квалифицированные трудовые ресурсы, свободные финансовые средства, результаты интеллектуального труда, возникли основные направления научно-технического прогресса. В контексте эволюции международного разделения труда сложился характер центральных, полупериферийных и периферийных международных экономических отношений.

«Периферийные» страны характеризуются низкотехнологичной промышленностью, низкой концентрацией капитала, слабой бюрократией, распространением религии и суеверий, преобладанием сельского образа жизни. Это, прежде всего, страны, которые остаются поставщиками сырья для стран центра. Периферийные страны используются и обслуживают экономику стран центра. В эту группу входят страны с низким ВВП на душу населения, низким индексом человеческого развития, низким объёмом экспорта высокотехнологичной продукции или вообще без такового. Страны периферии, не получившие выгод от мирового богатства и глобализации [197].

В западных концепциях международных отношений термин периферия традиционно относится к описанию развивающихся стран Азии, Африки и Латинской Америки, находящихся на окраинах мировой капиталистической системы, в отличие от стран «центра» или «ядра» - развитых стран Европы и Северной Америки, обладающих экономическим и военно-политическим превосходством.

Однако мир-система не может существовать в условиях напряженных отношений по оси «ядро-периферия». Необходима другая структура - полупериферия. И. Валлерстайн относит к полупериферии более 20 стран, среди которых он упоминает Турцию, Иран, Китай и Россию [198,199]. Современный Китай по многим экономическим показателям является полупериферийной страной. Однако КНР занимает промежуточное место между ядром и полупериферией капиталистической мировой экономики. По мнению некоторых исследователей, в настоящее время её уже следует рассматривать как «квазицентр», отличающийся как от полупериферии, так и от традиционного центра. Эта страна обладает большим, постоянно растущим экономическим потенциалом, а её политический вес в современном мире неуклонно увеличивается [200].

Китайская концепция «центр-периферия» существенно отличается от западной. В основе растущего внимания Китая к соседним регионам лежит здравая стратегическая логика. По мере того, как Китай становится глобальной державой, он все больше рассматривает свою роль регионального центра как естественное продолжение этого подъёма. Исторические закономерности международных отношений говорят о том, что по мере усиления государства сначала расширяют своё влияние на соседние территории и опираются на них для дальнейшего роста и усиления влияния. Традиционно Китай придерживается концепции «ядро-периферия», позиционируя себя как центральное или «стержневое государство». Хотя исторически сложившаяся система притоков не соответствует современным международным нормам, представление об уникальных исторических отношениях между Китаем и соседними регионами все ещё сохраняется. Как подчёркивает Ван Цзиси, как с геополитической, так и с геоэкономической точек зрения Китай сегодня занимает неоспоримо центральное место на региональной и глобальной арене, воплощая в себе роль «государства-ядра» в полном смысле этого слова. Шаг вперёд, сделанный Китаем, окажет огромное влияние на будущее мира, в том числе и Евразии, поскольку действительно может появиться центр с самым большим населением в мире, который попытается реорганизовать суперконтинент в соответствии с собственной логикой.

Развитие позитивных отношений с соседями Китая, по крайней мере, в начале 1990-х годов, было важной частью общей внешней политики Пекина в период реформ, когда стало принято подчёркивать эту необходимость. Вначале периферия Китая была выделена как «особо важная» в китайской внешней политике в докладе Цзян Цзэминя на 16-м съезде партии в 2002 году. В то время КПК сформулировала дипломатическую концепцию: «поддержание мира во

всем мире и содействие общему развитию; защита общих интересов человечества; стимулирование многополярности мира; улучшение и развитие отношений с развитыми странами; сила и настойчивость в построении добрососедских отношений и партнёрства; поднятие на новую высоту регионального сотрудничества с окружающими странами» [18]. Годом позже концепция «добрососедства, безопасности и богатого соседства» была предложена бывшим премьер-министром Вэнь Цзябао в качестве общего описания целей Китая в отношении периферийных государств. В целом, во время правления бывшего председателя КНР Ху Цзиньтао периферийная дипломатия рассматривалась как часть очень позитивной концепции развития «гармоничного мира» и отличалась от сложных и потенциально противоречивых отношений с великими державами. Периферийная дипломатия - это отношения между центром - Китаем и периферией - окружающими его странами [62, с.3].

После 2012 года Китай начал осознавать свою ответственность за активное управление и формирование своей периферии. Важное событие, которое было созвано Коммунистической партией Китая (КПК), - рабочая конференция по внешней политике, специально посвящённая теме дипломатии периферии Китая, которая прошла в Пекине 24-25 октября 2013 года. На своём первом форуме, посвящённом дипломатии в отношении соседних с Китаем регионов, администрация Си представила стратегические директивы, направленные на укрепление лидерства КНР в этом регионе. Эта инициатива согласуется с более широкой целью Китая по национальному омоложению, подчёркивая важность экономической интеграции и укрепления позитивных отношений с соседними странами. Си Цзиньпин контролирует эволюцию китайской стратегии соседства, которая перешла от простого взаимодействия к активным усилиям по формированию регионального порядка. К настоящему времени Китай установил партнёрские отношения различных форм и степени с более чем 110 странами и региональными организациями [201-202]. в основном охватывая основные страны и важные регионы мира. Среди всех стран-партнёров значительная часть приходится на соседние с Китаем страны, что свидетельствует о важном положении соседних стран в сети партнёрства.

Однако официальные китайские источники не дают точного определения географического пространства периферии.

В интересах исследования объем и границы соседних с Китаем стран определяются в узком и широком смысле, который не ограничивается 20 соседними странами, примыкающими к Китаю на суше или на море, и не расширяется до «большой периферии» ближневосточных стран, таких как Иран и Турция, и стран Океании, таких как Австралия. Таким образом, в дополнение к 14 сухопутным и 6 морским соседям Китая в число стран-соседей следует включить Сингапур, Камбоджу, Таиланд, Бангладеш, Узбекистан и Туркменистан. Хотя вышеупомянутые страны не граничат непосредственно с Китаем, они географически близки к сухопутным или морским границам Китая, и все они принадлежат к географической единице с тесными географическими отношениями с соседями Китая. Таким образом, в Китае насчитывается 26

соседних стран, и помимо трех стран, включая Северную Корею, Японию и Бутан, остальные 23 соседние страны включены в сеть партнёрства с Китаем.

Другие определения периферии Китая очень широки с точки зрения географии, типов стран и дипломатии. Например, один неавторитетный, но хорошо подготовленный наблюдатель (Юань Пэн, вице-президент Китайского института современных международных отношений, или CICIR, аналитического центра при Министерстве государственной безопасности) определяет периферию Китая как три кольца. Внутреннее кольцо состоит из 14 соседей Китая. Среднее кольцо» включает в себя морские страны, простирающиеся от внутреннего кольца, а также регионы от западной части Тихого до Индийского океана и части Центральной Азии и России, которые непосредственно не граничат с Китаем. Так называемое «внешнее кольцо» простирается до Африки, Европы и Северной и Южной Америки.

Китайский исследователь Чэнь Сянъян, научный сотрудник Китайской академии современных международных отношений, относит к периферийным следующие шесть регионов: Центральную, Южную, Юго-Восточную, Северо-Восточную и часть Западной Азии, а также южную часть Тихого океана. Чэнь Сянъян называет эти шесть регионов «Великой периферией» Китая [203]. Е. Н. Грачиков, известный российский китаевед, выделяет 29 государств, входящих в периферийный регион Китая. Из них 14 стран имеют сухопутную границу с Китаем, включая страны АСЕАН; 9 стран имеют морскую границу; у КНР нет границ, но есть 5 стран, которые являются сухопутными соседями, и США как морской гегемон Тихого океана. Таким образом, периферийная дипломатия является одним из важнейших столпов китайской дипломатической традиции и одним из основных направлений внешней политики КНР [204].

С 1978 года периферийная дипломатия Китая претерпела значительные изменения, адаптируясь к меняющимся внутренним и международным условиям. Под руководством Си Цзиньпина китайская концепция «периферии» расширилась, закрепив принципы доброжелательности, искренности и инклюзивности. Стратегической целью Китая стала трансформация в мировую державу к 2035 г.

Современный этап характеризуется нарастающей неопределённостью и приходом к многополярности, где развивающиеся рынки способствуют децентрализации глобального ландшафта. Смещение акцента в отношениях великих держав от сотрудничества к конкуренции за международное лидерство вынуждает Китай, вторую экономику мира, пересмотреть модель регионального порядка. Необходимость формирования устойчивых связей с соседями и защита стратегических позиций в условиях турбулентности стала мощным стимулом для дальнейшего развития периферийной дипломатии.

На рабочей встрече в октябре 2013 года Си Цзиньпин подчеркнул приоритетность и важность периферийной дипломатии во внешней политике Китая, отметив, что для достижения целей двух веков и реализации «китайской мечты о великом омоложении китайской нации» крайне важно, чтобы Китай стремился к «превосходной периферийной среде для своего развития».

Периферийные регионы, по словам Си, «стратегически важны для нашей страны с точки зрения географии, окружающей среды и отношений». Это стратегическое значение требует от субъектов внешней политики Китая «укрепления политической доброй воли, углубления региональной экономической интеграции, усиления культурного влияния и улучшения регионального сотрудничества в области безопасности» в периферийных регионах. Эти заявления подтвердили важность стабильной внешней среды, в частности соседних регионов, для внутреннего развития Китая и признали центральную роль периферийной дипломатии в достижении этой цели [20].

Ключевым механизмом реализации этого подхода стала Инициатива «Пояс и Путь», предложенная в 2013 году Си Цзиньпином, когда он последовательно посетил Казахстан и Индонезию, предложив совместно построить «Экономический пояс Шёлкового пути» и «Морской шёлковый путь 21 века», направленные на укрепление региональных связей и инфраструктуры [205]. Си Цзиньпин сравнил инициативу «Один пояс, один путь» (ОПОП) с двумя направлениями подъёма Азии. Подчеркнув, что основными партнёрами инициативы «Один пояс, один путь» являются соседние страны, и основными бенефициарами также являются соседние страны. Соседние страны приглашаются к участию в сотрудничестве и совместном продвижении строительства «Пояса и Пути» [21]. Си также выступает за создание зоны свободной торговли, расширение торговых и инвестиционных партнёрств и интеграцию экономик соседних регионов с Китаем. Такой подход направлен на создание стабильной, экономически интегрированной среды и поиск взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и соседними странами, которое соответствует долгосрочным целям Китая в регионе. Стратегические точки соприкосновения для сотрудничества, совместное создание платформы сотрудничества и содействие всестороннему региональному развитию.

1.3 Институциональные механизмы и теории пространственной реконфигурации: от трансрегионализма к концепции «связанности»

Теория политических режимов

Если периферийная дипломатия и концепция Тянься дают общие правила, то теория политических режимов позволяет показать механизмы адаптации.

Теория политических режимов в современных международных отношениях является мостом между внутренней политикой во внешней политике государства. В отличие от классического реализма теория режимов утверждает, что-то как устроена власть в стране напрямую определяет её поведение на мировой арене. В современной политологии (Р. Даль, Ф. Фукуяма, С Левицки) режим определяется как совокупность институтов, правил, акторов, которые контролируют доступ к власти. В современных международных отношений теория режимов фокусируется на трех моментах: первое, цели внешней политики. Демократии часто стремятся к созданию союзов на основе общих ценностей, в то время автократии и гибридные режимы основной задачей считают выживание режимов и суверенитет. Во-вторых, в консолидированных

режимах решения принимаются быстро и узким кругом лиц, что делает их удобными как участников крупных проектов. В-третьих, стимулы сотрудничества. Разные режимы ищут разные виды легитимности. Для режимов стран ЦА это легитимность через эффективность, т.е. рост экономики через сохранение контроля.

Несмотря на то, что теория режимов является западным продуктом, именно она может объяснить китайскую политику в регионе. Политическое устройство центральноазиатских стран значительно влияет на восприятие и реализацию Инициативы «Пояс и Путь». Исторически региональная политика Пекина в регионе началась с акцента на многосторонние форматы, как Шанхайская пятёрка и ШОС. В 1990-начале 2000-х гг. многосторонность была необходима для решения проблем безопасности и роста сотрудничества. Однако уже к 2013 г. происходит поворот в сторону двусторонних отношений, что можно объяснить теорией режимов. Приоритет двусторонних отношений объясняется особенностью политических режимов стран региона и позволяют КНР эффективно выстраивать т. н. элитную дипломатию. Первое, В отличие от западных стратеги, основанных на требования демократизации и прозрачности, Пекин декларирует невмешательство во внутренние дела. Выступая в Назарбаев университете в 2013 г. председатель Си Цзиньпин отметил, что «Китай уважает пути развития и модели управления, самостоятельно выбранное народами всех стран, и никогда не вмешивается во внутренние дела стран Центральной Азии» . Такая позиция означает, что экономическое партнёрство не несёт угрозы политическим режимам стран региона. Второе, китайские инвестиции и в целом возможность экономического развития, решение социальных проблеем являются гарантом стабильности и легитимности власти. Третье, институциональная совместимость, что означает совместимость систем управления по вертикали сверху вниз. Это позволяет быстро реализовать проекты Инициативы. Но, с другой стороны, приводят к социальным, экологическим и другим рискам.

Таким образом, Инициатива представляет собой амбивалентную структуру. С одной стороны, она способствует интеграции извне, предлагая единую инфраструктурную рамку для всей Центральной Азии. С другой, она фактически реализуется через двухсторонние отношения. Пекин разделяет страны исходя из их политических режимов, ресурсного потенциала и специфических возможностей. Так страны распределяются следующим образом:

В Казахстане и Узбекистане Китай делает ставку на институциональное сопряжение и высокотехнологическую специализацию. Эти страны рассматриваются не только как сырьевые партнёры, но и в качестве производственных мощностей и цифровых коридоры. Стабильность и предсказуемость этих режимов, способных обеспечить долгосрочную устойчивость Экономического Шёлкового Пути. В отношениях с Туркменистаном доминирует модель анклавного взаимодействия. В силу закрытости политического режима и узкой специализации экономики Китай ограничивается энергетическим сектором. Кыргызстан и Таджикистан

выступают в качестве реципиентов финансовой помощи. Здесь Китай применяет механизмы кредитной дипломатии, что увеличивает их зависимость от китайских инвестиций. Таджикистан и Кыргызстан выступают в качестве плацдарма для региональной безопасности. Такая сегментированная интеграция и дифференцированный подход позволяют Пекину выступать центральным элементом, где каждая центральноазиатская страна элементом большой стратегии Китая. Значимость этих стран зависит от их институциональной устойчивости и вклада в реализацию стратегических интересов КНР.

В рамках теории режимов высокая эффективность ИПП завесила от встречного восприятия со стороны государств ЦА. Происходит совпадение интересов, когда китайский подход соответствует потребностям политических элит стран региона. Эти совпадения основываются на том, что большинство режимов ЦА опираются на модель легитимность через эффективность. Инициатива даёт возможность экономического инфраструктурного развития стран ЦА, тем самым стабилизирует политическую и социальную обстановку. Также происходит совпадение в вопросе суверенитета и невмешательства. Китайская позиция в этом вопросе повышает доверие и скорость реализации между политическими элитами стран участниц.

Таким образом, в результате синергии Пекин получает стабильную периферию и доступ к ресурсам, а режимы ЦА инструменты для сохранения политической стабильности через экономическое развитие. Это достигается тем фатом, что была предложена та модель сотрудничества, которая отвечала интересам политических режимов Китая и стран ЦА.

Теория трансрегионализма и Центральная Азия как узел евразийской интеграции

Синтез классических западных теорий и оригинальных китайских концепций позволяют рассматривать политику КНР в ЦА как многоуровневую систему. Если концепции Тянься, периферийной дипломатии формируют идеологическую и ценностную основу, а теория политических режимов объясняет механизмы взаимодействия, то транс-регионализм и связанность относятся к функциональным инструментам.

В условиях ускоренных геополитических и экономических изменений трансрегионализация становится одной из ключевых тенденций развития современной мировой политики. Эти процессы отражают трансформацию способов международного взаимодействия, при которых сотрудничество все чаще выходит за рамки как отдельных регионов, так и традиционных глобальных институтов. В отличие от классических моделей региональной интеграции, основанных на географической близости, высокой степени институционализации и жёстко закреплённых правилах, транс-регионализм формируется, как более гибкая и функционально ориентированная форма межрегионального взаимодействия [206].

ИПП является наиболее масштабным примером транс-регионализма, направленным на создание трансконтинентальной сети между Восточной Азией, ЦА, Ближним Востоком, Европой и Африкой. Ее уникальность определяется

основными характеристиками как: во-первых, комплексная связанность, что означает *участие многих заинтересованных сторон*, основанное на решении конкретных проблем. Инициатива сочетает «жёсткую» связанность (транспортную, энергетическую и цифровую инфраструктуру) с «мягкой» связанностью (правила, стандарты и межчеловеческие связи), стимулируя сотрудничество в сферах торговли, финансов, культуры и безопасности между различными регионами.

Несколько особенностей выделяют ИПП, как уникальную форму трансрегионализма. Первым является *участие многих заинтересованных сторон*, основанное на решении конкретных проблем. Инициатива сочетает «жёсткую» связанность (транспортную, энергетическую и цифровую инфраструктуру) с «мягкой» связанностью (правила, стандарты и межчеловеческие связи), стимулируя сотрудничество в сферах торговли, финансов, культуры и безопасности между различными регионами. Во-вторых, многоуровневая архитектура, как форумы ЦА+Китай, Китай-Африка, Китай-Сообщество государств Латинской Америки и Карибского бассейна (CELAC) др. Так, в ЦА платформа ЦА+КНР становится эффективным дополнением ШОС, позволяя решать вопросы безопасности, энергетики и др. напрямую. Новые финансовые институты, как АБИИ, Фонд шёлкового пути также создают параллельные институты, дополняющие основные. В-третьих, мягкая институционализация. Вместо жёстких договоров Китай использует мягкое право, которое показывает, что ИПП в отличие от союзов, основанных на договорах (например ЕС), опирается на меморандумы о взаимопонимании (MoU), рамочные соглашения диалоговые платформы. Такой подход «мягкого права» обеспечивает гибкость, но также вызывает вопросы об институциональной устойчивости и разрешении споров, что часто подвергается критике в исследованиях трансрегионализма [207]. В-четвертых альтернативная повестка дня, способствующая взаимновыгодному развитию и экономиечскому росту без политических условий. Инфраструктура, как ключевой физиечский аспект межрегионального сотрудничества, играет важнейшую роль. Транспортные и энергетические сети (порты, железные дороги, автомагистрали и трубопроводы) создают материальную основу, обеспечивающую перемещение товаров, ресурсов и людей через региональные границы. Эта инфраструктура способствует практической реализации экоомическоо обмена и взаимозависимости между географиечски удаленными регионами, укрепляя тем самым модели межрегионального сотрудничества и интеграции. Обеспечивая логистическую базу для торговли и транзита, инфраструктурные сети способствуют расширению и укреплению межрегиональных связей.

Центральная Азия выступает в качестве узлового пункта для межрегиональной переориентации. Инициатива «Пояс и Путь» (ИПП) служит инструментом пространственной реструктуризации, благодаря которому Центральная Азия превращается из геополитической в важный транзитный узел. Благодаря развитию транспортных маршрутов, в том числе Транскаспийкого международного транспортного маршрута (Средний коридор), способствующий

превратить Центральную Азию из периферийного региона в транзитный коридор, соединяющий Восточную Азию с Европой. Существенное увеличение наблюдается и по Среднему (Транскаспийскому) коридору, проходящему через Центральную Азию, Каспийское море и Кавказ в направлении Европы. За последние пять лет объем перевозок по этому маршруту вырос более чем два раза с 500 тыс. тонн до свыше 1 млн тонн к 2025 году [208]. Трансрегиональный характер региона дополняется «мягкой связью», направленной на облегчение трансграничного перемещения товаров, капитала и стандартов. Усилия включают соглашения об упрощении процедур торговли, таможенное сотрудничество. Сотрудничество в сфере промышленного развития между Китаем и Центральной Азией привело к созданию ключевых специальных экономических зон (СЭЗ) и совместных предприятий, что глубоко интегрирует региональные экономики в китайские сети поставок. Это показывает на переход от простой торговли к глубокой экономической и структурной интеграции.

Нефтепроводы и газопроводы, железнодорожные коридоры и логистические маршруты соединяют производителей Центральной Азии с западными районами Китая и далее с Европой и Ближним Востоком, формируя протяжённые сети, функционирующие через границы нескольких регионов. Как отмечает Анчи Хо, независимый эксперт и специалист по Ближнему Востоку, дипломатические и охранные механизмы, связанные с ИПП одновременно связывают Центральную Азию с другими регионами, охватываемыми этой инициативой. Вместе с этим, обеспечивает совместный ответ на транснациональные угрозы такие, как терроризм, экстремизм и сепаратизм, и следовательно, интегрируя регион в более широкие системы международного управления [209].

Доктор Фабио Индео, специалист по вопросам безопасности в Центральной Азии из Фонда Колледжа обороны НАТО отмечает в предисловии к книге, что государства Центральной Азии не являются пассивными участниками этих процессов. Напротив, они используют ИПП и другие инициативы по развитию транспортной инфраструктуры для расширения своих внешних связей и снижения зависимости от одного центра власти [210].

Поэтому Центральная Азия представляет собой пример «пространства взаимосвязи», в котором перекаются интересы разлиных региональных порядков. В отличие от жестких интеграционных блоков таких, как ЕС, трансрегиональные сети ИПП обеспечивают гибкий, неинституциональный режим континентального взаимодействия.

Это превращает регион в пространство, где формируется связанность, которая обеспечивает устойчивость всей архитектуры глобального взаимодействия между Востоком и Западом.

ИПП может быть интерпретирована как пример трансрегиональной пространственной реконфигурации, в рамках которой инфраструктурные проекты создают новые формы связности, выходящие за пределы традиционных региональных границ

Роль Центральной Азии как центра инициативы «Пояс и Путь» активно способствует перестройке евразийской геополитики. Она даёт региональным государствам больше самостоятельности за счёт многовекторной внешней политики, но в то же время ставит их в условия стратегического соперничества между крупными державами. Транрегиональные сети ИПП представляют собой альтернативную, не институциональную модель континентальной интеграции, контрастирующую с более формальными региональными проектами, основанными на правилах.

В этом контексте Центральная Азия в рамках ИПП может рассматриваться как показательный пример трансрегионализма. На территории региона пересекаются транспортные коридоры, институциональные механизмы и системы безопасности, охватывающие Евразию и соседние регионы. В результате Центральная Азия выступает связующим пространством, которое соединяет несколько региональных порядков одновременно, не принадлежа полностью ни к одному из них.

От трансрегионализма к теории связанности: концептуальная эволюция

Если транс-регионализм объясняет выход процесса сотрудничества за географические границы, то теория связанности (connectivity theory) объясняет механизмы через которое реализуется этот процесс.

Теория связанности исходит из того, что современный международный порядок формируется не только через распределение силы, формальные институты или нормативные режимы, но также через систему выстраиваемых связей между государствами и международными организациями. Эти связи охватывают инфраструктурные, экономические, институциональные, социальные и секьюритизированные измерения и образуют многоуровневую структуру мировой политики. В рамках данного подхода связанность рассматривается не как пассивное следствие глобализационных процессов, а как политически управляемый ресурс и инструмент влияния.

Концептуальный вклад авторов статьи *«Connectivity: exploring the concepts behind today's geoeconomic buzzword»* заключается в укоренении понятия connectivity в классических и современных теориях международных отношений. Авторы показывают, что связь между пространством, движением и властью присутствует уже ранней геополитике, где способность преодолевать расстояния рассматривалась как источник силы. Теория связанности находит своё отражение в ключевых теориях международных отношений. В неореализме связанность выступает, как элемент относительной мощи, определяющий положение государства в международной системе. Либеральные теории подчёркивают роль интер-зависимости, указывая, что она может повышать стабильность системы, но при этом порождает асимметрии и зависимости. Существенное дополнение вносит теория структурации, в рамках которой связанность понимается не только как ресурс, но и как способность акторов трансформировать саму структуру международного порядка через практики взаимодействия [211]. Работа Гаенс, Синконен и Вогт развивает данный теоретический фундамент, предлагая целостную аналитическую рамку для

анализа международного порядка через призму связанности. Авторы переосмысливают порядок как «инфраструктуру связей», внутри которой государства конкурируют, кооперируются и осуществляют стратегический выбор. Ключевым вкладом является выделение нескольких сфер связанности (инфраструктурной, экономико-финансовой, институциональной, сферы знаний, people-to-people и безопасности) и логик её реализации от кооперации и заимствования до сдерживания и принуждения. Важно, что разрывы связей, санкции и практики избирательного разъединения трактуются, как нормальный элемент политики связанности, а не как признак распада международного порядка. Таким образом, международная система описывается как избирательно и асимметрично связанная [212].

В совокупности эти подходы формируют целостную модель теории связанности. На макроуровне связанность структурирует международный порядок, как совокупность перекрывающихся и конкурирующих сетей. На мезоуровне она объясняется, как институциональная динамика и схожесть международных организаций. На микроуровне связанность выступает инструментом стратегического выбора малых и средних государств, которые используют её для балансирования между центрами силы. Таким образом, международный порядок предстаёт не как статичная система правил, а как динамическая конфигурация управляемых связей. В целом теория связанности указывает, что государства и другие акторы специально выстраивают разные виды связей между собой, а не просто оказываются взаимосвязанными случайно. Эти связи могут касаться инфраструктуры (дороги, порты, цифровые сети), торговли и финансов, международных правил и организаций, обмена знаниями и технологиями, контактов между людьми, а также вопросов безопасности. При этом такие связи строятся по разной логике. Иногда это сотрудничество ради взаимной выгоды, иногда может быть заимствование чужих моделей или балансирование между центрами силы. Но связи могут использоваться также для конкуренции, ограничения доступа или даже давления.

Китайская концепция связности: политика метагеографии

Китайская подход реализуемый ИПП представляет собой практическое воплощение политики связанности. Пекин исходит из того, что контроль над экономическими, цифровыми и нормативными аспектами, часто подкрепляемое особой философской перспективой, позволяют изменить контуры мирового порядка. Основываясь на анализе Коленберга и Годехардта, политика взаимосвязанности (connectivity politics) – это всеобъемлющий подход Китая к внешней политике, который выходит далеко за рамки простого создания инфраструктуры [213]. По своей сути, это стратегия активного подключения остального мира к Китаю. Пекин исходит из убеждения, что связь – это не просто инструмент власти, а центральное проявление силы в мировой политике 21 века. Другими словами, тот, кто контролирует ресурсы связи (транспорт, энергетику, цифровые сети, финансовые системы) получает возможность изменять контуры самой международной политики.

Ключевыми отличиями китайского подхода следует считать несколько параметров. Перове, создание новой метагеографии. Пекин выстраивает систему, где положение страны определяется её близостью к китайским инфраструктурным узлам, а не в соответствии с традиционным разделением на Север/Юг или Восток/Запад. Китайская концепция взаимосвязанности, выдвинутая в рамках ИПП, может быть понята, как практическое применение «политики взаимосвязанности» [214]. Это предполагает использование крупномасштабных инфраструктурных проектов таких, как порты, железные и шоссейные дороги и цифровые сети для расширения транснациональных потоков товаров, энергии, информации и капитала. С геополитической точки зрения, эта стратегия позволяет Китаю справляться с глобальными вызовами, оказывать влияние и явно или неявно реагировать на конкурирующие стратегии западных держав таких, как США и Европейский Союз. Это соревнование подчёркивает борьбу за контроль над жизненно важными глобальными связями, отражая национальные интересы и расстановку сил. Второе, приоритет материального. Обширная сеть инфраструктурных проектов ИПП напрямую влияет на грузовые перевозки, эффективность цепочек поставок, способствуя росту экономической взаимозависимости между странами-участницами. Это имеет серьёзные последствия для международной торговой и транспортной политики, направленной на создание плотных сетей, способствующих экономическому росту, а также создающих потенциальную уязвимость, связанную с геополитическим влиянием и приемлемым уровнем задолжности. Третье, коалиционная гегемония. ИПП формирует устойчивые коалиции через институциональную и инфраструктурную интеграцию стран в общую китайскую стратегию. С точки зрения концепции коалиционной гегемонии, разработанной исследователи Австралийского национального университета, стратегия взаимосвязи Китая представляет собой адаптивный и многоуровневый инструмент институционального и инфраструктурного встраивания государств китаецентричные сети, посредством которого Пекин не просто расширяет региональное влияние, но формирует устойчивые коалиции, усиливающие его структурную и нормативную позицию в международном порядке [215].

Таким образом, структура связанности в рамках ИПП имеет следующие составляющие: измерение, содержание и функционал.

Если измерением является жёсткая сила, то содержанием являются железные и автомобильные дороги, порты, трубопроводы и телекоммуникационные сети [216, 217]. Эти элементы создают функционал, материальную основу для расширения торговых и экономических потоков. Символическим выражением данной логики часто выступает образ грузового поезда, курсирующего между китайскими и европейскими портами, который отражает стремление ИПП к экономическому сближению евразийского пространства. Эмпирические исследования подтверждают, что наличие инфраструктурной связанности в целом оказывает положительное влияние как на страны-экпортёры, так и на страны-импортёры, снижая издержки и повышая интенсивность торговли.

Если измерением является мягкая сила, то содержание заключается в согласовании политики, стандартов и торговых соглашений между странами-участницами. Функционал выражается в оптимизации процессов, снижение барьеров, технологическая интеграция. Инициатива способствует сотрудничеству и взаимной выгоде, направленной на общее развитие и процветание. Концепция «беспрепятственной торговли» является важнейшим аспектом, направленным на оптимизацию торговых процессов и снижение барьеров.

Институциональное измерение наполнено таким содержанием, как Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), который играет решающую роль в обеспечении этой взаимосвязанности. Эти институты обеспечивают необходимый финансовый импульс и развитие проектов ИПП, демонстрируя сотрудничество и в то же время конкурентную среду для финансирования инфраструктуры во всем мире [93, с.344]. Например, АБИИ наряду с Азиатским банком развития (АБР) вносит свой вклад посредством стратегического, развивающего и финансового агентства, демонстрируя, как китайская концепция взаимосвязанности использует международные финансовые механизмы. Финансовая связанность включает инвестиционные и кредитные механизмы, а также координацию в валютно-финансовой сфере; при этом исследования указывают на двойственный эффект таких связей, поскольку прямые иностранные инвестиции способны укреплять экономическую устойчивость, тогда как рост суверенной задолженности может усиливать уязвимость стран-участниц.

Следует также указать на гуманитарную связанность, которая реализуется через культурные обмены, образовательные программы и туристическое сотрудничество, направленные на укрепление взаимного доверия и социального взаимодействия между обществами [91, с.143]. Например, сотрудничество в сфере туризма рассматривается, как потенциальная выгода между странами «Пояса и Пути», хотя исследования указывают на снижение посреднической функции в этом отношении. Цифровая связанность в свою очередь связаны с физической инфраструктурой, она также является важным аспектом, обеспечивающим передачу данных и технологическую интеграцию. Это цифровое измерение является неотъемлемой частью современных возможностей соединения, поскольку контроль и передача данных так же важны для глобального влияния. Например, благодаря инновационному сотрудничеству в рамках ИПП в ряде городов значительно увеличилось количество заявок на заключение договоров о патентной кооперации, что свидетельствует о росте городской инновационной сети.

Центральная Азия как узел конкуренции за трансрегиональную связанность.

Центральная Азия особенно наглядно иллюстрирует политику Китая в области транспортной доступности, находясь в самом центре Инициативы «Пояс и Путь». Такие страны, как Казахстан и Кыргызстан являются ключевыми узлами в коридорах ИПП, связывающих Китай с Европой и Ближним Востоком.

Казахстан, например активно позиционирует себя, как центр ИПП, чтобы привлечь китайские инвестиции в железнодорожную и автомобильную инфраструктуру. Например, в монографии «Ведущая роль Казахстана в Центральной Азии в рамках китайской Инициативы «Пояс и путь»» [218], в заключении сравнительного анализа участия стран Центральной Азии в инициативе «Пояс и путь» было отмечено, что Казахстан играет заметную роль по сравнению с другими странами региона. В отличие от Узбекистана, Таджикистана и Кыргызстана, Казахстан имеет более развитую транспортную инфраструктуру, особенно в области железнодорожного и автомобильного транспорта. Казахстан активно инвестирует в модернизацию своих транспортных путей и создание логистических центров, что позволит ему привлечь больше транзитных грузов и обеспечить более эффективные перевозки между Китаем и другими странами. Кроме того, Казахстан имеет более привлекательное географическое положение, расположенное на пересечении различных транспортных маршрутов между Азией и Европой. Это позволит Казахстану стать основным транзитным хабом в регионе и предложить более короткие и эффективные пути доставки товаров.

Параллельно дипломатические и безопасностные механизмы, связанные с ИПП, связывают Центральную Азию с другими регионами инициативы для управления транснациональными угрозами, тем самым включая регион в более широкие многоуровневые системы управления. Важно отметить, что государства Центральной Азии не являются пассивными участниками этих процессов. Правительства региона используют ИПП и другие инициативы связности для диверсификации внешних связей и снижения чрезмерной зависимости от одного центра силы.

Однако связанность является не только сотрудничеством, но и источником напряжённости. В академических и политических дебатах отмечаются и другие аспекты. Например, бывший научный сотрудник Центра новой американской безопасности (CNAS) Кристин Ли указывает на риски асимметричной зависимости, долговой нагрузки, стратегического значения отдельных инфраструктурных объектов и возможного использования экономических связей в качестве инструмента давления. С точки зрения теории связанности это отражает не только кооперативную, но и более жёсткую логику таких элементов, как сдерживания и принуждения [219].

Таким образом, ИПП демонстрирует, что связанность может одновременно служить инструментом сотрудничества и источником напряжённости. Если доминирует сотрудничество, то значит ИПП усиливает кооперативный международный порядок. А если же на первый план выходят сдерживание и принуждение, то инициатива становится частью более широких «войн за доступность», отражающих структурную конкуренцию великих держав в условиях трансформации глобального порядка.

Таким образом, в основе китайской концепции взаимосвязанности, продвигаемая в рамках ИПП представляет собой комплексную стратегию, в которой переплетаются геополитические амбиции, экономическое развитие,

расширение инфраструктуры, цифровая интеграция и формирование нормативных стандартов. Данная концепция демонстрирует целостный подход к оказанию влияния и развитию, направленный на перестройку глобальных отношений и путей взаимодействия посредством реализации конкретных, взаимосвязанных проектов.

Концепция взаимосвязанности в рамках Инициативы «Пояс и Путь» выходит за рамки классического инфраструктурного строительства, представляя собой многоуровневую систему интеграции от физических объектов до институциональных и цифровых протоколов.

Таким образом, анализ взаимоотношений стран ЦА с КНР в рамках Инициативы «Пояс и Путь» требует синтеза классических западных теорий и китайских внешнеполитических концепций, что позволяет раскрыт многосторонний характер этого процесса. Традиционные западные теории закладывают фундамент понимания мотивации участия стран региона в ИПП. Реализм объясняет, что Инициатива, с одной стороны, возможность развития для центральноазиатских государств, с другой, риск попасть в ассиметричную зависимость от одного центра силы. Либерализм объясняет взаимозависимость, когда торговля и инвестиции требуют институты для сотрудничества. Конструктивизм объясняет проблему восприятия, когда успех ИПП зависит от того, как элиты и общественность воспринимают участие в возрождении Шёлкового Пути.

Специфика ИПП требует обращения к оригинальным китайским внешнеполитическим концепциям, которые предлагают альтернативный взгляд на региональный порядок, где безопасность обеспечивается не через политические действия, а через инклюзивное экономическое развитие и создание инфраструктурных проектов.

Это коррелирует с теорией режимов. В отличие от западных теорий интеграции кооперации, предлагающих делегирование части суверенитета наднациональным органам участие стран ЦА в ИПП предполагает встраивание в глобальные процессы при сохранении политической автономии.

Логическим продолжением этого процесса является теория транс-регионализма, который основан на пространственной характеристике стран Центральной Азии. Благодаря Инициативе регион перестаёт восприниматься как замкнутое сухопутное пространства (land-lock) и проходят в разряд имеющей сухопутную связанность (land-link). Это означает трансформацию в трансрегиональный транзитный коридор, соединяющий несмежные географические зоны.

Итоговой точкой, к которой сходятся все предыдущие теории, является теория связанности. Связанность выступает как обобщающая теория, которая объясняет современную стратегию стран ЦА -участниц ИПП. Согласно этой теории, международный порядок формируется не только с учётом военной мощи государств, но и архитектурой логистики. Анализ участия государств ЦА через призму теории связанности позволяет рассмотреть трансформацию государств региона из пассивных ресурсных акторов в активных акторов, управляющих

потоками товаров, данных и энергетики. Следовательно, главной задачей для региональных стран является интеграция в ключевые транспортно-логистические и цифровые цепочки. Это означает укрепление суверенитета через конвертацию своего географического положения в незаменимость в глобальной системе трансрегиональных связей.

1.4 Методология многофакторного измерения реализации Инициативы «Пояс и Путь» в Центральной Азии

Для обеспечения комплексного и достоверного анализа заданной в диссертации проблематики были использованы различные методы, которые показывают междисциплинарный подход в диссертации. Исторический метод позволил проследить эволюцию внешнеполитической стратегии КНР в ЦА. Сравнительный анализ был применён для выявления различий в подходах Пекина к странам региона, обладающих разным ресурсным потенциалом и политическим режимом. Контент-анализ официальных документов, меморандумов и программ заявлений КНР и государств ЦА помогает анализировать нормативную базу сотрудничества. Статистический метод обеспечил количественную оценку динамики товарооборота, ПИИ, долговой нагрузки и т.п. стран ЦА.

Несмотря на значимость этих методов, ключевым методов в данной диссертации выступает методология многофакторного измерения реализации ИПП. Ее выбор обоснован тем, что китайская Инициатива и её реализация в регионе Центральная Азия осуществляется на дифференцированной основе. ИПП не следует воспринимать как единый монолитный план и рассматривать как адаптивную франшизу. Пекин использует инструменты реализации, подстраиваясь под политический режим, уровень экономического развития, географическое положение. Такой подход называют инклюзивным прагматизмом. Для того, чтобы понять суть китайской стратегии необходимо выделить три уровня факторов, определяющих эти различия: во-первых, политико-институциональный фильтр. Пекин адаптирует свою финансовую политику и дипломатическую риторику к типу политического режима. В странах ЦА, Юго-Восточной Азии акцент делается на межгосударственные соглашения, отсутствие политических условия по определённым реформам и правам человека. Здесь ИПП выступает как инструмент укрепления политических режимов через экономическое развитие. В странах ЕС и латинской Америки Пекин работает через тендеры, экологические стандарты, юридическую экспертизу. Во-вторых, экономический профиль и специализация страны. Страны, поставляющие ресурсы, получают кредиты под залог поставок нефти, металлов и др. полезных ископаемых. Инфраструктура (железные дороги и порты) также связаны с природными ресурсами. Страны представляющие логистические хабы. Здесь фокус на создании свободной экономической зоны (СЭЗ) и мультимодальных узлов. Китай инвестирует в таможенные терминалы, цифровые системы управления логистикой. Технологические рынки. В более развитых странах приоритет отдаётся Цифровому Шёлковому пути: внедрение

стандартов 5G, систем электронной коммерции, облачных серверов. В-третьих, географический детерминизм. Сухопутный путь (Центральная Азия), главный фокус на строительстве железных дорог, строительство сухих портов и автомобильных дорог. Для комплексного анализа трансформации региона в рамках ИПП в данном исследовании предлагается методология многофакторного измерения. Научная новизна данного подхода заключается в переходе от линейного мониторинга инвестиционных потоков к многомерному анализу, который позволяет верифицировать реальное влияние китайских проектов на преодоление пяти фундаментальных структурных проблем Центральной Азии. К числу данных проблем можно отнести: транспортно-логистическая уязвимость го региона, ресурсно-сырьевая зависимость, энергодефицит, технологическое отставание, а также растущие структурные ограничения в виде долговой нагрузки.

Для оценки степени трансформации региона по указанным проблемам в методологию интегрирована система из семи концептуальных индикаторов. Каждый индикатор выполняет конкретную измерительную функцию и выступает методологической рамкой для эмпирического анализа в Главе 3.

Первый индикатор, доля ПИИ из КНР в общем объёме внешних инвестиций страны. Так, например, в Кыргызстане и Таджикистане Китай является инвестором номер один. Доля китайских ПИИ в Кыргызстане достиг 33,4% за 2011-2020 гг. [220]. Основные вложения в золотодобычу и модернизации дорожной сети. В Таджикистан было привлечено свыше $10,3 млрд. из 65 стран мира, около 30% из которых приходится на Китай в 2007-2020 годы [221]. В Таджикистане Китай контролирует более 75% золотодобычи и является главным инвестором в энергетическую сферу [222]. Казахстан демонстрирует сбалансированный подход, где Китай важный, но не единственный игрок. Несмотря на большие объёмы (11,4 млрд. долларов США), доля ПИИ КНР составляет 32%. в 2025 году [223]. Китайские ПИИ активно переходят из добывающей в переработку и логистику (порт Курык, Хоргос) и возобновляемую энергетику. После 2017 г. Узбекистан стал главным бенефициаром китайских инвестиций в регионе. Доля китайского капитала достигает 30%, нарастив ПИИ до $10,7 млрд к середине 2025 года. В Туркменистане несмотря на то, что статистика непрозрачна, КНР является монопольным инвестором, составим 27% ПИИ в Туркменистан [224]. Китайские прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в Туркменистане почти полностью сфокусированы на энергетическом секторе, в частности, на разведке, добыче и транспортировке природного газа. CNPC активно участвует в освоении крупнейшего месторождения «Галкыныш». В эти три страны 46% инвестиций из Китая поступают в основном в сырьевой сектор по данным к середине 2025 года.

Таким образом, анализ данного индикатора свидетельствует о вариативности китайской инвестиционной модели: для малых экономик (Кыргызстан, Таджикистан) это кредитор последней инстанции; для более крупных государств (Казахстан, Узбекистан) в роли партнёра по модернизации и диверсификации.

Второй индикатор - отношение долга перед государственными китайскими банками к ВВП страны. Этот индикатор является маркером уязвимости страны в рамках ИПП, того какие финансовые рычаги имеет Китай на ту или другую страну региона. Этот показатель часто связывают с «долговой дипломатией». В этой связи проблемой для стран-реципиентов является концентрация кредитора, когда почти половина внешнего долга приходится на китайские банки. Условия кредитования, которые чаще всего связаны (закупка только китайских услуг, высоки ставки и др.) с увеличением реальных затрат. Залоговая база. В ряде случаев кредиты обеспечиваются долями в месторождениях или доходами от транзита, что превысоком долге создает риск потери контроля над стратегическими активами. В ЦА существует две группы стран по долговым рискам. Первая группа критического риска (Кыргызстан, Таджикистан). В этих странах отношение долга перед КНР достигло уровня, который вызывает опасения у международных финансовых структур (МВФ). Так, долг Кыргызстана к 31 января 2026 г. составил 8,94 млрд дол., что составляет 30,5% всего внешнего долга страны [225]. Ситуация в Таджикистане схожа с ситуацией в Кыргызстане и составляет 1,1 млрд. долларов или 35% внешнего долга страны в начале 2022 года [226]. Взамен на пролонгацию кредитования Душанбе передаёт периодические передаёт права на разработку золоторудных месторождений китайским компаниям на долгие сроки. Это является примером конвертации долга в активы. Казахстан и Узбекистан относятся к группе управляемого риска, так как обладают большими экономиками и диверсифицированными портфелями заимствований. Так, несмотря на масштабные китайские инвестиции, казахстанский государственный долг составляет 3,6%. Узбекистан должен 10%, так как Ташкент получает инвестиции из Японии, Южной Кореи международных исламских фондов. Туркменистан представляет собой особый кейс (13,4%), так как выплаты идут в основном через экспорт газа [227].

Таким образом, китайская политика в Центральной Азии проводится в двух форматах. Первый, инфраструктурный патронаж, когда долг становится инструментом влияния. Второй, партнёрское кредитование, когда Китай является лишь одним из инвесторов и в большей степени партнёром. Разница в этих показателях важна при классификации типов участия региональных стран в ИПП.

Третий индикатор - сальдо торгового баланса, который в контексте отношений с Китаем является показателем того, служит ли страна лишь источником ресурсов и рынком сбыта для китайских товаров или способно интегрироваться в технологические цепочки поставок и участвовать в процессе разделения труда на евразийском пространстве. Для того, чтобы проанализировать этот индикатор необходимо исходить из следующих показателей: технологическая зависимость от китайских запчастей, сервиса и обновлений. Сырьевая ловушка, когда экспорт в КНР составляет 80-90%, приводит страну к состоянию «ресурсного придатка» не развивая собственную

промышленность. Валютное давление, когда постоянны торговый дефицит вынуждает страны брать кредиты у того же Китая для покрытия резерва.

Эти составляющие через призму ИПП демонстрируют три разные модели торгового взаимодействия. Для Казахстана и Туркменистана это модель сырьевого партнёра. Для этих стран характерна огромная физическая масса товарооборота, которая сосредоточена в энергетике. Так, например, товарооборот КНР с РК достиг 40 млрд долл. к 2025 г. 80% этого товарооборота составляют нефть, газ, уран и металлы. Несмотря на то, что Казахстан продаёт больше, чем покупает, сальдо отсеется технологичным, так как импорт представляет технологическую продукцию. В случае с Туркменистаном сальдо остаётся положительны, так как почти весь представляет природный газ. Узбекистан демонстрирует стабильно отрицательное сальдо, которое связано с инвестициями. В отличие от Астаны Ташкент ограничивает экспорт сырья и ввозит средства производства, чтобы наладить производство внутри страны. Для Кыргызстана и Таджикистана реализуется модель хронического отрицательного сальдо. Страны импорт зависимы от КНР и покрывают разницу доходами от золотодобычи.

Таким образом, разница в торговых балансах показывает дифференцированный подход Китая к странам Центральной Азии.

Четвёртый индикатор - отраслевая специализация (структурный анализ). Отраслевая специализация китайских инвестиций и кредитов является важнейшим индикатором того, какую именно роль отводит Китай конкретной стране в своей евразийской стратегии. Структурный анализ позволяет увидеть разницу между «сырьевым донором», «транзитным хабом», «площадка для индустриализации». Распределение капитала по секторам экономики позволяет измерить инвестиционный профиль реализации Инициативы «Пояс и Путь». Вертикальная интеграция (сырьевой сектор), когда кредиты идут в преимущественно в добычу за страной, закрепляется роль поставщика первичных ресурсов. Горизонтальная связанность (транспорт и логистика) Инвестиции в дорогу означают, что стран рассматривается как транзитный коридор с хорошим географическим расположением. Технологический трансфер (обрабатывающая промышленность) Вложения в цифровизацию и означает, что страна становится частью производственной цепочки КНР.

Структурный анализ показывает, что ИПП выполняет роль глобального архитектора регионального разделения труда. Инициатива не только даёт деньги, но встраивает каждую страну под конкретную задачу. Туркменистан выполняет роль топливного бака, Казахстан-логистический мост, Узбекистан-производственный центр. Для региона, с одной стороны, ИПП создала альтернативную систему производственных связей, не зависящих от западных рынков. С другой, ИПП закрепляет разрыв в развитии, когда Казахстан и Узбекистан направляют китайский капитал в логистику и промышленность. Кыргызстан и Таджикистан, как просто участники Инициативы, рискуют остаться в инфраструктурной ловушке. Таким образом, ИПП выступает как мощный инструмент структурной трансформации Евразии, где каждый участник

получает свою специализацию в рамках глобального порядка, выстраиваемого Китаем.

Пятый индикатор - институциональная глубина и сопряжение, который измеряется сопряжением китайской инициативы с национальными планами развития. Концепция сопряжения в китайской дипломатии означает создание единого политико-правового пространства. Критериями измерения институциональной глубины являются: двусторонние договора, планы сотрудничества и др. документы. Создание межправительственных комитетов по сопряжению в качестве механизмов. Казахстан первым перешёл к созданию единого дорожного плана. Основной документ – Программа сопряжения «Нұрлы жол» с Инициативой «Пояс и Путь». К 2026 г. сопряжение переросло в индустриально-инвестиционное сотрудничество. Реализуются совместные проект. Институциональная глубина здесь максимальная: создана специальная рабочая группа на уровне вице-премьеров, которые работают в рамках ИПП. Ташкент демонстрирует активное встраивание в ИПП после 2022 г. основной документ Стратегия развития нового Узбекистана на 2022-2026 гг. и её интеграция с Инициативой «Пояс и Путь». На институциональном уровне это закреплено через формат «Китай-Центральная Азия». Был также создан секретариат сотрудничества. Для Бишкека сопряжение - это способ обеспечить устойчивость госбюджета. В рамках двустороннего сотрудничества был подписан документ «Программа сотрудничества по сопряжению ИПП и национальной программы развития КР до 2026 г.». Это означает календарную синхронизацию, когда сроки реализации китайских пятилеток и национальных программ Кыргызстана совпадают. В случае с Таджикистаном сопряжение имеет точечный характер, когда создаются предприятия в стратегических секторах.

Таким образом, высокая институциональная глубина и сопряжение означает что Китай и страны Центральной Азии перестали просто быть продавцом и покупателем, становятся партнёрами в формировании будущего региона и Евразии в целом.

Шестой индикатор - социально-политическая реакция. В ЦА успех реализации ИПП также зависит от восприятия местным населением китайского присутствия. Одним из измерений этого индикатора является степень ксенофобии. В Казахстане наблюдается высокий уровень медийной и протестной чувствительности. Земельные протесты 2016 г., митинги против переноса 55 предприятий и др. Поэтому социальная реакция ограничивает темпы ИПП на уровне люди-людям. В Кыргызстане конфликты на месторождении Солтон-Сары (2019 г.) и отмена логистического центра в Ат-Баши (2020 г.) из-за протестов местных жителей. Эти факты свидетельствуют о том, что страх потери суверенитета среди гражданского общества выше экономических выгод. В Узбекистане антикитайские настроения минимальны, поэтому индикатор показывает высокую стабильность.

Ещё одна составляющая этого индикатора - коэффициент локализации или обеспечение занятости местного населения, который измеряет сколько местных кадров занято в реализации проектов ИПП. Самое жёсткое квотирование,

правила на привлечение иностранной рабочей силы в Казахстане. В крупных проектах доля местной рабочей силы достигает 90%. Это делает присутствие китайских рабочих приемлемым на объектах ИПП. В Таджикистане и Туркменистане этот процент значительно ниже и представляет собой модель закрытого анклава. Узбекистан выбирает модель обучение и передача опыта, что означает подготовку местных кадров для работы в проектах Инициативы.

Седьмой индикатор – это индикатор инновационно-технологической интенсивности и экологической адаптации. В условиях глобального энергетического перехода и четвертой промышленной революции оценка эффективности ИПП не может ограничиться лишь количественными показателями притока капитала или объёмов товарооборота. Этот индикатор выступает в роли качественного фильтра, позволяющего определить, способствует ли китайская инициатива преодолению технологического отставания и «зелёной» модернизации Центральной Азии.

Если четвёртый индикатор (отраслевая специализация) в прошлом фиксировал доминирование добывающего сектора, то данные 2025-2026 гг. через призму седьмого индикатора демонстрирует смену парадигмы. Китай трансформируется из экспортёра углеродоёмких технологий к роли одного из главных двигателей декарбонизации в регионе. Примером может послужить масштабные проекты в Узбекистане и Казахстане, например строительство ветровых электростанций в Жанатасе и солнечных электростанций в Кашкадарьиской, Бухарской и Самаркандской областях Узбекистана.

Касательно, цифровизации, седьмой индикатор измеряет глубину внедрения инфраструктурных стандартов КНР не через покупку смартфонов, а через создание критической инфраструктуры. Например, развёртывание сетей 5G в Астане и Ташкенте на базе оборудования Huawei, а также создание трансграничных дата-центров. Седьмой индикатор выступает ключевым элементом всей системы оценки. Он четко показывает, что сегодня Инициатива «Пояс и Путь» (ИПП) в Центральной Азии ориентирована на решение фундаментальных экономических задач за счет внедрения «умной» инфраструктуры. Это позволяет охарактеризовать текущий этап сотрудничества как переход от простого вливания денег и наращивания объемов к глубокой технологической интеграции. Для систематизации методологического аппарата соответствие структруных проблем региона исследуемым индикатором представлено в Таблице 1.

Таблица 1 – Сопряжение структурных проблем Центральной Азии с индикаторами измерения Инициативы «Пояс и Путь»

Структурная проблема Центральной Азии	Измерительный индикатор ИПП	Эмпирическая реализация (Глава 3)
1	2	3
Географическая изоляция	Долговая нагрузка, отраслевая специализация	Раздел 3.1

Продолжение таблицы 1

1	2	3
Дефицит капитала	Доля ПИИ, долговая нагрузка	Раздел 3.2
Ресурсное проклятие	Торговый баланс, отраслевая специализация	Раздел 3.2
Энергодефицит и эко-переход	Инвестиции в энергетику, зеленый ИПП	Раздел 3.3
Технологическое отставание и цифровой разрыв	Социально-политическая реакция	Раздел 3.3

В дополнении к разработанной таблице, для математического подтверждения трансформации структуры экономик ЦА в диссертации применяется количественный индексный анализ, включающий оценку индекса выявленных сравнительных преимуществ (ВСП) по методике Б.Баласса и индекса торговой комплементарности (ИТК).

Таким образом, предлагаемая многофакторная методология деконструирует Инициативу «Пояс и Путь» из абстрактного геополитического проекта в измеримый механизм структурной трансформации. Детальная эмпирическая верификация заявленных индикаторов и оценка реального трансформационого потенциала ИПП для региона представлены в Главе 3 диссертационного исследования.

Общий вывод. Эвлюция китайского присуствия в регионе шла последовательно: от урегулирования пограничных споров и взаимодействия по безопасности в рамках ШОС. Через развитие торговли и энергетики к глобальной Инициативе «Пояс и Путь».

Анализ ключевых показателей показал, что ИПП переросло рамки обычного внешнего инвестиционного проекта и стала ограниченной частью национальных программ развития стран региона. При этом Китай применяет дифференцированный подход к каждой из них, гармонично встраивая их в свою общую евразийскую стратегию. Главным же итогом этих трансформаций стало качественное изменение роли самой Центральной Азии.

Центральная Азия перестала восприниматься Китаем как просто сырьевая периферия или буферная зона. Благодаря развитию транспортных коридоров, производственных кластеров регион превращается в стратегически важный узел евразийской политики Китая. Из замкнутого пространства Центральная Азия трансформируется в транзитный хаб, связывающий рынки Востока и Запада, что повышает его геополитическую субъектность.

Однако анализ эффективности Инициативы в Центральной Азии требует ответа на вопрос насколько ИПП эти теории и концепции, а также предложенная методология способна объяснить может ли Инициатива стать реальным механизмом решения не только традиционных, но и новых структурных проблем региона.

2 КИТАЙ И ЦЕНТРАЛЬНАЯ АЗИЯ: ОТ ДВУСТОРОННИХ ОТНОШЕНИЙ К ШОС И ИНИЦИАТИВЕ «ПОЯС И ПУТЬ»

Целью данной главы является анализ исторической эволюции отношений Китая со странами Центральной Азии с момента распада СССР, выявление ключевых этапов и механизмов институализации сотрудничества, раскрытие роли ШОС и Инициативы «Пояс и Путь» в формировании политико-экономической и инфраструктурной архитектуры взаимодействия в регионе.

2.1 Становление Центральноазиатского направления во внешней политики КНР (1980-1990-е гг.): прагматизм, безопасность границ и первые межрегиональные связи

Холодная война закончилась в начале 1990-х годов, и международный ландшафт пережил резкую реструктуризацию, ознаменовавшую период радикальных изменений во внешней среде Китая.

В этих условиях сформулировал новый стратегический курс КНР, направленный на адаптацию внешней политики страны к изменившейся международной среде, что ознаменовало собой переход к новому этапу эволюции китайского прагматизма.

Ключевым элементом этого курса стала так называемая, «Двадцатизначная стратегия» (или «Двадцатизначное дипломатическое руководство»), представляющая собой свод практических рекомендаций для поведения Китая на международной арене. В исходной редакции она звучала так: «Спокойно наблюдать, твёрдо стоять на ногах, реагировать с хладнокровием, скрывать свои возможности и выжидать, умело играть роль аутсайдера и никогда не брать на себя лидерство». Позже к ней были добавлены четыре символа: «оставить свой след» [228].

Председатель Международной федерации переводчиков, заместитель председателя и генеральный секретарь Ассоциации переводчиков Китая Хуан Юйи в своей статье для китайской газеты «Global Times» отмечал, что одна из ключевых составляющих внешнеполитической доктрины Дэн Сяопина - формула «сокрытие возможностей и выжидание благоприятного момента» (tao guang yang hui (韬光养晦), часто трактуется неоднозначно в западной аналитической литературе. Ряд исследователей интерпретируют эту формулу как стратегию обмана и намеренного занижения потенциала Китая. В тоже время представители китайской научной школы подчёркивают, что в контексте конца XX века Дэн Сяопин использовал эту фразу для выражения идеи умеренности, дипломатической сдержанности и ориентации на внутреннее развитие [229].

Китайские исследователи подчёркивают, что смысл данной формулы следует рассматривать не с позиций её древнего происхождения, а в контексте конкретных исторических условий, политики реформ и открытости. В современном понимании она выражает не «притворство слабости», а установку на сдержанность, дипломатическую гибкость и отказ от демонстративного лидерства. По мере роста экономической и военной мощи КНР принципы

«таогуан янхуй» сохраняют актуальность, как выражение ответственного и мирного поведения страны на международной арене.

Российские учёные рассматривают внешнеполитическую доктрину КНР в более широком историко-цивилизационном контексте, связывая её с традиционной китайской философией умеренности и реалиями пост биполярного мира.

Как отмечает российский А.В. Бояркина из Дальневосточного федерального университета, данная стратегия акцентирует необходимость сохранения осторожной и сдержанной позиции в международных делах, предполагает избегание чрезмерного вовлечения в глобальные конфликты и ставит во главу угла развитие всесторонней национальной мощи [101, с.103]. Такой прагматический подход был направлен на создание мирной внешней среды, способствующий модернизации Китая, и заметно отличался от более идеологизированной дипломатии периода Мао Цзэдуна. Российские эксперты также подчёркивают, что дипломатическое руководство Дэн Сяопина часто характеризуется прагматичным подходом и стратегией невступления в альянсы, что сыграло ключевую роль в формировании внешней политики Китая в период с конца 1970-х по 1990-е годы [99, с.11-13].

Таким образом, интерпретация китайскими и российскими исследователями внешней политики КНР в период формирования новой системы международных отношений позволяет снять идеологизированный подход западных аналитиков и увидеть китайском прагматизме системную логику развития.

В целом этот этап стал важной вехой в эволюции внешней политики Китая, ознаменовав собой переход от идеологически мотивированной дипломатии Мао Цзэдуна к рациональной, экономически ориентированной и стратегически сдержанной модели. Концепция «Двадцатизначной стратегии» символизировала институализацию нового типа внешнеполитического мышления, в котором прагматизм, гибкость и национальный интерес заняли центральное место. Формула «tao guang yang hui» стала ключевым выражением этого подхода, отражая ориентацию на долгосрочное укрепление комплексной национальной мощи [230].

Таким образом, политика Дэн Сяопина заложила институциональные и идеологические основы современного внешнеполитического курса Китая.

Дэн Сяопин сформировал представление о национальных интересах Китая, рассматривая их через призму институционализированной государственной политики и подчёркивая, что защита суверенитета, национальной безопасности и территориальной целостности является базовыми элементами национальных интересов. На встрече с Де Куэльяром, Генеральным секретарем Организации Объединённых Наций, 27 августа 1982 года Дэн Сяопин изложил стратегическое видение Китая в области внешней политики, опиравшееся на принципы независимости, мирного сосуществования и противодействия гегемонии; при этом он обеспечивал институциональное укрепление позиции государства в международной системе и защиту интересов народа [231].

В сочинениях Дэн Сяопина акцентируется институциональная роль Партии и государства в формировании внешней политики, ориентированной на создание мирной международной среды для устойчивого развития страны. Эта увязка национальной безопасности с приоритетами модернизации проявлялась через системную координацию партийного руководства, централизованный контроль над вооруженными силами и коллективный характер принятия решений в Политбюро и в Центральном комитете Коммунистической партии, что позволяло обеспечивать преемственность власти и политическую стабильность [232, 233].

Кроме того, Дэн Сяопин разработал гибкую и прагматичную дипломатическую стратегию, основанную на институциональном следовании пяти принципам мирового сосуществования, урегулировании территориальных споров и формировании долгосрочной устойчивой внешнеполитической обстановки, что дало возможность максимизировать национальные интересы в меняющемся международном контексте [234].

Таким образом, концепция национальных интересов, сформулированная Дэн Сяопином, отражает системное и институциональное понимание внешней политики как инструмента защиты суверенитета, содействия социалистической модернизации и формирования устойчивых международных отношений; это согласуется с интересами китайского народа и демонстрирует структурированные подходы к достижению национальных стратегических целей [235].

Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина стала основой дальнейшего развития Китая как ответственного и независимого участника мировой политики. Прагматизм, который он заложил в основу дипломатии, превратился не во временный приём, а в долгосрочную философию китайской дипломатии, продолжая определять стратегическое поведение Китая в условиях современной глобальной системы. Дэн Сяопину удалось органично встроить внешнюю политику в общую стратегию реформ и открытости: он рассматривал дипломатию не как инструмент идеологического распространения, а как способ повысить международную конкурентоспособность государств. В этот период была сформулирована «Дипломатическая стратегия неприсоединения», которая закрепила принципы неприсоединения, стратегического сдерживания и многовекторного взаимодействия. Такой подход позволил Китаю избегать вовлечения в конфликтность блоков и сосредоточиться на экономическом росте [236].

В рамках этого контекста в период руководства Дэн Сяопина Центральная Азия ещё не воспринималась как самостоятельное направление китайской внешней политики, поскольку регион оставался частью советского пространства. Главные усилия Китая были направлены на нормализацию отношений с ведущими державами, прежде всего с Соединенными Штатами, Японией и странами Западной Европы, что было необходимо для экономических, внешнеполитических и аграрных реформ.

Тем не менее опосредованное влияние его подхода на дальнейшее вовлечение Центральной Азии оказалось чрезвычайно значительным. Стратегия

мирного развития, экономический прагматизм и постепенное расширение международного присутствия сформировали прочную основу, на которой Китай смог выстраивать многосоставную и активную региональную политику в последующие десятилетия. Именно эта политика затем трансформировалась в крупномасштабные инициативы XXI века, такие как инициатива «Пояс и путь», в рамках которой Центральная Азия стала ключевым транзитным узлом. Таким образом, дипломатическая формула Дэн Сяопина, первоначально не имевшая прямого отношения к Центральной Азии, закрепила принципы (умеренность, последовательность, экономическая взаимная выгода, ориентация на долгосрочные интересы), которые впоследствии определили стратегию Китая в Центральной Азии.

Следовательно, постепенный переход от идеологизированных установок внешней политики к прагматической модели, начатой Дэн Сяопином, создал институциональные и концептуальные предпосылки для более гибкого и многоуровневого взаимодействия Китая с внешней средой. Этот сдвиг позволил Пекину переосмыслить собственную роль в Евразии: от периферийного участника, реагирующего на внешние вызовы, он перешёл к стратегическому центру силы, способному самостоятельно формировать региональную архитектуру. Именно на этой основе, как на сочетании экономического прагматизма, осторожного наращивания активности внешнеполитической деятельности и сосредоточенности на долгосрочной стабильности собственной периферии, начинает складываться новая конфигурация отношений Китая с его западными соседями.

Центральная Азия становится первым регионом, где трансформированная логика внешней политики Китая воплощается на практике и находит своё институциональное воплощение.

Формирование ранних межрегиональных связей

После установления в 1949 году контроля центрального правительства Китайской Народной Республики над Синьцзяном были заложены институциональные основы формирования региональных связей КНР с сопредельными территориями. Заключённые между Китаем и Советским Союзом двусторонние торговые соглашения закрепило государственную монополию на внешнеторговые операции и определило рамки взаимодействия на приграничном уровне.

В ходе реализации данного соглашения Пекин уделил особое внимание социально-экономическому развитию приграничных регионов, рассматривая их как ключевое звено регионального взаимодействия. Это привело к поэтапному разрешению приграничной торговли уже в 1951 г., что способствовало активизации хозяйственных и инфраструктурных связей между сопредельными территориями. С этого момента «приграничная торговля» оформляется не только как самостоятельная категория внешнеторговой политики нового Китая, но и как устойчивый механизм, направленный на интеграцию приграничных связей в более широкий формат межрегионального сотрудничества.

В продолжение этой логики развития региональных связей в первой половине 1950-годов ключевым институциональным механизмом двустороннего экономического обмена стала т. н. книготорговая система. Данная форма торговли, осуществляемая строго в соответствии с межгосударственными соглашениями на основе заранее согласованных квот, что отражало высокий уровень централизации и межгосударственного контроля над приграничными и региональными торгово-экономическими связями на начальном этапе их формирования.

В 1950-1962 гг. Синьцзян открыл для СССР ряд ключевых сухопутных пунктов пропуска (Хоргос, Тургат, Цзимунай, Бакту), а также водные порты (Сандаохази и Буркинь). Экспортная структура региона включала сельскохозяйственную продукцию, товары животноводства и местное сырьё, совокупно составлявшие около одной трети общего экспортного объёма. Импорт из СССР был представлен преимущественно средствами производства, как сельскохозяйственная техника, автомобили, станки, сталь, древесина и минеральные удобрения. Фактически в этот период граница между Синьцзяном и СССР оставалась полностью открытой для двустороннего обмена.

Начиная с 1963 года, под влиянием изменений международной обстановки, а также внутриполитических процессов в КНР, начался процесс постепенного свёртывания приграничных экономических связей. Пограничные порты последовательно закрывались, что сопровождалось резким сокращением объёмов торговых операций. Так если в 1951 году общий объём импорта и экспорта Синьцзяна в торговле с СССР достигал 13,5 млн долларов, то к 1962 году он сократился до 7,36 млн долларов США. К 1967 г. пограничная торговля между Синьцзяном и Советским Союзом была практически прекращена, а все пункты пропуска закрыты, что привело к полной стагнации двустороннего приграничного обмена [237].

После долгого периода стагнации советско-китайские отношения начали постепенно улучшаться лишь в 1980-х годах, что было связанно с формированием концепции деэскалации военного противостояния двумя ядерными державами. Начиная с 1982 г. китайская сторона последовательно поднимала вопрос о сокращении советской военной группировки вдоль границ. В 1983 году стороны перешли к обсуждению конкретных мер укрепления доверия. Советский Союз выдвинул «Меморандум о мерах доверия в районе советско-китайской границы», а предложил внедрение уведомительного режима проведения крупных учений, переговоры о сбалансированном сокращении вооружений и расширении приграничных обменов [238].

Это создало условия для возобновления прямых контактов между приграничными регионами. В апреле 1982 года министерства внешней торговли Китая и Советского Союза достигли соглашения о возобновлении торговли между Синьцзяном и СССР. Уже зимой 1983 года были открыты порты Хоргос и Тургат на границе между Синьцзяном и Советским Союзом, что означало практическое возобновление приграничной торговли. Открытие данных пунктов пропуска способствовало активизации региональных связей и интеграции

Синьцзяна в возрождающиеся региональные обмены, что повысило экономическую значимость и привлекательность СУАР, как ключевого приграничного района в системе межрегиональный связей КНР.

В результате возобновления приграничного взаимодействия экспорт из Синьцзяна в СССР продемонстрировал резкий рост с 809 000 долларов в 1981 году до 22 391 000 долларов в 1985 году. Доля торговли с СССР в общем объёме экспорта Синьцзяна увеличилась с 1,7 процента в 1981 году до 12,4 процента в 1985 году. В этот период, наряду с Гонконгом, Макао и Японией, Советский Союз стал третьим по величине торговым партнёром СУАР.

Структура торговли отражала взаимодополняющий характер региональных связей. Экспорт Синьцзяна в СССР состоял в основном из лёгких текстильных изделий, лекарств и медицинских услуг, продуктов питания. Импорт, в свою очередь, состоял из стали, фосфорных удобрений, цемента и других средств производства, а также пианино, холодильников, аделаидского шёлка и других предметов повседневной необходимости, которые были в дефиците на рынке.

Изменения во внешнеполитической среде, связанные с политикой М. С. Горбачёва «новое политическое мышление» создали предпосылки для региональных трансформаций. Визит советского лидера в КНР в 1989 году имел как символическое, так и практическое значение. Этот визит ознаменовал конец длительного парода конфронтации и закрепил курс на нормализацию двухсторонних и региональных контактов [239].

В это же время руководство КНР последовательно выстраивало институциональную модель управления национальными и приграничными регионами, ориентированную на сочетание централизованного контроля с элементами региональной автономии.

С начала 1950-х годов Синьцзяне проводилась поэтапная административная перестройка: была создана сеть автономных округов и уездов, а в 1955 г. организован Синьцзян-Уйгурский автономный район. Этот шаг ознаменовал завершение ключевого этапа институционального оформления регионального управления и формирования модели, сочетающей централизованное руководство с расширенным полномочиями автономных органов.

В 1950-е и 1970-е годы экономическое развитие Синьцзяна определялось моделью «централизованного перераспределения», в которой приоритет отдавался финансированию инфраструктуры, государственным предприятиям и включению региона в национальные производственные цепочки.

В 1980-е годы, с началом политики реформ и открытости, Синьцзян превратился в важную испытательную площадку для либерализации торговли и привлечения инвестиций. Преобразования в Синьцзяне совпали с нормализацией советско-китайских отношений, что придало процессам отчетливое внешнеполитическое и региональное измерение. Возобновление политического диалога, постепенное урегулирование пограничных споров и восстановление торговых связей создали благоприятные условия для расширения гуманитарных и экономических связей Синьцзяна с казахскими, кыргызскими и таджикскими регионами СССР. Формирующиеся в это период связи, от приграничной торговли

до инфраструктурных проектов, заложили фундамент для последующей межгосударственной архитектуры сотрудничества после распада Советского Союза. Одновременно Пекин усиливал внимание к этнополитическим процессам на западных рубежах страны. Социально-экономическое развитие Синьцзяна, рост внутренней мобильности населения и активизация внешних связей региона сопровождались поиском новых инструментов стабилизации и управления периферией. Опыт приграничного взаимодействия стал важной лабораторией для будущей внешнеполитической практики КНР в Центральной Азии [240].

На этом фоне сформировались политические и экономические условия для развития межрегиональных связей уже на уровне союзных республик. Казахская ССР, как и другие приграничные республики СССР, начала выстраивать прямые контакты с соседними китайскими провинциями, в прежде всего с Синьцзян-Уйгурским автономным районом (СУАР).

Ключевым шагом в этом направлении стало подписание в 1988 году «Соглашения о сотрудничестве между Казахской Советской Социалистической Республикой и Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР в области экономического и культурного развития», которое закрепило переход от эпизодических контактов институциализированному межрегиональному взаимодействию. В том же году Государственный совет КНР одобрил открытие пассажирского и грузового авиамаршрута Урумчи - Алма-Ата. Документ продемонстрировал координацию контроля, полётных режимов организацию совместных служб между Китаем и СССР. Ответственность за инспекцию и эксплуатацию маршрута возлагалась на существующие учреждения в Урумчи при согласовании с Гражданской авиационной администрацией Китая [241].

Дальнейшее развитие транспортных и гуманитарных контактов нашло отражение в соглашении, заключённом в июле 1991 года между КазССР и СУАР [242], касающееся использования железнодорожного пограничного перехода Дружба (СССР) - Алашанькоу (КНР) в целях развития международного туризма. Эти договорённости свидетельствовали о переходе приграничного взаимодействия к более устойчивой и многоуровневой модели регионального сотрудничества, которое в следствие позволило формировать постсоветскую архитектору связей между Китаем и государствами Центральной Азии.

Таким образом, происходившие в рассматриваемый период позволяют объяснить переход от внешнеполитического прагматизма Дэн Сяопина к формированию более целостной евразийской политики КНРВ Центральной Азии. Стратегия, ориентированная на создание мирной внешней среды и укрепления национальной мощи, которая формовалась не абстрактно, а на основе практического опыта приграничного и межрегионального взаимодействия, прежде всего, в Синьцзяне.

Философия «таогуан янхуй», основанная на отказе от жёстких союзов, приоритете внутреннего развития и осторожном продвижении национальных интересов, дала Китаю возможность сформировать внешний подход к недавно получившим независимость государствам региона в 1990-е годы. Этот подход проявился в политике пограничного управления, в расширении экономических

инициатив и в создании механизмов многостороннего сотрудничества, тем самым заложив основу для нынешней политики Китая в Центральной Азии.

Центральная Азия как ключевое направление формирования евразийской политики КНР

Переходя к анализу роли Центральной Азии в формировании евразийской политики Китая, следует подчеркнуть, что именно этот регион стал одной из первых территорий, где Китай начал выстраивать системный и долгосрочный формат своего присутствия в Евразии. Пекин рассматривал регион не только как находящееся рядом геополитическое соседство, чья устойчивость была необходима для развития западных провинций Китая, но и как практическую площадку для апробации новых подходов к внешнему взаимодействию.

В пределах региона Пекин сумел выстроить новую модель взаимодействия, объединяющую несколько направлений: обеспечение пограничной безопасности, содействие социально-экономическому развитию Синьцзяна, наращивание экономических и инфраструктурных связей, а также укрепление своего международного статуса. Впервые эти направления сведены в единую стратегию, ориентированную не на разрозненные и ситуативные контакты, а на устойчивое и многоуровневое присутствие. Поэтому Центральная Азия может рассматриваться как ключевой компонент эволюции внешней политики Китая: от сдержанного и ограниченного участия, характерного для ранних этапов реформ, к более активной роли, определяющей формирование евразийского пространства. Накопленный в ходе взаимодействия с государствами Центральной Азии опыт послужил основой для последующих инициатив Китая как активного участника, формирующего международную архитектуру Евразии.

Изменение статуса стран Центральной Азии после распада СССР согласуется с логикой евразийской политики Китая. После 1991 года регион стремительно приобрёл стратегическую значимость, и в нём стали пересекаться, а затем конкурировать ключевые геополитические и геоэкономические интересы как крупных держав, так и региональных акторов. Эта новая геополитическая конъюнктура усилила роль Центральной Азии в евразийской политике Китая и потребовала от Пекина более системного и долгосрочного подхода в отношениях со странами Центральной Азии.

Многоуровневый характер участия различных центров силы в делах Центральной Азии требует анализа геополитического контекста, окружающего этот регион. Именно поэтому Йоханнес Линн, ведущий аналитик вашингтонского центра «Брукингс», обращает внимание на различия в подходах ключевых игроков в Центральной Азии: «Китай делает ставку на формирование мирного и стабильного пространства; Россия рассматривает Центральную Азию как часть своих исторических экономических и территориальных интересов, проявляя особый интерес к трудящимся-мигрантам; Турция опирается на общие тюркские корни народов Центральной Азии; Иран связан с таджиками через языковые и культурные связи. При этом исламская идентичность объединяет Центральную Азию со странами Ближнего Востока и другими мусульманскими государствами» [69, с.101].

Таким образом, благополучие и политическая устойчивость в Центральной Азии приобретают значение не только для её населения численностью чуть больше 80 миллионов человек, но и для государств-соседей, поскольку регион выполняет роль важнейшего сухопутного коридора, связывающего Европу и Азию.

Развивая такой подход, узбекский политолог Фарход Толипов подчёркивает, формирование новой «геополитики» оказало влияние практически на все важнейшие сферы постсоветской трансформации, включая национальную самоидентификацию и региональную интеграцию [107, с.111].

При анализе конкуренции центров силы в регионе следует отметить, что именно Россия отправной точкой при сопоставлении позиций других акторов, прежде всего США и КНР. Американское и китайское присутствие в ЦА можно рассматривать как реакцию на российское влияние в регионе. Поэтому в начале 1990-х годов Вашингтон рассматривал ЦА не столько как независимые государства, сколько сферу влияния Москвы.

Однако со временем, особенно после 11 сентября, США усиливают своё стратегическое присутствие в ЦА. Американская политика была направлена на поддержание независимых государств, развитие региональной интеграции, расширение сотрудничества в сфере безопасности, что нередко противоречило интересам России и Китая.

В условиях конкуренции между ведущими мировыми державами государства ЦА, за исключением Туркменистана, были вынуждены выработать стратегию балансирования, основанные на использовании возможностей различных партнёров. Примером такого баланса является «Многовекторная внешняя политика» РК, которая означала стратегический подход, разработанный в постсоветскую эпоху для ориентации в сложном геополитическом ландшафте региона, характеризующемся конкурирующими интересами крупных мировых держав таких, как Россия, Китай и США. Эта политика позволяет РК использовать возможности различных международных партнёров, тем самым укрепляя свой суверенитет и способствуя независимому развитию.

Стратегия балансирования стала часть постсоветской трансформации региона, когда ЦА формировалась как самостоятельное геополитическое пространство со сложным положением и ресурсным потенциалом, которое вовлечено в сложную орбиту интересов РФ, КНР и США [100, с.106].

«Участие Китая в делах Евразийского региона охватывает не только экономическую сферу, но и вопросы безопасности и политики, о чем свидетельствует концепция «Большой Евразии». Это соответствует стремлению Китая сформировать многополярный мировой порядок и укрепить свою роль на международной арене, в частности посредством таких инициатив, как «Пояс и путь». Китайский подход к евразийскому регионализму воплощает комплексную концепцию, объединяющую экономические, политические и стратегические аспекты, причём его инициативы оказывают влияние не только в пределах Евразии, но и за её пределами (как видно на примере «Пояса и Пути»).

Изменяющийся глобальный геополитический ландшафт ставит перед Казахстаном, как и другими странами Центральной Азии, фундаментальный вопрос: будут ли они в основном присоединяться к евразийскому регионализму, ориентированному на Европу и Азию под руководством России, или Центральная Азия интегрируется в Большую Азию с Пекином в качестве центра» [243].

В этом контексте возрастающее влияние Китая к Центральной Азии было вполне закономерным. Уже в начале 2000-х годов представители военно-политического истэблишмента подчёркивали геостратегическую значимость региона. Так, в 2001 году попечитель Си Цинпина, генерал Китайской Народно-освободительной армии Лю Ячжоу, заявил, что этот регион «имеет очень большую стратегическую ценность с геополитической точки зрения», и что тот, кто им управляет, имеет «будущее стран на другой стороне [Евразийского] моста».

Таким образом, ЦА приобретает для Китая все более важное стратегическое значение. В основе китайского подхода лежит установка на обеспечение стабильности и развитие устойчивых отношений с соседними государствами, как ключевого условия. Это включает в себя стабильность и развитие каждой из стран Центральной Азии, между этими странами и между Центральной Азией и другими регионами.

Обеспечение безопасности западных рубежей как основной мотив политики КНР в 1990-е гг.

Внешняя политика Китая в отношении стран Центральной Азии претерпела значительную эволюцию с 1990-х годов до настоящего времени, что обусловлено совокупностью экономических, геополитических факторов и соображений безопасности .

КНР стала одной из первых стран, признавшей независимость государств Центральной Азии: уже в начале января 1992 года Китай последовательно установил дипломатические отношения со всеми республиками региона.

2 января 1992 года в Ташкенте было подписано «Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Узбекистан» 3 января 1992 аналогичный документ был подписан с Казахстаном, что означало установление дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой. 4 января 1992 года дипломатические отношения были установлены между Таджикистаном и КНР. 5 января 1992 года были установлены Дипломатические отношения между КНР и Кыргызской Республикой.

6 января 1992 года дипломатические отношения КНР были установлены с Республикой Туркменистан.

Скорость и последовательность этих шагов свидетельствовали о высокой значимости Центральной Азии для КНР. Китай признал вновь обретшие независимость центральноазиатские республики важными соседями, обладающими значительными энергетическими ресурсами и выгодным стратегическим географическим положением.

На начальном этапе выстраивания отношений с постсоветской Центральной Азией Пекин сосредоточился на трёх из пяти государств: Казахстане, Кыргызстане и Таджикистане, с которыми у Китая была протяжённая общая граница и которые представляли наиболее острые проблемы безопасности. Политика китайского руководства в данный период носила сложный характер; наряду с экономическим проникновением и вовлечением региона в широкомасштабные торговые связи применялись также политические и дипломатические инструменты.

На практике данный подход был реализован посредством институционализации диалога по вопросам безопасности и границ.

Многосторонние переговоры стали важнейшим инструментом, обеспечивающим возможность учитывать интересы всех заинтересованных сторон.

В этом контексте в октябре 1992 года Пекин провёл переговоры по пограничным вопросам между Китаем и совместной делегацией Казахстана, Кыргызстана, России и Таджикистана, возглавляемой заместителем министра иностранных дел России. В ноябре того же года была проведена последующая серия консультаций по вопросам разоружения и мерам укрепления доверия в военной сфере между Китаем и указанными выше странами [244]. Эти переговоры стали важным шагом на пути к снижению напряжённости на западных границах Китая и заложили основу для формирования региональных механизмов безопасности.

В целом политику Китая в отношении Центральной Азии можно рассматривать как постепенный процесс. Каждая стадия отражает развитие подходов государств Центральной Азии к сотрудничеству с Китаем.

Первый этап можно охарактеризовать как фазу обеспечения безопасности и стабилизации. Её главной целью было гарантировать устойчивость на западных границах Китая (Синьцзян) и сократить до минимума угрозы, связанные с сепаратизмом и экстремизмом.

В 1990-е годы политика Китая была преимущественно прагматичной и фокусировалась на второстепенных вопросах безопасности. Распад СССР привёл к появлению новых независимых государств и создал вакуум власти в приграничных регионах. Это усилило обеспокоенность Пекина возможными рисками для внутренней стабильности. В этих условиях Китай сделал приоритетом построение добрососедских отношений и обеспечение стабильности границ. В рамках этой стратегии особое внимание уделялось Казахстану, Кыргызстану и Таджикистану, граничащим с КНР [62, с.3]. Именно они заняли центральное место в периферийной дипломатии Пекина, направленной на формирование пояса стабильности вдоль государственных границ.

Китай реализовывал эту стратегию даже на фоне нарастания своей военной и экономической мощи, прежде всего опираясь на приоритеты внутренней стабильности и защиты национального единства, особенно в пограничных и этнополитически чувствительных районах. Внимание вызывали прежде всего

волнения этнических меньшинств, например уйгуров в Синьцзяне, которые проживают в малонаселённых, относительно удалённых, экономически отсталых и одновременно стратегически важных приграничных территориях. В данных условиях Центральная Азия оказывала непосредственное влияние на устойчивость северо-западных провинций Китая благодаря своей географической близости, историческим связям и общему религиозному основанию.

Пекин с настороженностью относился к взаимодействию внутренних и внешних факторов нестабильности, включая уйгурскую диаспору за пределами Китая. Любая критическая ситуация в странах региона, особенно в Казахстане и Кыргызстане, рассматривались как потенциальный источник негативного влияние на северо-западный регион Китая. Данные опасения формировались не абстрактно, а на фоне собственного негативного опыта внутренней нестабильности, с которыми китайское руководство столкнулось на рубеже 1880-х- 1990-х годов.

В начале 1990-х годов в Синьцзяне вспыхнули этнические волнения, которые наложились на кризис легитимности власти после событий на площади Тяньаньмэнь. Протесты 1989 года стали поворотным моментом в современном политическом развитии Китая. Изначально вызванное студенческими демонстрациями после смерти Ху Яобан, генерального секретаря КПК, который выступал за проведение реформ, и за политическую открытость, за политическую открытость и реабилитацию жертв прошлых кампаний. В результате движение быстро превратилось в общенациональный призыв к политическим реформам, прозрачности и демократизации. Решение правительства о введение Народно-освободительной армии 3-4 июня для подавления протестов привело к многочисленным жертвам и ознаменовало решительное восстановление государственного контроля [245].

Растущее недовольство уйгуров и других этнических меньшинств политикой центрального правительства привело к резкому росту протестной активности, включая демонстрации, взрывов бомб, убийств и вооружённые столкновения с силами безопасности. Несмотря на то, что масштабы беспорядков уступали по своим масштабам и беспорядку по сравнению с тибетским восстанием, они, тем не менее, вызвали беспокойство у китайских лидеров, особенно после Тяньаньмэнь. Этнические волнения в Синьцзяне продемонстрировали глубину недовольства центральной властью в приграничных районах в момент, когда режим одновременно столкнулся с кризисом легитимности и ростом социально-политической нестабильности внутри страны.

Внутренние этнические волнения в Синьцзяне развивались в тесной взаимосвязи с масштабными геополитическими изменениями на постсоветском пространстве.

Образование независимых республик Центральной Азии создали новый региональный контекст, который оказал прямое влияние на региональную и в целом евразийскую политику КНР. Так, независимость соседей дала мощный

импульс росту национального самосознания уйгуров и воодушевляла уйгурское население Синьцзяна. Это вызывало обеспокоенность Пекина, учитывая наличие крупных уйгурских общин (до 500 тысяч человек) в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане. В начале 1990-х годов в Казахстане и Кыргызстане возникли и стали действовать такие националистические организации, как «Организация освобождения Туркестана» и «Объединённая ассоциация уйгуров». Эти структуры поддерживали связи с Синьцзяном и получали идеологическую и финансовую поддержку от радикальных кругов Саудовской Аравии и Турции. После решения Всемирного курултая уйгуров (Стамбул, 1992 г.) о начале вооружённой борьбы в регион начали поступать оружие и боевики, в том числе через территории государств Центральной Азии. С конца 1990-х годов уйгурские группировки наладили сотрудничество с исламистскими организациями, включая «Хизб ут-Тахрир аль-Ислами» и «Исламское движение Узбекистана» (ИДУ).

По мере укрепления этих связей сформировалось единое радикальное пространства, охватывающего Центральную Азию и Синьцзян [246].

Осознавая угрозу трансграничной радикализации, Китай принял ряд превентивных мер, направленных на укрепление безопасности границ, ужесточение миграционного контроля и включение антисепаратистских положений в двусторонние соглашения с государствами Центральной Азии. Пекин заручился официальной поддержкой Казахстана, Кыргызстана и Узбекистана, которые признали борьбу с уйгурским сепаратизмом общей задачей. Это нашло отражение в официальных документах, включая «Совместное заявление между Китайской Народной Республикой и Кыргызской Республикой Об углублении добрососедства, дружбы и сотрудничества», а также «Совместное коммюнике между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Узбекистан», подписанных в 2007 году и опубликованных на официальных ресурсах МИД КНР.

В результате сепаратизм был оформлен институционально, как общая проблема для КНР и стран ЦА. Основную роль играл Казахстан, который стал ключевым партнёром в силу наличия на его территории крупнейшей уйгурской диаспоры. В 1990-х годах генеральная прокуратура республики Казахстан признала деятельность радикальных уйгурских организаций незаконной, включая организацию «Исламская партия Восточного Туркестана». В дальнейшем она была включена в перечень зарубежных террористических и экстремистских организаций, запрещённых на территории Казахстана на основании решения Верховного Суда РК от 15 октября 2004 года [247]. Также были запрещены связанные с ней структуры и печатные издания, в том числе газеты «Голос Восточного Туркестана» и «Уйгурстан». Одновременно казахстанские власти приняли меры по ужесточению миграционного контроля, включая выселение градан КНР уйгурского происхождения, которые находились не территории республики без надлежащих документов. Эти шаги отражали сближение позиций РК и КНР в сфере обеспечения региональной безопасности [248].

Кыргызстан, следуя логике обеспечения внутренней и внешней безопасности, также запретил регистрацию политических движений, поддерживающих сепаратизм. В 1990-2000-хгодах власти ввели ограничения на проведение массовых протестов и акций представителями уйгурской общины в Синьцзяне [249].

Узбекская община, несмотря на малочисленную уйгурскую диаспору, предпринял меры по недопущению распространения сепаратисткой деятельности и активно сотрудничал с Китаем. Показательным примером такого взаимодействия стало задержание узбекскими спецслужбами в марте 2006 года и начало экстрадиции Кашгара Хусейнджана Джелили в Китай. Хусейнджан Джелили прибыл из Канады и был обоснованно осуждён китайскими СМИ за участие в уйгурском сепаратистском движении в середине 1990-х годов [250].

В ответ Китай предпринял комплекс дипломатических шагов, направленных на институализацию сотрудничества с центральноазиатскими странами. Казахстан и Кыргызстан стали ключевыми партнёрами в борьбе с трансграничным терроризмом, ограничив деятельность уйгурских радикальных организаций на своей территории [251].

Тем не менее, чисто силовые и правовые меры не устраняли коренные причины нестабильности в СУАР. Низкий уровень социально-экономического развития и ограниченность участия местного населения в региональных проектах продолжают порождать недовольство, В этой связи Пекин стремится интегрировать СУАР в инициативу «Один пояс, один путь», создавая экономические коридоры через Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан, что должно способствовать развитию региона и снижению социальной напряжённости.

В начале 1990-х годах ключевым инструментами политики КНР ЦА становится торгово-экономическое сотрудничество, что позволило Китаю быстро расширить своё взаимодействие с каждой страной Центральной Азии на двусторонней основе . Этот ранний период был связан не столько грандиозными геополитическими амбициями, сколько с укреплением региональной стабильности и укреплением экономических связей, которые могли бы способствовать внутреннему развитию Китая.

Экономическое и торговое соглашение между Китаем и Казахстаном от 1991 года заложило основу для двустороннего экономического сотрудничества после обретения Казахстаном независимости [252]. В нем подчёркивались принципы равенства, взаимной выгоды и режима наибольшего благоприятствования в торговле и таможне. Соглашение также поощряло инвестиции, создание совместных предприятий и регулярные консультации для поддержки долгосрочного экономического развития.

Постановление Кабинета Министров Республики Казахстан (2 марта 1992 года) №175 об открытии представительства Министерства внешнеэкономических связей Казахстана в Урумчи и представительства Синьцзянской компании по международному экономическому сотрудничеству в Алматы (в то время именуемой, как Алма-Ата) [253] стало одним из первых шагов институционализации казахстанско-китайского взаимодействия после

распада СССР. Этот акт закрепил курс на развитие прямых экономических связей с Синьцзян-Уйгурским автономным районом КНР и отражал стремление Казахстана укрепить взаимовыгодное сотрудничество, способствующее развитию торговли, инвестициям и приграничному взаимодействую. Так, были заложены основы для реализации более масштабных инициатив Китая в Евразии.

Совместное заявление КНР и РК о дальнейшем укреплении всестороннего сотрудничества в XXI веке (Пекин, 23 ноября 1999 г.) подтвердило приверженность сторон принципам взаимного уважения, равенства и невмешательства во внутренние дела как фундамент двусторонних отношений [254]. В документе подчёркивается стратегическая значимость сотрудничества в ряде ключевых сфер, включая демаркацию государственных границ, энергетику, торговлю, транспорт, охрану окружающей среды и противодействие транснациональным угрозам. Отдельное внимание было уделено поддержке формированию и развитию устойчивых региональных связей.

В этой логике первоначальная политика Китая была ориентирована, прежде всего, на развитие торгово-экономического партнёрства с другими государствами, что рассматривалось Пекином, как важный инструмент ускорения социально-экономического развития западных регионов страны.

2.2 Институционализация региональной безопасности и сотрудничества: от «Шанхайской пятерки» к ШОС

Роль формата 4+1 и Шанхайской пятёрки в обеспечении транзитной и приграничной безопасности КНР

Вместе с тем реализация торгово-экономической стратегии Китая в Центральной Азии была невозможна без формирования устойчивой и предсказуемой среды безопасности вдоль западных границ. Это обусловило необходимость институционализации механизмов региональной и приграничной безопасности, что стало следующим этапом политики КНР в регионе.

После обретения независимости Центральной Азии быстро стали новым направлением китайской дипломатии. В ходе пограничных переговоров Китай пошёл на отказ от части своих исторических требований, чтобы установить прочные отношения со своими соседями и заложить основу для будущего долгосрочного сотрудничества.

В сфере безопасности Пекин активно включился в формирование многосторонних механизмов взаимодействия, прежде всего, в «Шанхайской пятёрки», которая позже стала институциональной основой Шанхайской Организации Сотрудничества.

Сотрудничество со странами Центральной Азии и Россией по вопросам пограничной безопасности, укрепления доверия и военной транспарентности отражало прагматический подход Китая, ориентированный на достижение стабильности через диалог и институциональную координацию.

Используя данные механицизмы, Китай на первоначальном этапе своего присутствия в ЦА сделал акцент не столько на экономическом сотрудничестве,

сколько на формирование институциональной базы доверия и безопасности. Именно эта действия привели к формированию базы для углубления торгово-экономического, инфраструктурно - коммуникационного сотрудничества в регионе.

Вместе с тем устойчивость формирующейся системы безопасности напрямую завесила от урегулирования наиболее чувствительного вопроса, а именно западной сухопутной границы. В 1990-е годы Китай столкнулся серьёзной проблемой и возможностью: необходимостью пересмотреть всю свою западную сухопутную границу с четырьмя государствами ЦА.

Проблемы приграничной стабильности актуализировалась в связи с усилившимися волнениями в Синьцзяне и события на площади Тяньаньмэнь.

Демонстрации и вооружённые восстания усложнили процесс урегулирования территориальных споров с Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, что побудило Пекин к поиску компромиссных решений. В этой связи Китай пошёл на уступки по ряду пограничных вопросов в обмен на лояльность стран ЦА по уйгурскому вопросу.

Китай был объективно заинтересован в сотрудничестве с соседними странами с целью предотвращения распространения панисламских и пантюркистских идей, ограничения внешней поддержки сепаратистских движений в Синьцзяне и снижения трансграничных рисков безопасности.

Одновременно расширение приграничной торговли рассматривалось как часть более широкой социально-экономического развития, направленной на снижение этнической напряжённости и укрепления стабильности в западных регионах страны.

Вместе с тем реализация как экономической, так и экономической повестки была невозможна без урегулирования базовых вопросов территориального характера. Поэтому паз решение стали важной составляющей взаимоотношений КРН со странами ЦА. нерешённых пограничных вопросов. Столкнувшись с возобновлением внутренних беспорядков, руководство Китая как никогда ранее придавало большое значение стабильности и безопасности границ. Как отмечает профессор Массачусетского технологического института М. Тейлор Фрейвел, в документе Центрального комитета КПК о политике Китая в Синьцзяне содержалось прямое указание правительству обеспечить безопасность границы и использовать дипломатию, чтобы «убедить эти страны ограничить и ослабить деятельность сепаратистских сил на их границе» [255].

Для управления этим сложным геополитическим наследием Пекин инициировал новый дипломатический механизм, так называемый формат «4+1», в который вошли Россия, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан. Данный формат стал не просто процедурным инструментом, но и стратегическим решением, позволившим Китаю системно подойти к урегулированию проблем, унаследованных от «неравноправных договоров» XIX века и превратить свою центральноазиатскую границу из потенциальной зоны конфликта в коридор сотрудничества.

Хотя двусторонние соглашения, достигнутые в рамках формата 4+1, различались по конкретным территориальным результатам. С точки зрения Пекина эти соглашения можно рассматривать как успешные, так как обеспечивали снижение пограничной напряжённости и создавали основу для углубления регионального взаимодействия.

КНР-РК.

Современная китайско-казахская граница исторически основана на договорах XIX века между Российской империей и империей Цин, в первую очередь на Тарбагайском договоре или так называемой Чугучакском протоколе, также Улясухайском договоре (1870), которые определили общую линию границы [256]. Протокол ликвидировал систему двойной дани, ранее выплачиваемой казахами как Китаю, так и Российской Империи, что юридически закрепило вхождение земель Старшего жуза в состав Российской империи. В результате Китай официально отказался от претензий на казахские и киргизские территории. Таким образом, Тарбагайский договор стал основой современного направления казахско-китайской границы. Однако чёткая демаркация оставалась источником напряжённости, которой стали локальные вооружённые столкновения, подобные тем, что произошли к востоку от озера Жаланашколь в 1969 году. Как говорили свидетели данного события, главной причиной являлся спор о границе между Китаем и Советским Союзом. Обе стороны считали район Теректі, который находится в районе озера Жаланашколь своей территорией. В 1969 году китайская сторона намеренно нарушила границу и не смотря на предупреждения со советской стороны, начала копать окопы на спорной территории. Событие углубил кризис доверия между двумя странами и привёл к десятилетиям военной подготовки вдоль границы [257]. В 1999 году граница между Казахстаном и Китаем была полностью урегулирована, и спорная земля недалеко от Жаланашколя перешла в Китай [258].

После распада СССР Казахстан опирался на принцип международного права uti possidetis juris, согласно которому новообразованные государства, возникающие в результате деколонизации, сохраняют административные границы, которые существовали в колониальный период [259].

Распад СССР в 1991 году поставил перед КНР и новой независимой РК серьёзную задачу, необходимость трансформации унаследованной советско-китайской административной линии во взаимно признанную международную государственную границу.

Данный процесс, осуществлявшийся что подразумевало возникновение необходимости преобразования их об в мировом и поэтапном формате на протяжении 1990-х и начала 2000-х годов, стал одним из наиболее значимых примеров мирного урегулирования пограничных вопросов в Евразии после окончания холодной войны.

Разграничение границы было достигнуто благодаря последовательности взаимосвязанных соглашений, которые последовательно закрепили линию границы в правовом поле, а затем позволили осуществить практическое демаркирование на местности. Ключевым документом стало Соглашение между

Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан о китайско-казахстанской границе, подписанное 26 апреля 1994 года и вступившее в силу 11 сентября 1995 года. Данное соглашение юридически определило линию границы и создало основу для всех последующих соглашений, касающихся урегулирования вопроса о границе .

Последующие документы, подписанные 24 сентября 1997 года и 4 июля 1998 года [260], были посвящены техническим деталям и отдельным разделам и тем самым заложили основу для практического разграничения. Дополнительные соглашения уточнялись Законом Республики Казахстан № 352-1 от 24 марта 1999 года [261]. Данный процесс официально завершился Дополнительным соглашением от 10 мая 2002 года, которое выступило в качестве итогового протокола разграничения и официально урегулировало все оставшиеся вопросы. Протяжённость окончательно согласованной границы была установлена на уровне 1782,75 км. Соглашение было ратифицировано Законом Республики Казахстан № 469-II от 4 июля 2003 года [262]. Итоговое соглашение 1998 года с Казахстаном предусматривало почти равномерное распределение спорных земель: оно охватывало площадь приблизительно 2240 квадратных километров, тем самым создав прецедент для компромисса.

В совокупности эти соглашения показали постепенный, институционализированный и взаимоприемлемый характер урегулирования на границе между Китаем и Казахстаном. Завершение демаркации и окончательное согласование линии границы не только позволили снять одну из наиболее острых проблем двусторонних отношениях, но и сформировали устойчивую правовую и политическую основу для дальнейшего сотрудничества.

КНР-Кыргызстан. Процесс переговоров с Кыргызстаном оказался для Бишкека более чувствительным и политически спорным, чем аналогичные договорённости с другими центральноазиатскими государствами. Он завершился пограничным урегулированием, осуществлённым в период с 1999 по 2004 год. В конце 1990-х и в 2000-е годы вопрос делимитации и демаркации кыргызско-китайской границы стал источником политического кризиса в Кыргызстане.

Соглашения 1996 и 1999 годов предусматривали передачу Китаю примерно 12500 гектаров спорной территории в северо-восточной части страны, что вызвало резкую реакцию со стороны парламента. Депутаты утверждали, что документы были приняты с нарушением закона. Например, соглашение 1996 года было ратифицировано без рассмотрения карт [12], тогда как поправка 1999 года вообще не была вынесена на рассмотрение парламента [263]. В связи с этим парламент потребовал приостановить демаркацию и призвал президента Акаева отменить соглашения, утверждая, что без ратификации они не имеют юридической силы. Несмотря на это, правительство продолжило работы по демаркации, полагая решение парламента незаконным и рассматривая позицию законодательного органа как выходящую за пределы его полномочий. Кроме того, президент Акаев и министр иностранных дел Иманалиев подчёркивали, что достигнутые с КНР договорённости отвечают национальным интересам Кыргызстана, поскольку страна получила примерно 70 процентов спорной

территории и обеспечила юридически оформленную демаркацию границы [264, 265].

Эта ситуация вызвала публичные протесты и бойкот со стороны некоторых депутатов, что стало редким примером открытого противостояния между парламентом и президентом в Центральной Азии. Спор вокруг кыргызско-китайской границы высветил уязвимость парламентского контроля за решениями в сфере внешней политики и высокую чувствительность вопросов, связанных с территориальным суверенитетом в постсоветском Кыргызстане, которая одновременно стремилась сохранять внутреннюю стабильность и выстраивать стратегические отношения с Китаем. Тем не менее, в 2003 году, 2004 году и в 2008 году [266] были подписаны соглашения о сотрудничестве между Пограничной службой Кыргызской республики и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики.

КНР-Таджикистан. Переговорный процесс между Китаем и Таджикистаном оказался затяжным и сложным. В ходе обсуждений Пекин существенно сократил свои первоначальные исторические притязания с 28000 квадратных километров до окончательной передачи 1137 квадратных километров в рамках соглашения 2011 года. Этот шаг являлся прагматической уступкой со стороны Китая и был направлен на укрепление доверия и обеспечение политической лояльности Таджикистана.

Вместе с тем другие источники, например, доклад Фонда Джеймстаун, приводят цифру 1122 квадратных километров, что указывает на расхождения в публичных сообщениях [267].

Истоки пограничного спора восходят к договорам XIX века между Российской империей и империей Цин, в рамках которых границы отдельных территорий были определены недостаточно чётко. Процесс современного урегулирования, начавшийся сразу после распада Советского Союза, включал несколько этапов. Существенную роль сыграли два предварительных соглашения: договор 1999 года, закрепивший линию границы на перевале Узбель, и дополнительное соглашение, подписанное в 2002 году, которое определило границу на юге [268, 269].

Международный договор 2011 года завершил этот процесс, выступив в качестве правовой основы для ратификации и окончательного оформления ранее заключённых соглашений. В результате итогового урегулирования протяжённость границы Китая и Таджикистана составляет 494,4 километра, и она проходит через высокогорные Памирские горы.

В период с 1999 по 2002 год завершение процесса делимитации государственных границ между КНР и тремя среднеазиатскими республиками – Казахстаном, Кыргызстаном и Таджикистаном, ознаменовало собой качественный транзит к полноценной нормализации их двусторонних отношений. Данные территориальные уступки со стороны постсоветских государств имели двоякое значение. С одной стороны, дипломатическое урегулирование позволило окончательно ликвидировать застарелые очаги напряжённости, унаследованные от советско-китайского пограничного

противостояния. С другой стороны, кулуарный характер соглашений обнажил глубокий внутренний раскол в самих центральноазиатских обществах: прагматизм правящих элит вошёл в жёсткое противоречие с ростом национал-патриотических настроений среди населения. Стремясь гарантировать региональную безопасность и рассчитывая на Пекин как на ключевого донора и внешнеполитического гаранта, режимы Центральной Азии пошли на сознательный территориальный компромисс. Этот шаг не просто скорректировал политическую карту постсоветского пространства, но и де-факто зафиксировал тектонический сдвиг в региональном балансе сил, закрепив за Китаем статус доминирующего геополитического актора.

Накопленный позитивный опыт двусторонних контактов с Пекином заложил фундамент для перехода центральноазиатских республик и КНР к системной, институциональной модели многостороннего партнёрства. Логическим продолжением этого процесса стало развёртывание диалоговой платформы в формате «4+1», ключевая миссия которой заключалась в делимитации государственных границ и выработке консолидированной стратегии противодействия региональным угрозам. Именно в рамках данной конфигурации Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан в 1996 году поддержали инициативу КНР по учреждению «Шанхайской пятёрки». Включение России в этот переговорный процесс придало объединению подлинно стратегический, трансрегиональный масштаб, переориентировав его повестку на укрепление мер военного доверия и синхронизацию оборонных усилий.

В данном контексте модель «4+1» выполнила функцию транзитного механизма, позволившего участникам апробировать практики коллективного взаимодействия в сфере безопасности. Этот практический базис был институционально закреплён в 1996 году при создании «Шанхайской пятёрки», послужившей отправной точкой для последующей диверсификации многосторонних связей.

Следовательно, к исходу 1990-х годов деэскалация на границах и укрепление взаимного доверия перестали быть единственными доминантами взаимодействия. Повестка дня закономерно эволюционировала в сторону комплексного политико-экономического сотрудничества, что предопределило качественную трансформацию самого формата. В условиях постоянных вызовов постсоветского периода таких, как нерешённые территориальные споры, межэтнические трения, а также экспансия религиозного экстремизма и трансграничного терроризма, регион остро нуждался в устойчивой архитектуре координации. Именно этой институциональной опорой и стали многоуровневые структуры «Шанхайской пятёрки».

«Шанхайская пятёрка» стала важным инструментом предотвращения потенциальных кризисов и обеспечения стабильности на обширном участке общей границы, протяжённость которого превышает 7000 километров [270].

Логическим продолжением задачи безопасности стало формирование конкретной повестки деятельности Шанхайской пятёрки, которая выходила за рамки исключительно пограничных вопросов. В центр внимания были включены

новые вызовы региональной безопасности, такие как этнический сепаратизм, религиозный сепаратизм, терроризм и транснациональная преступность.

Таким образом, формат взаимодействия эволюционировал от инструмента урегулирования последствий холодной войны к более комплексной платформе координации политики в области безопасности.

Данный механизм базировался на ряде документов таких, как Соглашение между Россией, Казахстаном, Кыргызстаном, Таджикистаном и Китаем об укреплении доверия в военной области в приграничной зоне, подписанное в Шанхае 1996 году и Соглашение между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооружённых сил в районе границы, подписанный в Москве в 1997 году, закрепили обязательства сторон избегать военного превосходства и развивать сотрудничество на основе принципов добрососедства и взаимного уважения.

Стороны также договорились о расширении практического взаимодействия в борьбе с нетрадиционными угрозами безопасности, включая этнический сепаратизм, религиозный экстремизм, терроризм, а также незаконный оборот оружия, контрабанды наркотиков, нелегальный миграция и другая преступная деятельность. Участники выступали за активное участие в реализации договорённостей, достигнутых в Бишкекском заявлении глав государств Китая, Казахстан, Кыргызстан, Россия и Таджикистан 25 августа 1999 года.

Данная трансформация отражала восприятие угроз в регионе и объективную потребность участников в эффективном механизме сотрудничества, впоследствии реализованной в Шанхайской Организации Сотрудничества, устойчивой платформы для взаимодействия Китая и стран Центральной Азии [70, с.349].

Пограничные споры сыграли ключевую роль в формировании и институционализации формата «Шанхайской пятёрки». Они стали не только источником напряжённости, но и стимулом для налаживания диалога, направленного на создание «пояса стабильности» вдоль общих границ. Для Китая урегулирование сухопутных границ в Центральной Азии имело стратегическое значение, поскольку стабильность Синьцзяна напрямую зависела от добрососедских отношений с западными соседями. В этом контексте китайский подход к пограничным вопросам демонстрировал приверженность мирному урегулированию и был тесно связан с позиционированием себя на международной арене.

Формирование «Шанхайской пятёрки» органично вписывалось в геополитические реалии 1990-х годов, и было ответом на изменения в системе международных отношений в постбиполярном мире. В ответ на формирующийся однополярную систему международных отношений. Россия и Китай стремились к балансу западного влияния и продвижению многополярной модели международных отношений.

В данном контексте многосторонние механизмы «Шанхайской пятерки» позиционировались государствами-участниками как сбалансированная и

жизнеспособная модель межгосударственного диалога. Интеграционным стимулом здесь выступила не жёсткая идеологическая доктрина или политическая платформа, а конъюнктурное совпадение прагматических интересов. Страны сближали общее неприятие концепции однополярного мира, критика практики гуманитарных интервенций, а также консолидированная оценка транснациональных вызовов, сформулированных в триаде угроз: терроризм, религиозный экстремизм и сепаратизм. Как подчеркивает исследователь Дж. Макафи: «Институциональный фундамент «Шанхайской пятёрки» изначально носил парадоксальный характер, базируясь на механизмах «взаимного доверия в отсутствие сформированной коллективной идентичности» [70, с.353-354].

Вектор на создание объединения стал значимым этапом в конструировании полицентричной архитектуры международных отношений. Геополитический потенциал этого формата выражался в способности не западных центров силы консолидироваться на платформе компромиссного согласования оборонных приоритетов и стратегического противодействия гегемонии единственной сверхдержавы. Успешная апробация этих функциональных, пусть и локальных, практик доверия сформировала необходимый базис для последующего развертывания Шанхайской организации сотрудничества (ШОС), унаследовавшей и развившей ключевые принципы многополярного мироустройства.

Альтернативный ответ на системные вызовы однополярности реализовывался на нескольких уровнях, отражая не всегда совпадающие, но взаимодополняющие устремления участников.

Например, для Российской Федерации новый формат послужил эффективным инструментом репозиционирования в качестве самостоятельного центра силы и удержания позиций в традиционной сфере влияния на центральноазиатском пространстве. Участие в «Пятёрке» позволило Москве продемонстрировать альтернативные евроатлантическим подходы к региональной безопасности, попутно закрепив своё институциональное присутствие в регионе.

Для Китайской Народной Республики значение объединения трудно переоценить. В условиях реализации внешнеполитической доктрины «мирного возвышения» и одновременного усиления позиций США в Азиатско-Тихоокеанском регионе, данный формат гарантировал Китаю стабильность на его западных рубежах. Мирное урегулирование приграничных споров минимизировало риски дестабилизации Синьцзян-Уйгурского автономного района (СУАР) и создало условия для планомерного проецирования китайского экономического и политического влияния на сопредельные территории. Со временем Пекин совместно с Москвой перехватил инициативу по определению стратегических ориентиров развития данного формата.

Для центральноазиатских республик партнёрство, а рамках «Пятёрки» также имело сугубо прикладное значение. Казахстан рассматривал платформу как инструмент реализации курса многовекторной дипломатии и формализации

паритетных отношений со своими ключевыми соседями – Россией и Китаем. Это позволило Астане купировать риски трансграничной нестабильности, не жертвуя при этом стратегической автономией. Кыргызстан, будучи уязвимым в экономическом и оборонном плане, использовал членство как ресурс для компенсации дефицита безопасности и привлечения внешней дипломатической и финансовой поддержки. Для Таджикистана, переживавшего сложный этап постконфликтной реабилитации после разрушительной гражданской войны 1992-1997 годов, «Пятёрка» послужила ключевым каналом реинтеграции в региональные политические процессы и восстановления международной легитимности.

Особую позицию занимал Узбекистан, изначально дистанцировавшийся от деятельности «Шанхайской пятёрки». Внешнеполитический курс Ташкента на раннем этапе определялся стремлением сохранить абсолютный суверенитет, из-за чего любые наднациональные интеграционные проекты воспринимались им как фактор ограничения государственной независимости. Однако эскалация религиозного экстремизма и обострение проблем трансграничной безопасности на исходе 1990-х годов вынудили узбекское руководство скорректировать подходы. Присоединение к многостороннему диалогу позволило Ташкенту скоординировать контртеррористические усилия и получить международные гарантии безопасности без прямого вступления в жёсткие военно-политические союзы. Именно прагматическая эволюция позиции Узбекистана катализировала сближение страны с «Пятёркой», предопределив её последующее переформатирование в ШОС.

Таким образом, «Шанхайская пятёрка» стала уникальной переговорной площадкой для гармонизации интересов государств с несопоставимыми потенциалами и разнонаправленными внешнеполитическими приоритетами. Она не просто способствовала выработке мер военного доверия, но и превратилась в несущий элемент конструируемого евразийского центра силы.

Логическим итогом этой эволюции стало учреждение в 2001 году Шанхайской организации сотрудничества, институционализировавшей базовые принципы своей предшественницы такие, как суверенное равенство, невмешательство во внутренние дела и консенсусное принятие решений. Данный транзит отражал объективную потребность в более жёсткой формализации регионального сотрудничества. Системообразующая доктрина новой организации – это «шанхайский дух», которая сделала акцент на взаимном доверии и равноправии [271].

Конкретные институциональные реформы и векторы развития подобных международных структур во многом зависят от организационных предпочтений и суверенных интересов государств-основателей. Переход от гибкой диалоговой платформы к полноценному международному институту позволил укрепить рамки коллективной безопасности, расширить интеграционную повестку и выстроить многоуровневые каналы связи между Центральной Азией и Азиатско-Тихоокеанским регионом.

В ретроспективе эволюция китайской стратегии в Центральной Азии в течение 1990-х годов наглядно иллюстрирует, что именно деэскалация пограничных споров и имплементация мер доверия послужили отправной точкой для масштабного институционального расширения влияния Пекина в Евразии. КНР успешно применила комбинацию дипломатических компромиссов, механизмов укрепления доверия и прагматичной оборонной политики для стабилизации Синьцзяна и трансформации регионального окружения в комплиментарную для себя среду. Использование формата «4+1» с последующим переходом к «Шанхайской пятерке» позволило Китаю диверсифицировать свой инструментарий, перейдя от двухсторонних переговоров к комплексной архитектуре многосторонней безопасности, в рамках которой Центральная Азия превратилась из зоны пограничной неопределённости в предсказуемый транзитный коридор сотрудничества.

Для центральноазиатских столиц данные договоренности стали не только способом окончательной международно-правовой фиксации границ, но и действенным ресурсом для укрепления государственного суверенитета на этапе раннего транзита. Несмотря на внутренние дискуссии по территориальным уступкам, Казахстан, Кыргызстан и Таджикистан предпочли стратегию дипломатического реализма, обменяв юридическое закрепление границ на внешние гарантии безопасности и стратегическое партнерство с КНР. 1990-е годы стали критическим рубежом, на котором баланс между императивами национальной безопасности, защитой суверенитета и региональным институциональным строительством предопределил весь последующий каркас китайско-центральноазиатских отношений.

Именно на этом фундаменте, сочетающем нерушимость демаркированных границ, общность в восприятии угроз, институциональные механизмы доверия и приверженность идее многополярности, сформировалась качественно новая региональная структура. Она смогла выйти за узкие рамки урегулирования территориальных разногласий и охватить практически все ключевые сферы многостороннего взаимодействия, став закономерным предвестником создания стабильной и дееспособной международной организации – ШОС.

ШОС – институализация регионального сотрудничества

Преобразование «Шанхайской пятёрки» в Шанхайскую организацию сотрудничества (ШОС) в 2001 году стало важной вехой в институционализации регионального взаимодействия в Евразии. Хотя исходный формат был ориентирован главным образом на снижение напряженности вдоль границ и разработку мер укрепления доверия, создание ШОС ознаменовало качественное расширение региональной повестки и необходимость перейти к более формализованному, интегрированному механизму сотрудничества.

Данный переход был обусловлен совокупностью факторов. Во-первых, усилением транснациональных угроз безопасности, включая терроризм, религиозный экстремизм и сепаратизм. Во-вторых, возрастанием роли Китая в центральноазиатской политике, что стимулировало формирование институциональной платформы для управления растущим присутствием КНР в

многостороннем формате. В-третьих, стремлением государств ЦА получить дополнительные многосторонние гарантии безопасности и снижение зависимости от двусторонних договорённостей.

В результате ШОС представлял собой комплексный механизм, который сочетал политические, военные, экономические и гуманитарные измерения сотрудничества. Таким образом, переход от Шанхайской пятёрки к Шанхайской Организации Сотрудничества означало переход от узкоспециализированного формата к многофункциональной региональной организации. ШОС должна была обеспечить устойчивость евразийского пространства в условиях меняющейся геополитики.

ШОС стала первым международным институтом на постсоветском пространстве Евразии, в котором Китай выступил не в качестве пассивного участника, а в качестве соучредителя и полноправного архитектора региональной структуры. Это придало организации стратегическое значение: она стала одновременно инструментом стабилизации западных границ Китая, каналом распространения китайской дипломатической активности и платформой, на которой государства Центральной Азии смогли сбалансировать интересы крупных держав. Таким образом, переход от «пятёрки» к ШОС отразил системное усложнение политики Китая в регионе и ознаменовал начало нового этапа в его институциональном развитии.

Политика Китая в отношении Центральной Азии была двусторонней и очень успешной в региональном плане. Как отмечалось выше, одним из факторов китайской политики является стремление к развитию своих западных регионов, которые менее развиты, и есть опасения, что на стабильность Центральной Азии могут повлиять её этнические группы из-за ее близости и границ. Для КНР мирное развитие пяти республик в Центральной Азии напрямую связано с проблемой сохранения стабильности Китая в Синьцзяне. В аспекте предотвращения нестабильности важную роль отводится ШОС, которая делает упор на региональную безопасность Китая и открывает для него широкое поле деятельности, а не только в международном политическом плане.

Шанхайская организация сотрудничества стала первым институционализированным механизмом регионального сотрудничества, который позволил Китаю консолидировать своё присутствие в Центральной Азии в легитимной и формально равноправной многосторонней форме. Для Пекина ШОС стала оптимальным инструментом для решения ключевых задач начального этапа его региональной стратегии: обеспечения безопасности западных границ, нейтрализации угрозы трансграничного экстремизма и стабилизации Синьцзян-Уйгурского автономного района. Многосторонний формат, основанный на консенсусе и принципе «не противостояния» между крупными державами, дал Китаю возможность расширить своё политическое и экономическое влияние без открытой конфронтации с Россией, которая традиционно рассматривает Центральную Азию как пространство своих исторических интересов.

Таким образом, ШОС создала институциональную архитектуру, в рамках которой Китай смог не только легитимизировать своё участие в делах региона, но и постепенно перейти от преимущественно оборонительных целей к формированию более амбициозной евразийской повестки дня, интегрирующей безопасность, транзит и экономическое развитие в единую платформу сотрудничества, для поэтапного расширения своего стратегического присутствия в Центральной Азии.

Роль стран Центральной Азии в повестке дня ШОС значительна и многогранна. Казахстан занимает в ШОС особое положение, как наиболее развитое экономическое государство региона и ключевой транзитный узел между Россией, Китаем и европейским направлением. Для Астаны членство в Организации, прежде всего, стало важным элементом реализации многовекторной внешней политики. ШОС также позволял сбалансировать отношения с ведущими державами в рамках института. Казахстан активно участвует не только в реализации, но и формировании повестки дня Организации в вопросах безопасности, экономики, логистики. В целом Астана выступает за региональную связанность ЦА в том числе и через участие в ШОС.

Кыргызстан рассматривает ШОС как возможность обеспечения национальной и региональной безопасности. В условиях ограниченных ресурсов и внешних рисков для Бишкека были очень важны механизмы коллективной безопасности, которые позволяли компенсировать дефицит собственных силовых возможностей. Не менее важным было получить инвестиции для развития экономики и инфраструктуры. Как и другие региональные государства Кыргызстан был заинтересован не в наднациональном, а межгосударственном сотрудничестве в рамках ШОС.

Таджикистан использует ШОС для внутренней стабилизации и международной легитимации. После гражданской войны 1992-1997 годов Душанбе стремился через Организацию участвовать в региональных процессах безопасности, особенно с учётом необходимости борьбы с терроризмом и экстремизмом на границе с Афганистаном. Членство в ШОС также даёт Таджикистану возможность получить доступ к инвестиционным и инфраструктурным проектам.

Узбекистан занимает особое положение в рамках ШОС, что связано с его традиционной позицией по стратегической автономии. Ташкент присоединился к ШОС, исходя из своих геополитических интересов (Афганистан, Ферганская долина) и внутриполитических приоритетов. При этом членство Узбекистан в Организации расширило внешнеэкономические возможности страны, не требуя его вступления в формальные военно-политические союзы. Географическое положение страны дополнительно усилило её значимость как транзитного узла, тем самым повышая её роль в транспортной повестке ШОС.

Таким образом, для государств Центральной Азии ШОС стала не только механизмом коллективной безопасности, но и институциональной платформой для реализации национальных стратегий развития. Несмотря на различия в национальных стратегиях и возможностях, участие в организации позволило им

повысить предсказуемость региональной среды, укрепить суверенитет и включиться в более широкие евразийские процессы.

Членство стран региона в ШОС создаёт не только возможности, но и ограничения, которые, прежде всего, связаны с асимметрий потенциалов между государствами-членами. Экономическое и политическое доминирование Китая и России создаёт риск смещения повестки Организации в строну интересов ведущих государств. В экономической сфере асимметрия может проявляться/ проявляется в усилении зависимости от внешнего финансирования, что приводит к ограничению влияния стран ЦА на распределение выгод от многосторонних проектов. Отсутствие наднациональных механизмов приводят к недостаточной эффективности координации, что делает реализацию инициатив зависимой от политической воли отдельных государств.

Таким образом, членство с в ШОС для центральноазиатских стран представляет двойственный процесс. С одной стороны, оно расширяет пространство безопасности и экономического взаимодействия. С другой, требует минимизации рисков зависимости и асимметрии.

Именно в логике балансирования государства ЦА формируют свои стратегии участия в ШОС, а именно использовать институциональные возможности Организации с целью достижения своих национальных интересов.

В практическом плане это выражается в т.н. избирательной модели участия, при которой страны подключаются к тем направлениям деятельности ШОС, отвечающим приоритетам и возможностям.

В целом, участие стран ЦА в ШОС создало для Китая позитивную среду для расширения своей политики в регионе. Центральноазиатские государства воспринимали сотрудничество с КНР позитивно, что позволило Пекину постепенно укрепить доверие наладить устойчивые механизмы взаимодействия. Именно через ШОС стал тем

Именно через механизмы Шанхайской организации сотрудничества Китай смог легитимно войти в традиционную зону влияния России в Центральной Азии. Формат ШОС позволил Пекину избежать прямой конкуренции с Москвой и представить своё расширяющееся присутствие, как элемент многостороннего регионального сотрудничества.

Для России Организация стала не только возможностью сохранить сое влияние в регионе, но и совместного сдерживания западного присутствия. Для Китая Организация стала институциональным входом в регион, в рамках которого он получил доступ к ресурсам, транзитному потенциалу, обеспечить безопасность без подрыва сложившегося в регионе баланса сил. Именно многосторонний характер ШОС позволил избежать конфронтации с РФ и представить Организацию, как элемент согласованного партнёрства.

Таким образом, в рамках ШОС было сформирована устойчивая модель «разделённых ролей», когда оба государства поделили ответственность: РФ за безопасность, КНР за экономику.

Институциональная основа на базе ШОС создала благоприятные условия для перехода Китая на к следующему этапу региональной стратегии. Закрепив

свое присутствие в Центральной Азии через многосторонние механизмы безопасности и доверия, Пекин получил возможность сместить акценты на более амбициозные и долгосрочные проекты логистики и инфраструктуры. ЦА рассматриваться не только как периферийное пространство, но и как ключевой транзитный узел, который связывает Восточную Азию, Ближний Восток, Европой и Южной Азией.

Инициатива Пояс и Путь стала качественно новым этапом политики КНР в Центральной Азии, так как сместила фокус китайской политики с безопасности и политического доверия в сторону долгосрочной взаимозависимости.

В политической и научной литературе Инициатива Пояс и Путь рассматривается как современное продолжение исторического Шёлкового Пути. Которое на протяжении тысячелетий соединяло Восточную Азию с Центральной Азией, Ближним Востоком и Европой.

Традиционно официальным открытием Великого Шёлкового Пути считается миссия Чжан Цяня в Западные регионы во время правления императора династии Хань Уди (141-87 гг. до н.э.). В 138 году до нашей эры император У послал Чжан Цяня заключить союз с Дайюэ Чжи для борьбы с хунну, могущественной федерацией кочевников, которая угрожала северным границам Китая. Дипломатическая миссия Чжан Цяня, который, вопреки десятилетнему пребыванию в плену у сюнну (хунну), сумел достичь Центральной Азии и доставить к императорскому двору уникальные сведения, послужила катализатором для дальнейшей территориальной экспансии империи Хань и интенсификации её контактов с государствами Западного края.

Этот исторический прецедент наглядно иллюстрирует фундаментальную политэкономическую закономерность: национальная безопасность и экономическое развитие находятся в состоянии жёсткой взаимозависимости. Исторический опыт последующих эпох – в частности, эпохи династии Сун – подтверждает, что даже беспрецедентный уровень технологического и хозяйственного прогресса не способен компенсировать дефицит оборонного потенциала государства. В то же время высокая мобилизационная способность и адаптивность сюнну в условиях жёсткого ресурсного дефицита во многом сопоставимы с милитаристской мобилизацией ресурсно зависимых государств Новейшего времени (например, Японии накануне и в период Второй мировой войны). Это подтверждает тезис о том, что нехватка базовых ресурсов часто выступает системным триггером экспансионистской внешней политики.

Тем не менее генезис взаимодействия Китая с его западными соседями уходит корнями в гораздо более глубокие исторические пласты, нежели эпоха Хань. Современные археологические открытия и критический анализ письменных памятников свидетельствуют о наличии трансрегиональных связей еще в доханьский период. Так, походы чжоуского Му-вана (976-922гг. до н.э.), зафиксированные в таких источниках, как «Му Тяньцзы чжуань» («Жизнеописание сына Неба Му») и «Ши цзи» («Исторические записки»), отражают ранний опыт освоения западных территорий, сочетавший военное присутствие с культурным обменом и коммерцией. Легендарный сюжет о встрече

Му-вана с Сиванму (Западной владычицей), несмотря на его мифологическую оболочку, символизирует устойчивые каналы ранней торговли, в рамках которой осуществлялся обмен китайского шёлка на продукты кочевого животноводства. Данные свидетельства позволяют предложить, что прообраз Великого Шёлкового пути начал формироваться почти за восемь веков до экспедиции Чжан Цяня [272].

Таким образом, если Чжан Цянь выступил в роли великого систематизатора и институционального строителя Шёлкового пути в эпоху Хань, то чжоуский Му-ван может по праву считаться его первопроходцем, заложившим основы межцивилизационного диалога. Данный многовековой процесс подготовил почву для явления, охарактеризованного в «Хань шу» («Истории династии Хань») как «открытие путей сообщения во Внутренней Азии», что в конечном итоге предопределило масштабы глобального экономического и культурного обмена между Востоком и Западом.

Более поздние события времён династий Восточная Хань и Тан, включая паломничество Сюань Цзана в Индию и расцвет караванной торговли, укрепили роль Шёлкового пути, как канала товаров, идей и технологий. Преемственность между этими историческими прецедентами и современной инициативой «Один пояс, один путь» демонстрирует долгосрочное видение Китая, направленное на содействие взаимосвязи и общему развитию Евразии. По сути, траектории короля Чжоу Му, императора династии Хань Уди и президента Си Цзиньпина сформировали символический континуум приверженности Китая объединению цивилизаций посредством торговли, дипломатии и сотрудничества.

Сам термин «Шёлковый путь» был введён немецким географом Фердинандом фон Рихтгофеном в конце XIX века, что отражает признание Европой этих трансконтинентальных обменов. Наряду с сухопутным маршрутом, также развивался Морской шёлковый путь, соединяющий южные порты Китая с Юго-Восточной Азией, Индией, Аравией и Африкой. Эта морская сеть достигла своего расцвета во времена династии Мин под руководством адмирала Чжэн Хэ, чьи семь экспедиций с 1405 по 1433 год связали более 30 азиатских и африканских регионов [273].

Опираясь на это историческое наследие, а также на изменения в глобальной экономике после глобального финансового кризиса 2008 года, Китай инициировал новый этап внешнеэкономической стратегии. На фоне замедления мировой торговли и роста потребности в инфраструктурных инициативах председатель КНР Си Цзиньпин впервые предложил Экономический пояс Шёлкового пути в Назарбаев Университете в Казахстане 7 сентября 2013 года, а вскоре после этого Морской шёлковый путь XIX века в парламенте Индонезии 3 октября 2013 года. Эти две инициативы вместе составили концептуальную и географическую основу, так называемой инициативы «Один пояс, один путь». Чтобы институализировать своё видение, 24 октября 2014 года Китай учредил Азиатский банк инфраструктурных инвестиций (АБИИ), а 9 ноября 2014 года учредил Фонд Шёлкового пути с первоначальным капиталом в 40 миллиардов

долларов США для финансирования проектов трансграничного взаимодействия и развития.

2.3 Инициатива «Пояс и Путь» как основа новой модели структурного партнерства Китая и Центральной Азии

Логическим продолжением институционального этапа региональной политики Китая в ЦА стал переход к более масштабной геоэкономической стратегии, направленной на структурное переустройство евразийского пространства.

Запуск инициативы «Один пояс, один путь» Председателем Си Цзиньпином в 2013 году ознаменовал собой новый и более активный и системный этап во внешней политике Китая в отношении Центральной Азии. Центральная Азия, расположенная во внутренних районах Евразии, была определена основным направлением внешней политики и первой нитью Экономического пояса Шёлкового пути, ключевым компонентом инициативы ИПП. Проект ИПП направлен на расширение связей за счёт масштабного развития инфраструктуры, включая автомобильные и железные дороги, а также энергетические трубопроводы, способствуя торгово-экономической интеграции между Китаем и республиками Центральной Азии и распространяясь на Европу и за её пределы. Эта инициатива рассматривается как практическая основа для укрепления новых международных отношений, характеризующихся открытыми и подвижными границами и альтернативной моделью экономической глобализации.

Инициатива «Пояс и путь» существенно расширила масштабы экономического присутствия Китая в регионе. В рамках инициативы реализуется 261 малый и крупномасштабный инфраструктурный проект в пяти республиках, направленный на развитие торговых связей, промышленности и инфраструктуры [183, с.145]. Инициатива также предоставляет Китаю доступ к богатым энергетическим ресурсам Центральной Азии, благодаря чему за два десятилетия была налажена полная отраслевая цепочка сотрудничества в области нефти и природного газа. Такие проекты, как Китайско-пакистанский экономический коридор (CPEC), флагманский проект ИПП, способствуют дальнейшей интеграции Центральной и Южной Азии в экономическую орбиту Китая.

Наряду с экономическими задачами Инициатива отражает и широкие геополитические и безопасностные интересы Китая. Развитие инфраструктуры экономических связей рассматривается Пекином как инструмент стабилизации и развития прилегающих регионов, в первую очередь Синьцзяна. В этом контексте ИПП дополняет меры в сфере безопасности, включая борьбу с терроризмом и усилия по предотвращению превращения Афганистана в убежище для уйгурских боевиков. Стратегическое участие Китая в Афганистане, особенно после вывода войск США, направлено на интеграцию страны в «Один пояс, один путь» в качестве жизненно важного связующего звена между Восточной, Центральной и Южной Азией, что способствует укреплению его экономического и геополитического влияния.

На фоне институционализации китайского присутствия в ЦА, усилилась и конкуренция между ведущими державами. В современный период Центральная Азия рассматривается как пространство пересечения стратегических интересов России, Китая и США. Соединённые Штаты развивают комплексную конкуренцию с КНР в политической, экономической и технологической сферах, стремясь сдержать китайское глобальное влияние в том числе и в рамках развития Инициативы Пояс и Путь.

Одновременно сохраняется и значимая роль России, которая рассматривает ЦА как сферу своего исторического влияния. Несмотря на то, что Москва и Пекин сталкиваются с пересечением интересов, в целом их взаимодействие в регионе носит скоординированный характер.

Активность проявляют и другие центры силы, как ЕС и Индия. Однако масштабы их экономического и политического присутствия пока уступает китайскому присутствию.

Именно в условиях конкуренции Китай перешёл к более активной и структурированной стратегии регионального присутствия, ключевым инструментом которого стала Инициатива «Пояс и путь». В отчие от других внешних акторов Китай сделал ставку на долгосрочное экономическое и инфраструктурное закрепление в регионе, превратив ЦА в один из оперных узлов своей евразийской геоэкономической архитектуры.

Таким образом, Инициатива Пояс и Путь стала ответом Китая на растущую конкуренцию в ЦА и одновременно механизмом усиления его стратегического через инвестиции, транспортные коридоры, энергетические проекты, финансовые инструменты.

Инициатива Пояс и Путь, рассматривается, как одна из наиболее масштабных и амбициозных платформ международного сотрудничества. В выступлении, посвящённом пятой годовщине ИПП в августе 2018 года [274], Си Цзиньпин охарактеризовал, что ИПП позиционируется, как «глобальное общественное благо» и механизм содействия открытой экономической глобализации, совершенствования системы мирового экономического управления и построения «сообщества единой судьбы человечества».

Инициатива стала практическим инструментом усиление присутствия КНР в ЦА, цель которой заключается в не только в использовании транзитного потенциала региона, но и включении центральноазиатских государств в торговые, производственные, логистические цепочки.

В рамках этого включения следует выделить несколько главных направлений.

Во-первых, развитие транспортных коридоров. ЦА рассматривается как стратегическое транзитное пространство между Азией и Европой. Маршруты, проходящие через Казахстан, Узбекистан и Кыргызстан повышают геоэкономическую значимость региона.

Во-вторых, энергетическая инфраструктура. Китай инвестирует в нефтегазовые трубопроводы, линии электропередач, гидроэнергетику, обеспечивая как энергетическую базу КНР, так и доходную базу государств ЦА.

Яркими примерами такого подхода можно отнести: газопровод в Туркменистане, а также ключевые энергетические проекты в Таджикистане и Кыргызстане.

В-третьих, логистика и индустриальные зоны. В регионе создаются сухие порты, специальные экономические зоны и приграничные хабы (например, «Хоргос»), которые становятся новыми центрами торговли и создают рабочие места. В Казахстане в рамках «Пояса и Пути» развиваются логистические кластеры в Астане, Алматы и Шымкенте, а также СЭЗ, нацеленные на переработку сырья, машиностроение и агропром. По сути, Китай переносит часть производств в принимающие страны, что стимулирует местную промышленность, снижает импортозависимость и дает региону новые вакансии.

В-четвертых, инвестиции и финансовое влияние. Проекты ИПП сопровождаются масштабными кредитами от китайских банков и фондов. Это укрепляет финансовые позиции КНР в Центральной Азии, но одновременно усиливает и кредитную зависимость стран региона от Пекина.

Китайское финансирование способствует развитие инфраструктуры стран региона и экономическому росту. В тоже время формируется долгосрочные финансовые обязательства повышает зависимость стран региона кредитов. В результате инвестиционное измерение ИПП становится фактором влияния КНР в ЦА.

Таким образом, Инициатива представляет собой геоэкономический этап китайской стратегии, направленной на закрепление Китая в ЦА. На этом этапе Пекин перешёл от логики «стабилизировать регион и выстроить доверие» к логике «структурно интегрировать регион в собственное евразийское экономическое пространство», превратив ЦА из зоны периферийной безопасности в ключевое звено своей евразийской экономической архитектуры.

Переход к структурному партнёрству Китая и Центральной Азии

ИПП сыграла ключевую роль в формировании качественно новой модели отношений между КНР и странами ЦА, которая изменила характер двусторонних отношений. В отличие от предыдущих моделей, основанных на двухсторонней дипломатии и многосторонних механизмах безопасности, Инициатива Пояс и Путь предложила комплексную и системную модель взаимодействия, охватывающую сразу несколько ключевых направлений. Она объединила развитие транспортной энергетической инфраструктуры, инвестиционное сотрудничество, промышленную кооперацию, транзитный потенциал и финансовые инструменты в единую стратегическую рамку, ориентированную на долгосрочную взаимозависимость между КНР и ЦА.

Реализация инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) способствовала качественной трансформации отношений между участниками, переведя их из плоскости фрагментированного секторального взаимодействия в формат многоуровневого стратегического партнерства. В рамках этой новой парадигмы центральноазиатский регион перестал восприниматься Пекином исключительно как сопредельная периферия, обретя статус системообразующего элемента евразийской геоэкономической архитектуры.

Во-первых, мегапроект КНР институционализировал инфраструктурную взаимозависимость между Китаем и государствами Центральной Азии, превратив последние в один из ключевых сухопутных мостов на евразийском пространстве. Регион стал несущим каркасом континентальных коридоров, которые выступили жизнеспособной альтернативной традиционным морским маршрутам и позволили существенно сократить временные издержки при доставке грузов из Китая в европейские страны.

Данный процесс сопровождался притоком масштабных китайских инвестиций в транспортно-логистический сектор сопредельных государств. В частности, финансирование направлялось на модернизацию железнодорожного полотна, расширение сети автомагистралей, обустройство пограничных терминалов и создание мульти-модальных логистических центров. Одним из наиболее репрезентативных проектов в этой сфере стал сухой порт «Хоргос» на казахстанско-китайской границе, эволюционировавший в крупнейший региональный транспортно-распределительный хаб. Сегодня «Хоргос» выполняет функцию центра консолидации транзитных контейнерных потоков на векторе Восток – Запад, одновременно стимулируя деловую активность, приток капитала и создание рабочих мест в приграничных районах.

Не менее важную роль играет интенсификация железнодорожных перевозок через территорию Казахстана. Речь идет о функционировании таких коридоров, как «Китай – Казахстан – Россия – Европа» и Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ), связывающий КНР с Южным Кавказом через Каспийское море. Освоение данных направлений позволило кардинально ускорить транзит и оптимизировать сроки оборачиваемости контейнерных грузов.

Параллельно с этим на южном фланге регионов – в Кыргызстане и Узбекистане, продвигаются проекты глубокой модернизации внутренней инфраструктуры. Ключевым событием здесь выступает планируемое строительство железнодорожной магистрали «Китай – Кыргызстан – Узбекистан» (ККУЖД), призванной связать западные провинции КНР с Ферганской долиной, а в долгосрочной перспективе, открыть прямой выход на рынки Ближнего Востока и Южной Европы. Для Бишкека и Ташкента запуск этой артерии означает реальную возможность диверсифицировать национальные экономики и кратно нарастить свой транзитный потенциал. Наряду с железнодорожным сообщением, сухопутная логистическая сеть ОПОП укрепляется за счёт развития автодорожной инфраструктуры, ярким примером которой выступает международный транзитный коридор «Западная Европа – Западный Китай».

В конечном итоге синергетический эффект от реализации указанных проектов позволил Центральной Азии преодолеть географическую замкнутость и трансформироваться из пассивного транзитера в активный и субъектный узел глобальных цепочек поставок, играющий стратегическую роль в современной международной логистике.

Одновременно это усилило взаимозависимость стран региона с Китаем. Все это привело к геоэкономической интеграции в рамках Инициативы.

Во-вторых, ИПП усилила энергетическое измерение отношений между КНР и ЦА. Это стал новый уровень, который имеет структурный и долгосрочный характер. Если ранее энергетическое сотрудничество носило преимущественно торговый характер (экспорт и импорт сырья), то в рамках ИПП оно трансформировалось в системную модель энергетической взаимозависимости, основанную на инфраструктуре, инвестициях, технологическом участии и совместном управлении проектам [275, 276].

ЦА постепенно превращается в один из ключевых источников энергетической безопасности Китая. Расширение газотранспортной системы Туркменистан-Китай позволило сформировать крупнейший сухопутный газовый коридор, по которому в КНР ежедневно поставляются десятки кубометров газа. С одной стороны, этот газопровод снизил зависимость Китая от морских поставок газа, а Туркменистану укрепить свой экспортный потенциал, а также стать одним из ключевых партнёров Китая.

В Казахстане ИПП способствовал углублению сотрудничества в нефтегазовом секторе. Такие китайские компании, как CNPC участвуют в разработке месторождений, строительство и эксплуатацию, включая магистраль Казахстан перерабатывающей промышленности. Китайские компании также участвуют в модернизации. В результате Казахстан становится не только поставщиком сырья, но и активным участником широкой цепочки энергетического взаимодействия, который охватывает добычу, транспортировку, переработку ресурсов.

В сфере энергетики в Таджикистане и Кыргызстане Китай выступает в качестве основного инвестора и кредитора. Финансирование и строительство гидроэлектростанций, энергетической инфраструктуры, включая проекты CFSF-1000 и региональных энергосетей, позволяет этим странам модернизировать энергетический сектор и повысить экспортный потенциал электроэнергии [277].

Таким образом, в рамках ИПП Китай перешёл от роли внешнего покупателя энергоресурсов к роли создателя системной энергетической инфраструктуры ЦА. В более широком смысле данный этап отражает переход от ресурсной модели взаимодействия к инвестиционно-инфраструктурной модели, где ЦА интегрируется к китайскую энергетическую систему, а энергетическое сотрудничество становится одной из главных составляющих новой модели отношении КНР и стран региона.

В-третьих, инициатива привела к углублению финансово-инвестиционного взаимодействия. ИПП сопровождается масштабным притоком китайского капитала в страны ЦА через государственные банки, как Банк развития Китая, Экспортно-Импортный Банк, Азиатский Банк развития. В результате Китай стал одним из ключевых источников финансирования, инфраструктурных, энергетических, промышленных проектов. Это сформировало новую модель экономического партнёрства, в которой Пекин является системообразующим инвестором, а центральноазиатские государства выступают его партнёрами.

В-четвертых, ИПП способствовала переходу от сырьевой торговли к индустриально-производственному сотрудничеству. В рамках Инициативы в ЦА начинают формироваться совместные промышленные зоны, технопарки и производственные кластеры, ориентированные на переработку сырья. Также развиваются и агропромышленные сектора, виды лёгкой промышленности и сборочное производство. Эти сдвиги означали переход к частичной локализации производства, что означает постепенный сдвиг от традиционной модели «сырье в обмен на товары» к модели к частичной локализации производства и технологического трансфера.

В -пятых, Инициатива предложила дипломатию прагматичного подхода к партнёрским отношениям. Важными принципами этой дипломатии является: невмешательство во внутренние дела, гибкости, добровольности участия, отсутствие политических условий. Данный подход делает китайскую модель партнёрства более привлекательной для стран ЦА в отличие от западных моделей.

В-шестых, Инициатива закрепила геополитическую переориентацию региона. Все ещё оставаясь в орбите российского влияния, Центральная Азия, в 2010-е гг. уже начала постепенно интегрироваться в китайско-евразийскую экономическую систему. Этому способствовало формирование новых транспортных маршрутов, финансовые и торговые цепочки и логистику.

Все это привело к тому, что Центральная Азия переходит от периферийного положения к роли активного транзитного и эконмического узла в Евразии.

Центральная Азия как элемент китайской модели евразийского развития

В 2010 годы Китай перешёл от политики, которая была сосредоточена на безопасности и стабильности в ЦА, к более широкой стратегии экономического присутствия в Евразии. Если на ранних этапах приоритетом политики КНР были защита границ, борьба с экстремизмом и укрепление сотрудничества через институционализацию партнёрства, как ШОС. Но с запуском ИПП Пекин начинает выстраивать долгосрочную модель экономического и инфраструктурного сотрудничества с регионом.

В основе этой модели лежат три ключевые идеи: взаимная выгода, совместное развитие, поддержка многополярного мира.

Во-первых, Пекин продвигает идею взаимной выгоды, что означает сотрудничество, которое должно приносить пользу всем участникам: для Китая (ресурсы, рынки, логистические маршруты), страны Центральной Азии (инвестиции, инфраструктура, доступ к торговым цепочкам).

Во-вторых, Инициатива опирается на концепцию совместного развития, согласно которой экономический рост должен быть инклюзивным и снижать разрыв между развивающимися и развитыми странами. В целом, ИПП следует рассматривать как мощный двигатель развития глобального Юга [206, с.456].

В- третьих, ИПП встроен в идею многополярного мира, где существует глобальное управление. Китай через Инициативу предлагает снизить зависимость от мировой экономики от западных институтов и предлагает

альтернативную модель глобализации, основанную на инвестициях в реальную экономику и инфраструктуру.

В рамках реализации данной модели Центральная Азия рассматривается Китаем не просто как соседний регион, а как стратегический тыл и главный сухопутный коридор, обеспечивающий устойчивость китайской экономики к геополитическим рискам на море.

Ключевыми инструментами в этой и модели являются: во-первых, инфраструктурная связанность. Центральная Азия занимает важное место в этой стратегии благодаря своему географическому и геополитическому расположению. Регион расположен на пересечении путей между Восточной Азией, Европой и Ближним Востоком и Южной Азией. Это делает ЦА ключевым сухопутным мостом в евразийской торговле. Именно через страны региона проходят основные транспортные коридоры ИПП. Сегодня Центральная Азия рассматривается Китаем как важный элемент китайской евразийской стратегии, обеспечивающий транспортную связанность, доступ к ресурсам, расширение рынков, укрепление экономического влияния Пекина. Китай активно инвестирует в строительство трансграничных железных дорог, таких как магистраль Китай-Кыргызстан-Узбекистан. Это позволяет превратить ЦА из «запертой сушей регион» в регион «связанной с сушей» или транзитный хаб, соединяющей рынки Восточной Азии с Европой и Ближним Востоком. Во-вторых, энергетическая безопасность в контексте встраивания ЦА в китайскую модель развития. Это многоуровневая стратегия, которая выходит за рамки простой торговли сырьём. Для Китая важен вопрос национальной выживаемости, для стран ЦА важен вопрос радикальной геополитической переориентации. Для Пекина энергетическая безопасность неразрывно связана с понятием энергетического тыла, где ликвидация «Малаккской дилеммы». Около 80% китайского экспорта нефти проходят через Малаккский пролив. В случае обострения отношений с США или другими региональными державами этот узкий морской путь может быть блокирован, сто может привести к большим проблемам китайской экономики. Поэтому ЦА представляется как наиболее безопасный сухопутный коридор. Встраивание региона в евразийскую модель превращает ЦА в «энергетический щит» КНР. В-третьих, модернизация переход Пекина от роли покупателя к роли активного акционера и технолога. Китайские корпорации CNPC и Sinopec инвестируют в разведку и добычу месторождений. Регион встраивается в создания стоимости.

Описываемая модель энергетического и инфраструктурного сопряжения превращает ЦА в важнейшую часть евразийской архитектуры. Однако роль региона в китайской стратегии невозможно рассматривать без контекста участия центральноазиатских стран в Инициативе Пояс и Путь. Для стран ЦА приоритетом является физическая связанность и безопасность поставок. Для Пекина ИПП представляется масштабным проектом по переустройству мирохозяйственных связей.

В качестве стратегических целей ИПП заявлены формирование новых международных отношений, основанных на равноправии и взаимном уважении,

содействие развитию глобальной торговли и инвестиций, укрепление транспортно-логистической взаимосвязанности, а также стимулирование инноваций и культурного обмена [207, с.60]. Дополнительно инициатива декларирует приверженность экологической устойчивости, целям Повестки дня ООН до 2030 года, развитию человеческого капитала и поддержке молодёжного предпринимательства.

Структурно ИПП объединяет два ключевых направления: Экономический пояс Шёлкового пути и Морской шёлковый путь XXI века. Прежде всего, что касается Экономического пояса Шёлкового пути, его стратегическое направление включает три важных маршрута: первый маршрут начинается на северо-западе и северо-востоке Китая, проходит через Центральную Азию и Россию и, наконец, достигает Европы и Балтийского региона; второй маршрут также начинается на северо-западе Китая, проходит через Центральную Азию и Западную Азию и выходит к Персидскому заливу и Средиземному морю; третий маршрут начинается на юго-западе Китая, проходит через полуостров Индокитай и, наконец, достигает Индийского океана.

При строительстве Морского Шёлкового пути в XXI веке были определены два основных направления: первый маршрут начинается от прибрежных портов Китая, проходит через Южно-Китайское море, пересекает Малаккский пролив, выходит в Индийский океан и, наконец, соединяется с Европой; второй маршрут начинается от прибрежных портов Китая, проходит через Южно-Китайское море и простирается до южной части Тихого океана.

В рамках этой инициативы были созданы «Шесть коридоров» – шесть основных коридоров международного экономического сотрудничества, включая Новый континентальный мост Азия – Европа, экономический коридор Китай – Монголия – Россия, экономический коридор Китай – Центральная Азия – Западная Азия, экономический коридор Китай – Индокитай, экономический коридор Китай – Пакистан и экономический коридор Бангладеш – Китай – Индия – Мьянма. Создание этих коридоров направлено на укрепление экономических связей и сотрудничества между регионами.

На институциональном уровне ИПП поддерживается рядом международных организаций. Как было отмечено в официальном государственном документе КНР «Белая книга» [17], Генеральная Ассамблея ООН дважды принимала резолюции, призывающие к углублению сотрудничества в рамках инициативы, а такие структуры, как Программа развития ООН, ЭСКАТО и ВОЗ заключили с Китаем соглашения о совместной реализации проектов.

В сфере торговли, инвестиций и финансового сотрудничества заявленный Китаем подход предусматривает меры по упрощению торговых процедур, созданию благоприятных условий для функционирования промышленных парков и зон свободной торговли, а также формированию платформы для совместного финансирования инфраструктурных проектов при участии институтов развития. Одновременно с этим официальный портал инициативы «Пояс и Путь» уделяет особое внимание межчеловеческим контактам, включая

культурные и образовательные обмены, научно-техническое сотрудничество, а также инициативы в сфере здравоохранения и борьбы с бедностью. Эти инициативы выступают в качестве ключевых инструментов для укрепления доверия и усиления социально-экономического эффекта проектов. Данные сферы официально увязаны с Целями ООН в области устойчивого развития на период до 2030 года и позиционируются как компоненты комплексной стратегии, призванной соединить материальные инвестиции с нематериальным взаимодействием между участниками инициативы.

В целом официальные документы представляют инициативу «Пояс и Путь» как комплексную стратегию, направленную на углубление международного сотрудничества и содействие формированию более взаимосвязанного и устойчивого мирового порядка. Ее концепция сочетает историческое наследие Великого шёлкового пути с современными задачами экономической глобализации, опираясь на принципы открытости, инклюзивности, взаимного уважения и взаимной выгоды.

Таким образом, ИПП в китайской интерпретации показывается не только как инфраструктурный проект, но и как универсальная платформа, способная содействовать экономическому росту, инновационному развитию и формированию сообщества единой судьбы.

Глобальная инициатива трансформирует субъектность ЦА, т.е. встраивание государств ЦА в китайскую модель евразийского развития ведёт к изменению их роли в международном разделении труда. Во-первых, это связано с переходом региона от замкнутости к связанности. Благодаря реализации сухопутных маршрутов экономического Шелкового Пути страны ЦА преодолевают географическую изоляцию и превращаются в критически важный сухопутный мост, который связывает Китай с Европой и Южной Азией. Центральноазиатские страны также получают альтернативные механизмы кредитования, как членство в Азиатском Банке инфраструктурных инвестиций (АБИИ). Новая повестка безопасности. Китайская модель предполагает, что безопасность обеспечивается через развитие. Пекин продвигает идею о том, что стабильность и экономическое процветание главные страховки от радикализма и революций. Для политических элит стран ЦА эти идеи также являются актуальными.

Таким образом, ЦА выступает не просто географическим звеном ИПП, а главным элементом китайской стратегии разворота на Запад. Для Пекина это важная часть евразийской политики, а для стран ЦА инструмент модернизации и выхода на глобальные рынки.

В тоже время, эта модель несёт серьёзные вызовы: асимметрия в отношениях, геополитические риски.

Таким образом, анализ двухсторонних отношений Китая со странами ЦА от становления двухсторонних связей до институционализации многостороннего сотрудничества в формате ШОС и ИПП позволяет прийтик следующим выводам. Во-первых, центральноазиатский вектор вырос из прагматической доктрины Ден Сяопина, как ориентация на долгосрочную перспективу, основное место в которой занимали отношения с Синьцзян уйгурским регионом. Во-вторых,

распад СССР и появление независимых государств ЦА изменили характер и масштаб присутствия КНР в ЦА. Для Пекина важным становится безопасность западных границ и борьба с сепаратизмом, терроризмом и религиозным экстремизмом, что нашло отражение в двухсторонних соглашениях с государствами региона. В-третьих, урегулирование границ через формат 4+1 и создание Шанхайской пятерки подготовили переход от узкого диалога по безопасности к полноценной международной организации. Преобразование пятерки в ШОС в 2001 г. стало качественным сдвигом: Китай впервые выступил соучредителем региональной архитектуры, легитимно вошел в традиционную сферу влияния России закрепил модель разделенных ролей или геополитического плюрализма, где Москва отвечала за безопасность, а Пекин за экономику. В-четвертых, запуск Инициативы Пояс и Путь и 2013 г. обозначил переход Китая от стабилизации и укрепления доверия к более тесному эконмическому взаимодействию с регионом. Развитие транспортных коридоров, энергетики, логистики, финансовых механизмов превратило ЦА из периферийной зоны безопасности в ключевой транзитный хаб, из региона landlock в landlink, из региона запертого сушей в транспортный мост между Восточной Европой и Азией.

Таким образом, каждый этап сотрудничества КНР со странами ЦА опирался на достижения предыдущего, что позволяло Пекину наращивать влияние в ЦА. Однако сложившаяся модель отношений имеет и свои вызовы, как асимметрия отношений, растущая кредитная зависимость стран региона от Китая и усиление конкуренции между РФ, КНР и США в ЦА.

3 СТРУКТУРНЫЕ ВЫЗОВЫ РАЗВИТИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ И ТРАНСФОРМАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ИНИЦИАТИВЫ «ПОЯС И ПУТЬ»

3.1 Транспортно-логистическая уязвимость региона и инфраструктурные решения в рамках Инициативы «Пояс и Путь»

Географическая изоляция и транспортно-логистическая уязвимость

Практическая имплементация теории связанности на пространстве Центральной Азии демонстрирует переход Китая от точечных инвестиций к системному решению фундаментальных региональных проблем.

Исторически главной структурной уязвимостью государств региона являлась их географическая изоляция и статус стран, не имеющих выхода к мировому океану (land-locked countries). Из-за транспортно-географической изоляции, без выхода к мировому океану страны Центральной Азии несут огромные логистические издержки. Отсутствие выхода к морю у стран Центральной Азии -не просто отсутствие береговой линии. Оно запускает цепочку взаимосвязанных экономических, логистических и геополитических механизмов, которые усугубляют друг друга, создавая структурный недостаток, который наносит гораздо больший ущерб, чем можно было бы предположить, исходя из простого расстояния до моря.

Как выглядит отсутствие выхода к морю, приводящее к экономическим потерям через фундаментальную причинно-следственную цепочку (Рисунок 1)

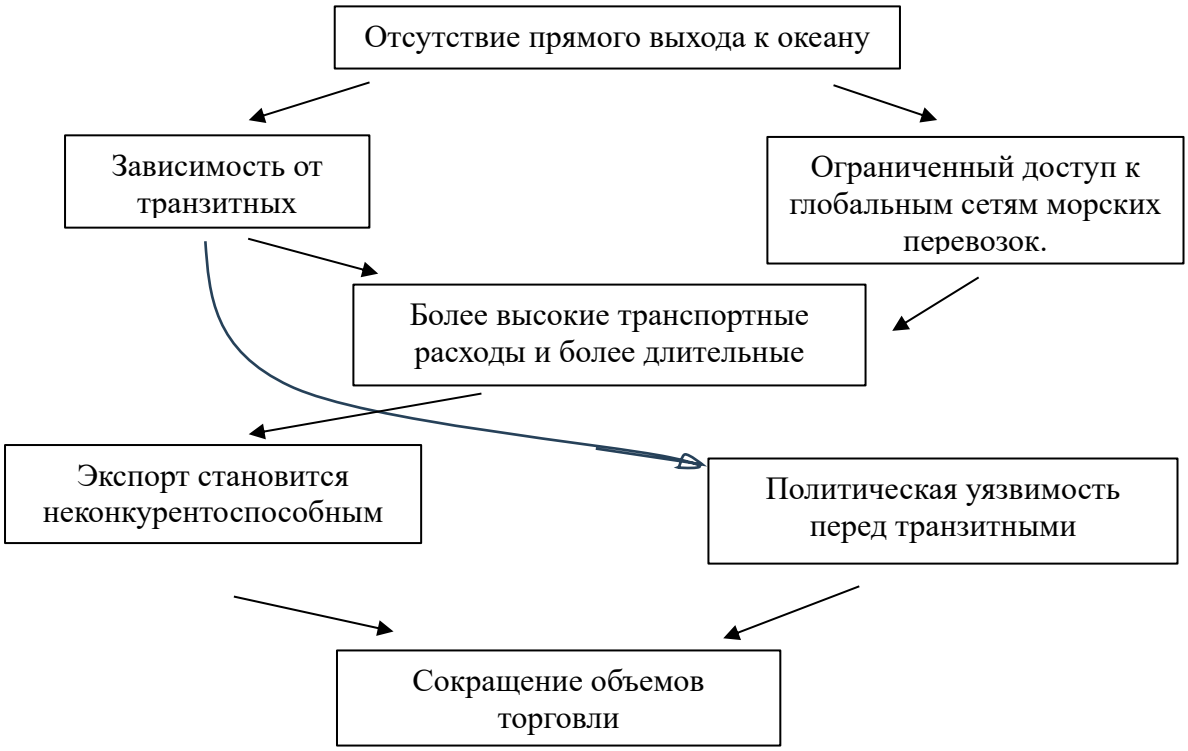

Рисунок 1- Основная причинно-следственная цепочка

1-шаг. Отсутствие выхода к океану приводит к транзитной зависимости. Все пять стран Центральной Азии не имеют прямого выхода к открытому океану. Узбекистан является дважды замкнутой страной, что означает, что любые товары, предназначенные для мировых рынков, должны пересечь как минимум одну государственную границу, прежде чем попадут в морской порт. Как показывается в работе Р. Помфрета такая географическая особенность делает эти страны структурно зависимыми от инфраструктуры и политической воли своих соседей [278].

2-шаг. Зависимость от транзита увеличивает расходы. При пересечении каждой границы возникают дополнительные расходы, связанные с таможенными процедурами, потенциальной коррупцией и задержками. В результате транспортные расходы развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, значительно выше, чем у прибрежных государств, что делает импорт более дорогим, а экспорт неконкурентоспособным на мировых рынках. Более 90% грузов между Китаем и Европой по-прежнему перевозятся морским транспортом, что подчёркивает экономическое преимущество морских маршрутов, к которым страны, не имеющие выхода к морю, не имеют прямого доступа. Но с 2020 года роль сухопутных маршрутов значительно возросло [279].

3-шаг. Снижение издержек сдерживает торговлю и экономический рост. Дополнительные издержки, связанные с отсутствием выхода к морю, выступают в качестве внешнего торгового барьера. Исследования развивающихся стран, не имеющих выхода к морю, показывают, что это географическое ограничение снижает показатели экспорта и экономический рост, даже после учёта других переменных [280]. Региональный анализ данных подтверждает, что отсутствие выхода к морю снижает уровень доходов. Этот эффект наблюдается не только между странами, но и внутри них: регионы, не имеющие выхода к морю, беднее прибрежных [281].

По причине изолированности от глобальных рынков такие страны как Узбекистан и Таджикистан исторически страдают от географического положения, не имеющего прямого доступа к морским путям. Географическая ограниченность Узбекистана, не имеющего выхода к морю, привела к тому, что дорожное сообщение стало важнейшим направлением сотрудничества между Узбекистаном и Китаем в рамках Инициативы «Пояс и Путь». Об этом свидетельствуют железнодорожная линия Ангрен - Пап и транспортный коридор «Китай – Кыргызстан – Узбекистан». Кроме того, Инициатива способствовала превращению Узбекистана из страны, не имеющей выхода к морю, в страну, связанную с морскими путями.

Недостаток инфраструктуры также усиливает начальное географическое неблагополучие и еще больше увеличивает издержки, и сдерживает торговлю. После обретения независимости Страны Центральной Азии столкнулись с серьёзной деградацией транспортных сетей. Инфраструктурный дефицит носит не только физический характер (дороги, железные дороги), но и институциональный: таможенные процедуры, управление границами и гармонизация нормативных актов остаются недостаточно развитыми.

Геополитическая уязвимость центральноазиатского региона предопределена его специфическим внутриконтинентальным (анклавным) положением и тотальной зависимостью от внешних транзитных артерий. Данная уязвимость не исчерпывается исторически сложившимся доминированием транспортных коридоров, проходящих по территории Российской Федерации, но усугубляется комплексом рисков на иных стратегических направлениях. Инициатива КНР «Один пояс, один путь» предлагает масштабную диверсификацию традиционных маршрутов, однако её практическое воплощение чревато формированием новой асимметричной зависимости. В частности, финансирование крупных инфраструктурных проектов, таких как проектируемая дорога «Китай – Кыргызстан – Узбекистан», сопряжено с высокой вероятностью долгового обременения стран-реципиентов. В сценарии дефолта по кредитным обязательствам возникает риск перехода ключевых объектов национальной транспортной инфраструктуры под фактический контроль Пекина, что позволит КНР использовать тарифное регулирование и квотирование перевозок в качестве действенных инструментов внешнеполитического давления.

Экзистенциальные риски, ассоциируемые как с российским, так и с китайским векторами, вынуждают государства Центральной Азии активировать поиск альтернативных выходов на глобальные рынки. В данной системе координат особое значение приобретает южное направление транзита.

Транспортный коридор через Исламскую Республику Иран, интегрированный в проект «Север – Юг» и обеспечивающий выход к глубоководным портам Чабахар и Бендер-Аббас, теоретически представляет собой кратчайший путь к Мировому океану. Тем не менее перманентная геополитическая напряжённость вокруг иранского ядерного досье и высокая вероятность наложения вторичных санкций со стороны государств Запада девальвируют коммерческую привлекательность этого маршрута для международных логистических операторов. В то же время афганский транзитный вектор, несмотря на лоббирование проекта Трансафганской железной дороги к пакистанским портам Карачи и Гвадар, остается зоной критической неопределённости. Фактор непризнания легитимности кабульского режима мировым сообществом, наряду с высокими рисками безопасности и активностью террористических группировок в приграничных районах, делает этот коридор заложником внутренней нестабильности. Данное обстоятельство требует от центральноазиатских элит гибкого лавирования между интересами Кабула, Исламабада и требованиями международных финансовых институтов.

В качестве наиболее жизнеспособной альтернативы, призванной минимизировать перечисленные геоэкономические риски, выступает Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ, или «Срединный коридор»), пролегающий через акваторию Каспийского моря, Азербайджан, Грузию и Турцию.Однако и здесь государства сталкиваются с необходимостью сложной координации тарифов и преодоления инфраструктурных ограничений Каспийского моря. Как отмечает в своём

интервью с политологом Д.Сатпаевым бывший председатель правления АО Казтрансинвест Е.Артыкбеков: «Например, серьёзной проблемой является изношенная железнодорожная инфраструктура, а также отсутствие в Казахстане паромного торгового флота. Хотя другая проблема заключается в том, что тот же Транскаспийский международный транспортный маршрут с участием Казахстана сейчас напоминает бутылочное горлышко, которое все ещё не способно переваривать большие экспортные объёмы товаров. В этой связи статус Казахстана как ключевого логистического моста между Востоком и Западом не является стабильной величиной: нарастающая конкуренция со стороны альтернативных коридоров и соседних игроков требует от Казахстана форсированной модернизации материально-технической базы» [282].

Подводя итог можно констатировать, что географическая изоляция стран ЦА выступает мощным сдерживающим фактором для их экономического роста Инфрастуктурный дефицит лишь усугубляет транзитную уязвимость региона. Современная карта транспортных коридоров отражает попытки центральноазиатских государств преодолеть эту изоляцию. Однако каждый из доступных путей несёт в себе критические вызовы. Так, китайское направление предлагает системную альтернативу, но сопряжено с рисками потери контроля над национальной инфраструктурой из-за долгового бремени.

Южные маршруты через Иран и Афганистан остаются заблокированными из-за геополитики, например риск вторичных санкций Запада и постоянных угроз безопасности. В свою очередь, Транскаспийский маршрут упирается в ограниченную пропускную способность портов и железных дорог, создавая эффект «бутылочного горлышка».

В результате транспортная связанность Центральной Азии переросла рамки обычной логистики. Сегодня это ключевой элемент национальной безопасности, где выбор маршрутов определяется не столько экономикой, сколько необходимостью лавировать между интересами мировых держав.

Транспортная связанность и преодоление внутриконтинентальной изоляции

Центральноазиатский регион представляет собой уникальное геополитическое пространство, чья глубокая континентальная изоляция исторически выступала одновременно и барьером для развития, и источником его транзитной значимости. Вынужденная анклавность формирует устойчивую макроэкономическую триаду ограничений, которую можно охарактеризовать как ловушку «расстояния, транзитных издержек и внешней зависимости». Логика этого процесса очевидна: отсутствие прямого выхода к Мировому океану порождает институциональную зависимость от государств- транзитеров, что неизбежно генерирует высокие транспортные издержки, влечёт за собой снижение объёмов внешней торговли и в конечном итоге искусственно ограничивает темпы национального экономического роста.

В эпоху расцвета Великого Шёлкового пути – в особенности в периоды относительной геополитической стабильности, ярким примером которой может служить феномен Pax Mongolica («Монгольского мира») – Центральная Азия

успешно преодолевала эти ограничения. Регион функционировал в качестве главного сухопутного моста трансконтинентальной торговли, связывавшего Восточную Азию, Ближний Восток и Европу, что позволило местным цивилизационным центрам извлекать значительную геоэкономическую ренту.

Однако в постмонгольский период данная конфигурация претерпела глубокий кризис. Деградация сухопутных евразийских маршрутов совпала с эпохой Великих географических открытий и тектоническим сдвигом глобального разделения труда в сторону морских коммуникаций, обладавших несравнимо большей пропускной способностью, экономической эффективностью и безопасностью. Данный транзит предопределил маргинализацию обширных внутриконтинентальных пространств Евразии, включая Центральную Азию, вытеснив их на периферию формирующейся капиталистической миросистемы.

Советский период развития лишь закрепил эту пространственную изоляцию. Модернизация транспортно-логистической сети региона осуществлялась в рамках жёсткой радикальной модели «центр – периферия», ориентированной на обеспечение потребностей союзного центра (Москвы), а внутри региональной кооперации. Подобная инфраструктурная асимметрия искусственно сдерживала экономическую связность республик, законсервировав их изолированность от внешних рынков вплоть до момента обретения суверенитета. После распада Советского Союза эти структурные диспропорции усугубились экономической раздробленностью, разрывом интегрированных цепочек поставок и появлением новых государственных границ [164].

Сдвиг парадигмы: физическое изменение логистической карты Евразии.

Инициатива Пояс и Путь, предложила физическое изменении логистической карты Евразии. Центральная Азия оказалась в географическом центре концепции, основная логика которой заключается в снижении трансграничных издержек за счёт масштабного строительства за счёт масштабного строительства инфраструктуры. Стратегическая задача превратить географический тупик в сухопутный транзитный узел, связав регион альтернативной целью каналов.

Мультимодальные системы, сочетающие железнодорожный, автомобильный и, в некоторых случаях, морской транспорт Каспийского моря имеют решающее значение, поскольку ни один отдельный вид транспорта не может эффективно преодолевать такие расстояния и преодолевать такой рельеф. Исследования показывают, что интегрированные мультимодальные перевозки сокращают сроки доставки и логистические издержки, частично компенсируя недостатки стран, не имеющих выхода к морю [283].

Таким образом, проблема географической изоляции исторически являлась главным барьером для интеграции Центральной Азии в глобальные производственно-сбытовые цепочки. В рамках реализации ИПП данный вызов трансформируется. Регион перестаёт восприниматься как «замкнутое пространство» и обретает статус ключевого сухопутного моста Евразии.

Для верификации процесса трансформации региона из замкнутого пространства сухопутный мост необходимо проанализировать

инфраструктурные проекты через систему индикаторов на трех уровнях: финансовую устойчивость, отраслевой специализации и институционального сопряжения.

В рамках оценки функционального разделения труда главным инструментом выступает анализ отраслевого распределения капитала. Мониторинг капиталовложений показывает в какие сектора национальной экономики направляются китайские инвестиции и кредиты и способствует ли это экономическому развитию страны. Центральноазиатские государства демонстрируют два сценария. Первый, горизонтальная связанность (преодоление изоляции), когда средства инвестируются в транспорт, логистику. Благодаря этому страна трансформируется в полноценный транзитный коридор. Второй сценарий -вертикальная интеграция (консервация изоляции), когда инвестиции концентрируются в добывающем секторе. В результате страна сохраняет роль сырьевого донора.

Развитие инфраструктуры по первому сценарию даёт мощный стимул для государств, не имеющих выхода к морю. Согласно исследованиям Гарсии-Эрроро и Сюя сокращение транспортных расходов на железнодорожные и морские перевозки в рамках ИПП генерируют неравномерный эконмический эффект [284]. Страны, не имеющие выхода к морю, получают максимальную значительную выгоду от развития транспортных коридоров. Используя количественную пространственную модель равновесия Баласса-Самуэльсона, Лал и Лебрэнд подтверждают, что снижение транспортных барьеров напрямую конвертируется в рост благосостояния. Однако этот выигрыш внутри региона распределяется неравномерно. К примеру, в процентах от ИПП, Казахстан: +1,8%, Кыргызстан +8,7%, Узбекистан +1,3% и Китай +0,4% [285].

Отраслевая специализация: три структурные модели преодоления изоляции

Однако экономический рост от удешевления перевозок не гарантируют того, что экономика страны меняется к лучшему. На практике китайские инвестиции создают для стран ЦА три разные экономические роли участия в ИПП.

Первое, модель ростовщик сырья (Туркменистан). Для Туркменистана данная инвестиционная модель решает проблему изоляции в узком, физическом смысле. Она создаёт физические и логистические связи с мировыми рынками через построенную Китаем трубопроводную инфраструктуру, обеспечивая глубоко залегающим запасам природного газа прямой доступ к основным потребительским рынкам. Однако она не решает более глубокую структурную проблему.

Ключевые проблемы представлены следующим. *Имитация развития.* Страна остаётся скорее придатком в сфере топлива, чем диверсифицированным участником региональной торговли, а трубопроводная модель обеспечивает связь без подлинной экономической трансформации. *Ловушка сравнительного преимущества.* Сравнительное преимущество страны в сфере углеводородов не используется в качестве трамплина для более широкой индустриализации, а, напротив, закрепляется в виде исключительной экспортной зависимости. *Фундаментальное противоречие*. С технической точки зрения создание

экспортных каналов устраняет географическую изолированность, одновременно это усиливает структурную уязвимость за счёт зависимости от сырьевых товаров. Инвестиции в добычу ресурсов в узком смысле уменьшают изолированность, но при этом углубляют одно- структурную экономическую модель, навязанную исторически географической изолированностью.

Вторая модель транзитный узел (Казахстан). Вторая наиболее значимая с географической точки зрения роль в рамках ИПП транзитный узел/логистический мост наиболее полно реализована в Казахстане, который вместо простого экспортёра ресурсов стал физическим стержнем, соединяющим Китай с Европой. *Инфраструктурная трансформация* проявилась в том, что инвестиции в железнодорожные и автомобильные дороги, в сухие порты превращают внутриконтинентальное/замкнутое пространство в главное транзитное преимущество. *Рост грузоперевозок*. Объем железнодорожных грузовых перевозок по маршрутам Китай-Европа и Китай-Центральная Азия действительно прошёл масштабную трансформацию, увеличившись с 1 702 отправлений в 2016 году до более 19 000 рейсов в 2024 году. В 2025 году эта сеть продолжила расширяться, превысив отметку в 20 000 поездов за год [286]. *Монетизация географии.* Инициатива сокращает временные и финансовые затраты на трансграничные перевозки, позволяя монетизировать географию Казахстана. По данным Главного таможенного управления КНР, двусторонний товарооборот между Казахстаном и Китаем в 2022 году действительно достиг $31,17 млрд. Рост взаимной торговли составил 23,6% по сравнению с предыдущим годом. Это отражает совокупные экономические выгоды от позиционирования РК в качестве транспортного узла. Данная модель позволяет Казахстану не только реализовать свой транзитный потенциал, но и создавать инфраструктуру, которой могут пользоваться и другие государства региона.

Третья модель платформа для индустриализации реализуется в Узбекистане. Третьей и наиболее перспективной с точки зрения структуры экономики ролью является функция платформы для индустриализации, которая все чаще ассоциируется с Узбекистаном. *Диверсификация капитала.* Китайские компании расширили своё присутствие в таких секторах, как строительство, производство потребительских товаров, сельское хозяйство и экологически чистая энергетика. *Рост бизнес-присутствия*. к концу 2025 года число китайских компаний (предприятий с китайским капиталом), работающих в Узбекистане, достигло 5044, впервые превысив число российских компаний [287]. *Макроэкономический эффект.* Узбекистан привлёк более 90 млрд долларов иностранных инвестиций, а его ВВП в 2024 году достиг примерно 115 млрд долларов, что отражает рост на 6,5 процента.

Эта траектория представляет собой качественно иную логику борьбы с изоляцией по сравнению с добывающей моделью. Вместо того чтобы позиционировать Узбекистан как транзитный канал или источник сырья, инвестиции в производство и цифровизацию интегрируют страну в производственную цепочку Китая в качестве участника, создающего добавленную стоимость. Указанный функциональный сдвиг смещает

экономический центр тяжести Узбекистана из плоскости инерционного экспорта сырьевых ресурсов в сферу высокотехнологичного производств. Данный процесс катализирует создание локальной добавленной стоимости, формирует устойчивый спрос на современные логистические услуги для обслуживания межрегиональных производственных цепочек и позволяет республике интегрироваться в региональное разделение труда на качественно новом, субъективном уровне. Следовательно, проблема изоляции, обусловленная как географической удаленностью страны, так и её структурной монотоварной зависимостью, преодолевается комплексно – за счёт синергии физической связности территорий и глубокой диверсификации национальной экономики.

Вместе с тем, как справедливо указывают в своих исследованиях А. Берд, М. Лебранд и А. Венаблс, модернизация транспортных артерий способна стимулировать расширение торговых потоков и обеспечивать инклюзивный экономический рост лишь в том случае, если развитие «жёсткой» инфраструктуры (физических объектов и коммуникаций) подкрепляется адекватным совершенствованием «мягкой» инфраструктуры (институциональной среды, таможенно-тарифного регулирования и цифровизации процедур) [288].

Модель Узбекистана ближе к этому идеалу, чем добывающая модель, хотя её полная реализация зависит от того, сопровождаются ли инвестиции в производство передачей навыков, созданием логистических экосистем и укреплением регуляторного потенциала.

Сравнение этих трех траекторий выявляет фундаментальную асимметрию в том, как инвестиции в рамках ИПП преодолевают географическую изоляцию

Однако этот позитивный количественный рост таит в себе скрытую угрозу, возвращающую регион к рискам второго, сырьевого сценария.

Риск периферийного закрепления. Несмотря на очевидное снижение изоляции, отраслевой сдвиг таит в себе системный экономический сдвиг. Падение транспортных издержек усиливает сравнительные преимущества стран Центральной Азии в сырьевых и аграрных секторах, одновременно стимулируя рост импорта промышленной продукции. *Ключевой вывод индикатора*: улучшение транспортной связанности не происходит автоматически. Без внутренней технологической модернизации инфраструктурная интеграция рискует закрепить периферийной характер участия региона в международном разделении труда, при которой страны региона остаются в роли поставщиков сырья и рынков сбыта для более технологически развитых экономик, прежде всего Китая.

Индикатор финансовой устойчивости является следующим уровнем верификации процесса трансформации региона из замкнутого пространства в сухопутный мост. Анализ отраслевой специализации отвечает на вопрос о том, что именно старится и какую роль страны могут занять в международном разделении труда. Однако за преодоление географической замкнутости региональные государства платят высокую макроэкономическую цену и добавляют риски кредитной зависимости.

Китайские государственные банки, в первую очередь Экспортно-импортный банк Китая (China Exim Bank), выступили в качестве кредиторов последней инстанции. На начало 2024 года центральноазиатские государства в совокупности задолжали китайским государственным структурам примерно двадцать миллиардов долларов, причём доля Казахстана была самой большой около 9,2 миллиарда долларов. Долги Кыргызстана и Узбекистана составили почти четыре миллиарда долларов каждый, в то время как Таджикистан был должен Китаю около трех миллиардов долларов. Однако показатель долговой нагрузки касается не просто абсолютной суммы заимствований - он отражает вес этого долга по отношению к способности экономики обслуживать его и степень зависимости, которую он создаёт [289].

Ключевой вывод по индикатору. Индикатор финансовой устойчивости демонстрирует глубокую противоречивость инфраструктурной интеграции. Китайские кредиты открыли физические транзитные коридоры, которые страны ЦА не всегда могут построить самостоятельно. Однако условия предоставление этих кредитов разделили страны на две реальности. Первое, инфраструктурное покровительство. Модель в которой КНР использует долг стран для укрепления своего влияния и контроля над национальными активами. Второе, кредитование на основе партнёрства. Модель, где сильные экономики региона используют капитал Китая как один из многих инструментов интеграции в глобальные евразийские торговые сети. Применение данного подхода позволяет дифференцировать страны по уровню макрофинансовых рисков. В частности, в случае Кыргызстана и Таджикистана этот показатель сигнализирует о критической уязвимости. В случае Таджикистана почти половина его суверенного долга, составляющего более 27 процентов ВВП, приходится на долг перед Китаем. В случае Кыргызстана эти цифры составляют 45 процентов и более 30 процентов соответственно [290]. В отчёте Центра глобального развития Кыргызстан и Таджикистан были отмечены как страны, подверженные высокому риску долгового кризиса из-за кредитов в рамках ИПП: прогнозируется, что соотношение долга к ВВП превысит 50%, причём по крайней мере 40% внешнего долга будет приходиться на Китай после завершения кредитования в рамках ИПП. МВФ и Всемирный банк неоднократно предупреждали о неприемлемом уровне задолженности, хищническом кредитовании и отсутствии прозрачности проектов в этом контексте [291].

Накопление суверенной задолженности перед КНР кардинально меняет экономический ландшафт региона. Диагностика этой долговой нагрузки позволяет разделит инициативу на разные модели. Первая-это модель критической уязвимости Таджикистана. Страна пошла на реструктуризацию долга через его конвертацию в активы, т. е. передачу КНР прав на разработку золотых месторождений. Вторя, модель управляемого партнёрства: Казахстан и Узбекистан. Казахстан выступает добровольным партнёром, а не пассивным реципиентом, что означает, что китайское кредитование служит скорее дополнением к национальным инвестициям, чем основным источником финансовой зависимости. Узбекистан извлекает выгоду из

диверсифицированного портфеля кредиторов, в который входят Япония, Южная Корея и международные исламские фонды развития, что ослабляет влияние, которое может оказать любой отдельный кредитор. Третья, особый случай Туркменистан. Ситуация в Туркменистане остаётся уникальной. Так как погашение задолженности осуществляется в основном за счёт экспорта газа, что создаёт бартерную схему, которая обходит традиционные показатели задолженности, но вводит свою собственную форму зависимости - а именно, почти полную ориентацию экспорта энергоресурсов на Китай. Задолженность Туркменистана перед Китаем составляет примерно 23 процента его ВВП, в то время как 80 процентов его экспорта нефти и газа направляется в Китай [292].

Институты и слаженность политики. Анализ маршрутов и объёмов государственного долга фиксируют только количественные показатели. Однако об эффективности реализации ИПП является качество управления, т.е. институционализация сотрудничества стран региона и китайской стороны.

Для оценки этого аспекта применяется пятый индикатор - институциональная глубина и согласованность политики. По институциональной глубине согласованности центральноазиатские страны следует разделить на несколько моделей. Модель глубокого стратегического сопряжения на примере Казахстана. РК представляет собой наиболее развитый пример институционального взаимодействия и демонстрирует, как политическая координация на высоком уровне напрямую способствует налаживанию физических связей. Так, в конце 2015 г. Астана и Пекин официально связали казахстанскую программу «Нұрлы жол» и Инициативу Пояс и Путь, превратив общие цели и развитие транспортной связанности из простой декларации в реальный экономический альянс. План затронул все от логистики и заводов до энергетики и образования. Принципиально важно отметить, что Астана отказалась от практики пассивного принятия условий Пекина, сделав выбор в пользу прагматичной диверсификации поступающего из КНР капитала. Приоритетом государственной политики Республики Казахстан стало перенаправление китайских инвестиционных потоков из сырьевого сектора в обрабатывающую промышленность и агропромышленный комплекс (АПК).

Ключевым институциональным инструментом реализации этой стратегии выступает совместная межправительственная рабочая группа на уровне заместителей глав правительств. Данный орган обеспечивает оперативное продвижение приоритетных инициатив на высшем государственном уровне и напрямую координирует устранение инфраструктурных и административных барьеров на сложных транзитных направлениях, ключевым из которых является Транскаспийский международный транспортный маршрут (ТМТМ).

Практическая эффективность этой управленческой модели подтверждается статистическими показателями. Так, по итогам 2023 года объем инвестиций в основной капитал транспортно-логистического сектора Казахстана достиг рекордных 1,5 трлн. тенге (что эквивалентно приблизительно 3,4 млрд долларов США). Одновременно с этим на 22% увеличились доля малого и среднего предпринимательства (МСП) в реализации инфраструктурных контрактов. Это

обеспечило мощный мультипликативный эффект, напрямую стимулируя развитие внутреннего делового потенциала республики. Кыргызстан представляет модель синхронизации календаря.

Пример Кыргызстана иллюстрирует особую, но функционально важную форму институционального согласования: синхронизацию сроков реализации инициативы с национальными программами развития. Приведение пятилетних планов Китая в соответствие с национальными циклами развития Кыргызстана то, что можно назвать синхронизацией календаря, напрямую решает проблему, которая уже давно беспокоит транснациональную инфраструктуру: несоответствие во времени. Когда планы дорожного строительства и развития промышленных парков согласовываются по единому графику, «последние километры» в приграничных районах могут быть устранены более оперативно, и ликвидация физической изоляции больше не рискует застопориться из-за задержек в планировании по одну сторону границы. Несмотря на то, что эта форма институциональной поддержки менее развита, чем в Казахстане, что отражает асимметрию в переговорном потенциале между двумя государствами, она представляет собой минимальную управленческую основу для управления инвестициями в обеспечение связи, от которых в решающей степени зависит интеграция Кыргызстана в региональную торговлю.

Узбекскую модель можно охарактеризовать, как постоянную дипломатию. Узбекистан представляет собой ускоренную траекторию институциональной интеграции, отличающуюся его участием в создании постоянной архитектуры многосторонней координации. В 2024 году китайско–узбекские отношения перешли в разряд всепогодного всеобъемлющего стратегического партнёрства, а объем двусторонней торговли в 2024 году достиг 13,1 миллиарда долларов, что составляет примерно 19 процентов от общего товарооборота Узбекистана. Институционально важным событием стало участие Узбекистана в формате Китай–Центральная Азия, созданном в 2023 году, в рамках которого был создан специальный секретариат по сотрудничеству. Этот механизм превратил координацию из эпизодических дипломатических обменов в постоянный оперативный канал для управления совместными проектами и разрешения споров. Совместное заявление, опубликованное на втором Китайско–Центральноазиатском саммите в 2025 году, подтвердило неизменную центральную роль инициативы «Один пояс, один путь», с обязательствами по упрощению процедур торговли, связям и проектам цифрового шёлкового пути.

Модель Таджикистана демонстрирует дефицит контроля. Таджикистан занимает самую слабую позицию по показателю институциональной глубины. Сотрудничество в основном осуществляется через создание предприятий в стратегических отраслях, без всеобъемлющих политических рамок, которые позволили бы Таджикистану привлекать китайские инвестиции для достижения более широких целей развития. Последствия этого значительны. Таджикистан и Кыргызстан оказались не в состоянии противостоять Китаю, отвергнуть нежизнеспособные проекты или предотвратить дальнейшую долговую зависимость - чрезмерная зависимость от китайского финансирования вынудила

принять условия, которые явно исключают прозрачность. Там, где институциональная база отсутствует, государство теряет способность увязывать внешние инвестиции с внутренними приоритетами развития, в результате чего инвестиции в физическую связь становятся уязвимыми для удовлетворения интересов кредиторов, а не национальных интересов.

Практика стран региона доказывает, что глубина институционального сопряжения напрямую определяет эффективность трансформации инфраструктурных инвестиций в экономическую интеграцию. Разница в темпах интеграции государств региона носит не столько технический сколько управленческий характер. Именно индикатор институционализации становится финальным измерением эффективности Инициативы Пояс и Путь в регионе.

3.2 Преодоление ресурсно-сырьевой зависимости: инвестиции, индустриализация и технологический трансфер

Дефицит капитала и технологическое отставание, как фактор транзитной уязвимости региона

Вторая проблема Центральной Азии, дефицит капитала и технологическая отставание Центральной Азии. После распада СССР пять республик Центральной Азии унаследовали промышленную инфраструктуру, созданную для интегрированной плановой экономики, которой больше не существовало. В результате возник острый дефицит капитала. У этих стран нет внутренних сбережений, функционирующих рынков капитала и институциональных структур, необходимых для самостоятельного финансирования крупномасштабной модернизации. Как показывают Берд, Лебран и Венейблс на примере модели вычислимого пространственного равновесия, экономическая география Центральной Азии характеризуется удалённостью и слабым доступом к рынкам сбыта. Это означает, что без масштабных внешних инвестиций в инфраструктуру производственный потенциал региона будет по-прежнему ограничен.

Технологический разрыв усугубляет эту проблему. Экономика стран Центральной Азии зависит от добычи сырьевых товаров (нефти, газа, полезных ископаемых, хлопка) с ограниченной добавленной стоимостью.

Институциональный потенциал региона в сфере абсорбции (усвоения) знаний и трансфера технологий остается критически ограниченным. На данный аспект обращает внимание Я. Маркиш, подчеркивая, что государства Центральной Азии сталкиваются с системными барьерами, препятствующими конвертации инфраструктурной связности в форсированное инновационное развитие. В свою очередь, в совместном исследовании С. Коэна и П. Гранта, сфокусированном на анализе инфраструктурных систем, отмечается, что центральноазиатские республики привлекают прямые иностранные инвестиции (ПИИ) во многом в расчёте на последующий технологический трансфер, однако макроэкономическая среда для подобного обмена по-прежнему остается неблагоприятной [64].

Хроническое технологическое отставание формирует замкнутый круг структурных проблем. Ш. Дейн и С. Кобаяши прослеживают жёсткую каузальную (причинно-следственную) связь между дефицитом промышленного развития, сужением спектра экономических возможностей и региональной нестабильностью. Они аргументируют это тем, что нехватка локального капитала и современных технологических решений усугубляет уязвимость региона, блокируя приток долгосрочных инвестиций. По оценке Р. Анджани, в постсоветский период государства Центральной Азии одновременно столкнулись с макроэкономической турбулентностью и геополитической изоляцией. Доминирование автаркических, внутренне ориентированных экономических моделей в этот период дополнительно лимитировало процессы накопления капитала и законсервировало технологическую отсталость.

Указанная взаимозависимость между вектором внутренней политики, ресурсным дефицитом и технологической стагнацией на протяжении долгого времени выступает предметом латентных академических дискуссий. При этом осмысление природы дефицита капитала и технологий в Центральной Азии претерпело качественную эволюцию: от узкой интерпретации в парадигме постсоветского транзита к комплексному структурно-пространственному анализу.

Так, в ранних исследованиях (в частности, в работах М. Рибу) барьеры на пути модернизации региона выводились преимущественно из неудовлетворительного состояния человеческого капитала. Автор акцентировал внимание на деградации институтов образования, снижении базовых показателей здравоохранения и дисбалансе спроса и предложения на рынке труда в пяти республиках. Фактически данная аналитическая модель опиралась на логику классической транзитологии, где ключевой задачей провозглашалась адаптация трудовых ресурсов к рыночным реалиям.

Однако последующий массив научных публикаций наглядно продемонстрировал, что данные вызовы укреплены в более фундаментальных структурных условиях, прежде всего в экономической географии макрорегиона. Её ключевыми маркерами выступают удалённость от глобальных экономических центров, низкая плотность внутренней транспортной сети и фрагментация единого экономического пространства. В рамках этой современной исследовательской оптики дефицит капитала и технологическое отставание интерпретируются не как изолированная нехватка ресурсов, а как прямое следствие пространственных ограничений, блокирующих доступ к мировым рынкам и сдерживающих рост совокупной производительности факторов производства.

Современные исследования уточняют, что ключевой вызов заключается не только в привлечении капитала и технологий, но и в их эффективном использовании. В частности, дефицит профессионально-технических навыков выступает критическим ограничением, препятствующим трансформации внешних ресурсов в устойчивый экономический рост. Исследование Идзавы о техническом и профессиональном образовании в Таджикистане выявило более

детальный механизм: нехватка квалифицированных кадров на уровне профессионального образования, а не только «утечка мозгов» на уровне высшего образования, является сдерживающим фактором для развития Центральной Азии.

Таким образом, современный этап развития научной мысли подводит к выводу о том, что трансформационный потенциал ИПП в Центральной Азии определяются не столько масштабом инфраструктурных вложений, сколько способностью региона интегрировать, адаптировать и эффективно использовать поступающий капитал и технологии в рамках существующих структурных условий.

Дефицит капитала и технологическое отставание являются одним из ключевых факторов транзитной уязвимости ЦА поскольку они ограничивают способность государств региона самостоятельно финансировать, строить и технологически сопровождать транспортно-логистическую инфраструктуру. В условиях нехватки внутренних инвестиционных ресурсов страны регион вынужден активно привлекать внешние инвестиции, что усиливает их зависимость от внешних факторов. В этом контексте формируются ассиметричные модели взаимодействия.

Углубление экономического присутствия Китая в Центральной Азии, в том числе в рамках ИПП, сопровождается не только ростом инвестиций, но и формированием асимметричных моделей взаимодействия. В частности, приобретение китайскими компаниями горнодобывающих и промышленных активов, зачастую по заниженной стоимости в обмен на погашение долгов. Например, Китай покупает у Казахстана серебряные, свинцовые, вольфрамовые и урановые месторождения, также совместно с Казахстаном запустили 14 производственных проектов в Западном Казахстане [293]. Хотя подобные сделки обеспечивают краткосрочную финансовую стабилизацию, они ограничивают долгосрочный суверенный контроль над ключевыми секторами экономики. Дополнительно, реализация совместных проектов в таких отраслях, как текстильная промышленность, сельское хозяйство и химическое производство и логистика формируют производственные цепочки, в которых страны Центральной Азии занимают преимущественно низкотехнологичные и зависимые позиции, особенно в Узбекистане и Кыргызстане. В этих условиях усиливается технологическая и экономическая зависимость, поскольку локальные экономики не получают достаточного доступа к передовым технологиям.

Таким образом, данные процессы указывают на риск закрепления периферийной роли Центральной Азии в региональной экономической системе, где внешние инвестиции не трансформируются в устойчивое технологическое развитие, а воспроизводят структурную зависимость.

Инфраструктурные инвестиции и компенсация дефицита капитала

Успешная трансформация региона из географического тупика в транзитный хаб напрямую связано с финансовыми вопросами. Проекты ИПП не могут быть реализованы без привлечения масштабных долгосрочных займов потому, что

страны региона не в состоянии самостоятельно сгенерировать необходимые капиталовложения. Поэтому необходимо к анализу финансов и инвестиций.

С момента запуска в 2013 году Инициатива Пояс и Путь стала центральным механизмом экономического присутствия Китая в Евразии. В Центральной Азии Инициатива появилась в условиях сочетания нескольких долгосрочных структурных проблем, одними из которых являются недостаток внутреннего накопления капитала и ограниченный доступ к глобальным финансовым рынкам. Для центральноазиатских государств китайский капитал стал не просто ещё одним источником иностранных инвестиций, а одним из немногих доступных каналов крупномасштабного инфраструктурного финансирования.

В данном анализе китайские прямые иностранные инвестиции (ПИИ) в ЦА за период 2005–2025 годов рассматриваются через два индикатора: долю китайских ПИИ в общем объёме входящих иностранных инвестиций и соотношение задолжности перед китайскими кредиторами к ВВП. В совокупности эти показатели позволяют оценить не только масштаб проникновения китайского капитала, но и то, насколько он способствовал устойчивой экономической модернизации, а не просто формированию финансовой зависимости.

Первый индикатор-доля ПИИ. Анализ доли ПИИ выявляет какая страна смогла использовать для технологического обновления, а какая попадает в монопольную зависимость. За последние два десятилетия масштабы китайских инвестиций в Центральной Азии значительно выросли (Рисунок 2). Несмотря на различия в объёмах и секторальной структуре, общая тенденция динамики поведения притоков ПИИ по графикам рисунка 1 очевидна. При этом Китай превратился в одного из ключевых внешнеэкономических игроков региона.

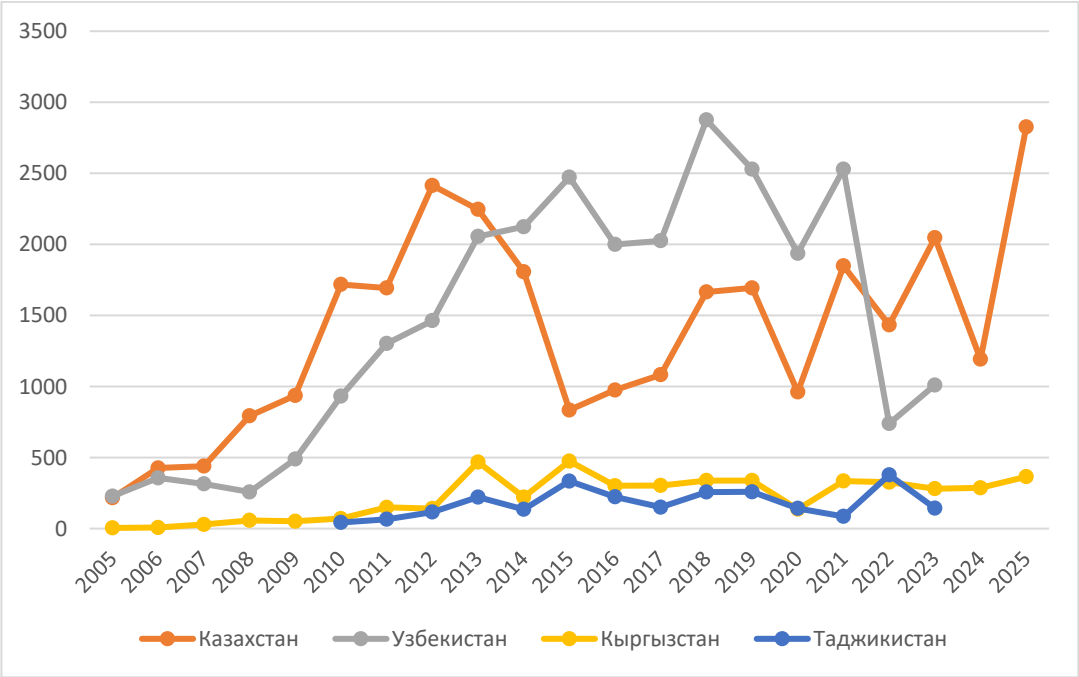

Рисунок 2 – Динамика притока ПИИ из КНР в страны Центральной Азии (млн. долларов США)

Источники: составлено автором на основе данных Национальных банков РК и РТ, Национального статистического комитета КР и Агентства статистики при Президенте РУ [46, 50].

Результаты по первому индикатору долей ПИИ в пяти странах и их анализ представлены в Таблице 2.

Таблица 2 – Модели воздействия китайских ПИИ на экономическую трансформацию стран Центральной Азии

Страна	Динамика притока ПИИ из КНР	Доля в общем объёме ПИИ	Секторальная структура и специфика
Казахстан	Рост с $216 млн (2005 г.) до > $2,8 млрд/год (2025 г.). Всего — ~$29 млрд.	~30%	Диверсификация: Постепенный уход от чисто сырьевых проектов. Капитал смещается в логистику (Хоргос, Каспийский узел), ВИЭ и переработку. На KASE осуществлён выпуск юаневых облигаций на 500 млн юаней.
Узбекистан	Рост с $228 млн (2005 г.) до $2,9 млрд (пик к 2018 г.).	~30%	Реформаторский бум: Основной приток совпал с либерализацией экономики после 2016 г. Инвестиции идут в обрабатывающую промышленность и логистику.
Кыргызстан	Рост с околонулевой отметки (2005 г.) до стабильных ~$365 млн/год к 2025 г.	33,4% *(в 2011–2020 гг., всего $2,9 млрд)*	Заполнение ниш: Капитал направлен в добычу металлов и дорожную инфраструктуру. Китай занял финансовые ниши, не заинтересовавшие других игроков.
Таджикистан	Скромные абсолютные объёмы (активный мониторинг 2010–2023 гг.).	Высокая	Сырьевая концентрация: Капитал сосредоточен в добыче золота и базовой энергетике. Китайские компании контролируют ключевую долю золотодобычи.
Туркменистан	Точные цифры скрыты из-за закрытости статистики.	Доминирующая в ТЭК	Монопольный покупатель: Госкомпания CNPC выступает главным партнером в освоении месторождения «Галкыныш» и экспорте газа.
Примечание: составлено автором.			

Данные таблицы 1 позволяют чётко разделить регион на три группы по уровню их зависимости и характеру результатов модернизации. Модель диверсифицированного партнёрства Казахстана и Узбекистана. Для этих стран китайские ПИИ составляют 30% от общих. Оба государства успешно нивелируют риски зависимости, балансируя между китайскими и западными

инвестициями. Модель критической зависимости Кыргызстана и Таджикистана. Китайские инвестиции помогли закрыть финансовые пробелы в Центральной Азии, но работают по-разному в зависимости от страны. Например, Казахстан и Узбекистан смогли использовать максимально эти вливания, к примеру инвестиции поомгли ускорить модернизацию и подтолкнули развитие не только сырьевого сектора, но и других отраслей. Кыргызстан, Таджикистан и Туркменистан фактически застряли в роли сырьевых придатков. С одной стороны на китайские средства удалось построитьь базовые дороги и запустить рудники, но с другой стороны никакого технологического прорыва не произошло, а структура экономики осталось прежней. Ярким примером такой зависимости является Туркменистан. Из-за закрытой статистики точные суммы инвестиций неизвестны, но понятно, что китайская компания CNPC полностью завязала на себя добычу на гигантском месторождении «Галкыныш» и весь его экспорт. В итоге страна превратилась в узкопрофильный сырьевой хаб, привязанный к одному покупателю.

Вторым индикатором является *долговая нагрузка и риски для суверенитета*. Инфраструктурные объекты, построенные за займы и кредиты, формируют долговые обязательства, которые создают риски для стран реципиентов. Так, Кыргызстан и Таджикистан являются зоной критических рисков. К 2026 году доля китайских кредитов во внешнем долге Кыргызстана составила около 36%.

В Таджикистане этот показатель достиг 25% ещё в начале 2020-х годов. Проблема усугубляется практикой связанных займов, требующих закупки исключительно китайского оборудования и услуг. Первое может привести к потере контроля над важными сырьевыми активами. Второе в долгосрочной перспективе может привести к лишению возможности развития собственной промышленной политики. Казахстан и Узбекистан находятся в зоне макроэкономической стабильности. Благодаря многовекторной кредитной политике его долговая зависимость от КНР остаётся никой. Узбекистан удерживает промежуточную позицию, контролируя риски за счёт привлечения займов из Японии, Южной Кореи и международных фондов. Туркменистан представляет модель экспертной зависимости.

По этой причине ИПП в Центральной Азии нельзя рассматривать ни как однозначный успех, ни как провал. Ее последствия напрямую зависят от институциональных возможностей самих государств, политики диверсификации, управления долгом и способности превращать внешний капитал в долгосрочное производственное развитие, а не только в краткосрочное инфраструктурное расширение.

Если посмотреть на долю китайских денег в экономику через первый и второй индикаторы, становится ясно, что модернизация экономики за счёт внешних инвестиций может привести к долговой ловушке. Во-первых, это финансовая ловушка, которая означает невозможность отдать долги приводит к потере активов ресурсами или месторождениями. Во-вторых, технологическая ловушка. Соглашаясь на связанные кредиты, государство добровольно отдаёт

свою технологическую независимость. Вся инфраструктура начинает работать на китайских запасных частях и по китайским стандартам.

Ресурсное проклятие и структурная зависимость сырьевых экономик

Наряду с дефицитом капитала и технологическим отставанием, критическим фактором транзитной уязвимости государств Центральной Азии выступает сырьевая модель их экономик. Обладание внушительным природно-ресурсным потенциалом не стало автоматическим гарантом устойчивого макроэкономического роста. Напротив, в ряде республик региона избыток минерально-сырьевых богатств де-факто заблокировал стимулы к модернизации, законсервировав глубокую зависимость национальных хозяйств от добывающих отраслей, конъюнктуры внешних рынков и стабильности конкретных транспортных артерий.

Несмотря на то, что центральноазиатские государства располагают колоссальными запасами углеводородного сырья и твёрдых полезных ископаемых, этот потенциал не трансформировался в диверсифицированную структуру производства. В макрорегионе отчетливо проявились деструктивные эффекты так называемого «ресурсного проклятия» (парадокса изобилия), ключевыми индикаторами которого выступают деиндустриализация, деградация перерабатывающих секторов и крайняя чувствительность к ценовым шокам на глобальных рынках.

Наиболее рельефно данная асимметрия прослеживается на примере Казахстана и Туркменистана. В этих государствах рентные доходы от экспорта сырой нефти и природного газа формируют доминирующую часть бюджетных поступлений и обеспечивают ключевую долю валютной выручки. Подобная моноструктурность не только привязывает национальное благосостояние к волатильным сырьевым циклам, но и кратно усиливает геополитическую уязвимость этих стран, ставя их суверенное развитие в прямую зависимость от зарубежной транзитной инфраструктуры. Такая зависимость способствует формированию модели рентного капитализма, при которой экономические и политические системы ориентированы на распределение ресурсной ренты, а не на развитие производственного сектора.

Высокая зависимость от сырьевых и энергетических факторов делает экономики региона чувствительными к колебаниям мировых цен и внешним шокам. Данная уязвимость проявляется не только странах-экспортерах ресурсов, но и в экономиках, зависящих от импорта энергоресурсов. Показательным является кейс Узбекистана, как отмечается в обзоре Forvis Mazars «Обзор Центральная Азия 2026. Геополитика, рынки и стратегические риски» [294]. Перебои в судоходстве через Ормузский пролив – один из ключевых узлов глобальной нефтетранспортной системы, которые способны спровоцировать рост мировых цен на нефть, что непосредственно отражается на издержках национальной экономики. Дополнительный канал трансмиссии связан с Китаем, как один из ключевых торговых партнёров. Рост цен на энергоресурсы увеличивает себе стоимость китайской продукции, что транслируется в повышении импортных цен на внутреннем рынке Узбекистана. Таким образом,

внешний ценовой шок усиливает инфляционное давление и снижает реальные доходы населения, что отражает более широкую проблему структурной уязвимости экономики.

Внешние державы такие, как США, Россия и Китай активно участвуют в экономике стран Центральной Азии, включая Казахстан и Кыргызстан, прежде всего в сырьевом секторе. Каждая из них продвигает собственные подходы и интересы, конкурируя между собой. В результате в этих странах сохраняется зависимость от доходов, получаемых от природных ресурсов (так называемой «ренты»). Это создаёт ситуацию «структурной несвободы». Политические элиты получают выгоду от рентных доходов, что снижает стимулы к проведению реформ, необходимых для индустриализации и диверсификации экономики. В итоге процессы экономической диверсификации замедляются, а зависимость от ресурсов сохраняется.

Исследования стран, участвующих в Инициативе Пояс и Путь подтверждают общую закономерность, в которой государства с сырьевой экономикой сталкиваются с высокой экономической уязвимостью из-за сильной зависимости от добывающего сектора. Это показывает, в частности, сравнительные исследования стран групп N11 и БРИКС. Здесь N11 (Next Eleven) – это группа из 11 стран, которые были выделены, как перспективные развивающиеся экономики с высоким потенциалом роста. Этот термин был введён аналитиками американского многонационального инвестиционного банка Goldman Sachs в 2005 году. Страны Центральной Азии полностью соответствуют этой модели. Это небольшие по размеру экономики, не имеющие выхода к морю, что дополнительно ограничивает их возможности для диверсификации. Географическая изолированность усложняет развитие промышленности, торговли и транспортных связей, усиливая зависимость от экспорта природных ресурсов.

Наиболее очевидный вклад ИПП связан с масштабными инвестициями в инфраструктуру, включая транспортные коридоры, энергетические сети и логистические системы. Для стран, не имеющих выхода к морю, развитие связанности является необходимым условием интеграции в глобальные рынки. Пространственные экономические модели показывают, что улучшение транспортной инфраструктуры может изменить экономическую географию региона и способствовать развитию несырьевых секторов. Тем не менее эмпирические данные по Центральной Азии показывают, что связанность сама по себе не гарантирует диверсификацию. Снижение торговых издержек не приводит автоматически к развитию промышленности или изменению структуры экономики .

Показателен пример Кыргызстана, который рассматривается как один из потенциальный бенефициаров китайских инвестиций для индустриализации. Л. Калабрезе, старший научный сотрудник Института зарубежного развития в своей статье показывает, что на практике значимого прогресса в этом направлении не произошло. Причины связаны не столько с самой инициативой, сколько с внутренними факторами. Политико-экономическая система страны

ограничивает развитие промышленности, несмотря на риторику индустриализации, она остаётся второстепенным направлением государственной политики.

Во всех направлениях исследований ключевым выводом является то, что качество институтов выступает решающим фактором, определяющим становится ли ресурсное богатство проклятием или благом. Так Уанг и Уей в своей работе проанализировали 48 стран, участвующих ИПП и приходят к выводу, что ресурсное проклятие негативно влияет на «зелёный» экономический рост до тех пор, пока уровень институтов остаётся низким. Когда же качество институтов превышает определённый порог, этот эффект исчезает, и ресурсы начинают приносить пользу. Особенно важно, что для стран с низким и средним уровнем дохода, к которым относится большинство государств Центральной Азии, ресурсное проклятие действительно проявляется и может быть преодолено только при улучшении институциональной среды.

Отсюда возникает важный вывод: инфраструктурных инвестиций таких, как проекты в рамках ИПП, недостаточно сами по себе. Если ключевая проблема – это слабые институты, то дороги, железные дороги и энергетические проекты не решают её автоматически. Более того, проекты ИПП в Центральной Азии формируют сложную систему неформальных связей, в которой выгоду получают прежде всего политические элиты, тогда как население сталкиваются с растущим недовольством.

Более сложный и фундаментальный вопрос заключается не просто в инвестициях, а в том, меняется ли сама структура экономики. Речь идёт о переходе от сырьевой модели (добычи нефти, газа, металлов) к более устойчивой с развитой промышленностью и сектором услуг.

Ссылаясь на Калабрес, Дженкинс и Ломбардози фундаментальная проблема заключается не только в объёме инвестиций, но и в их способности трансформировать структуру экономики. Речь идёт о переходе от сырьевой модели к более сложной экономике с развитым промышленным и сервисным секторами. В этом контексте остаётся недостаточно изученным вопрос о том, каким образом внешние инвестиционные инициативы такие, как ИПП взаимодействуют с внутренней структурой производства. Это важно, потому что ресурсное проклятие по своей сути отражает проблему незавершённой структурной трансформации.

Таким образом, ресурсное проклятие усиливает транзитную уязвимость ЦА, поскольку сырьевые экономики зависят не только от мировых цен, но и от внешних маршрутов, инфраструктуры и рынков сбыта. Поэтому следующий вопрос заключается в том, способна ли внешняя инфраструктурная связанность, в том числе и в рамках ИПП, превратить регион самостоятельный центр экономического развития или только закрепляет его зависимое положение в евразийской системе разделения труда.

Индустриализация, производственная кооперация и технологический трансфер

В конечном счёте итоговый баланс ИПП зависит от того смогут ли страны региона превратить внешние займы в инструмент развития, а не в источник долгов. Все финансовые вливания и договорённости отражаются на реальной ситуации, т.е. на том, что страны производят и чем торгуют. Чтобы понять остаётся ли ЦА только транзитной территорией или может развивать производство необходимо проанализировать товарные потоки. Это логика нас подводит к следующему разделу «Индустриализация, производственная кооперация и технологический трансфер».

Одной из наиболее сложных структурных проблем Центральной Азии остаётся высокая зависимость экономик от экспорта первичных ресурсов (нефть, газ, металлы), что в экономической литературе описывается как «ресурсное проклятие». Для оценки того, способствует ли Инициатива диверсификации региональных экономик и преодолению этой зависимости, в данном разделе проводится синтез индикаторов *торгового баланса, отраслевой специализации и количественных индексов* – Индекс выявленного сравнительного преимущества (ВСП) и Индекс торговой взаимодополняемости (ИТК) и его прогноз 2026 года.

Оценка отраслевой конкурентоспособности.

В данном случае используется индекс выявленного сравнительного преимущества (ВСП), который является важнейшим экономическим показателем, используемым для оценки экспортного потенциала и конкурентоспособности секторов страны. Анализ изменения индекса ВСП позволяет определить, происходит ли расширение сравнительных преимуществ в большем числе секторов, что указывает на диверсификацию и снижение зависимости от узкого спектра экспорта [295, 296]. Рост индекса ВСП для определённого сектора свидетельствует о растущей конкурентоспособности, тогда как его снижение может означать потерю преимущества.

В этом анализе используется индекс экспорта, выявившего сравнительные преимущества (ВСП). Этот Индекс ВСП, предложенный Балассой в 1989 году, в 1965 году определяется как доля страны в экспорте конкретного товара, делённая на долю этого товара в мировом экспорте промышленных товаров.

$$XRCA_i^k = \left(\frac{X_{iw}^k}{X_{iw}^{lt}} \right) \div \left(\frac{X_{ww}^k}{X_{ww}^{lt}} \right), \quad (1)$$

где $XRCA_i^k$ – выявленное сравнительное преимущество страны i в экспорте отрасли k, X – экспорт, w – мировой рынок, k – отрасль, k, l – общий объем экспорта.

Для детального понимания развивающейся динамики структуры торговли автор проанализировал изменения ВСП до запуска ИПП (сравнивая 2010-2013 гг. с 2004-2007 гг.) и после (сравнивая 2014-2019 гг. с 2010-2013 гг.), вычисляя показатель «чистого расширения» числа секторов. Индекс ВСП рассчитывается для каждой страны и сектора на трёхзначном уровне SITC и охватывает 258 секторов за весь период.

SITC (Standard International Trade Classification) – международная классификация товаров. Трёхзначная классификация SITS – это способ группировки товаров в международной торговле по категориям, где каждый товар обозначается кодом из трех цифр. Это система, которая делит все товары на более детальные группы, чтобы удобно анализировать экспорт и импорт. В данной работе анализ ВСП проводится не по крупным категориям, а более точным секторам - 258 групп товаров, что делает результаты более точными и аналитически значимыми.

Он определяется как отношение доли сектора в общем объёме экспорта страны к доле сектора в мировом экспорте. Увеличение индекса ВСП для сектора свидетельствует о растущей конкурентоспособности и силе в этой области, в то время как снижение может свидетельствовать об утрате преимуществ. Это делает ВСП важным инструментом для понимания меняющейся динамики торговых структур и руководства политическими решениями в международных отношениях.

Автор диссертационной работы анализирует изменения в ВСП до и после 2013 года, чтобы выявить сектора с растущими сравнительными преимуществами.

В частности, мы сравниваем количество секторов, в которых ВСП увеличился (что указывает на улучшение сравнительных преимуществ) в период с 2014 по 2019 год, с показателями в период с 2010 по 2013 год. Определяется количество секторов с «чистым ростом ВСП, как разницу между количеством секторов с растущим ВСП и секторов с падающим ВСП за эти два периода. Чистый рост числа секторов, связанных с ВСП, свидетельствует об общем улучшении экономических (экспортных) показателей во всех секторах после 2013 года, что можно отнести на счёт ИПП, после учёта тенденций, существовавших до 2013 года.

В качестве ориентира мы используем чистое увеличение числа секторов ВСП за период непосредственно перед запуском ИПП в 2013 году (с 2010 по 2014 год) и за период с 2004 по 2007 год, чтобы отслеживать тенденции.

Данные ВСП на трёхзначном уровне SITC получены из баз данных Организации Объединённых Наций по международной торговле.

В таблице 3 показаны изменения в показателях выявленного сравнительного преимущества пяти стран Центральной Азии – Казахстана, Кыргызстана, Узбекистана, Таджикистана и Туркменистана - до и после запуска Инициативы «Пояс и Путь» (ИПП) в 2013 году.

Индекс ВСП, рассчитанный на уровне трёхзначной классификации SITS для 258 секторов, служит показателем экспортного потенциала и отраслевой конкурентоспособности [52].

Таблица 3 - Рост или падение количества секторов в индексе выявленного сравнительного преимущества (ВСП)

Страна	Период до внедрения ИПП (2010–2013) по сравнению с ранним периодом (2004–2007)			Период после ИПП (2014-2019 гг.) по сравнению с периодом до ИПП (2010-2013 гг.)		
	Рост	Падение	Расширение сети	Рост	Падение	Расширение сети
Казахстан	+ 53 (+21%)	-79 (-31%)	-26 (-10%)	+143 (+55%)	-27 (-10%)	+116 (+45%)
Кыргызстан	+83 (+32%)	-116 (-45%)	-33 (-13%)	+128 (+50%)	-99 (-38%)	+29 (+11%)
Узбекистан	+86 (+33%)	-48 (-19%)	+38 (+15%)	+96 (+37%)	-81 (-31%)	+15 (+6%)
Таджикистан	+100 (+39%)	-34 (-13%)	+66 (+26%)	+116 (+45%)	-71 (-28%)	-35 (-14%)
Туркменистан	+49 (+19%)	-23 (-9%)	+26 (+10%)	+48 (+19%)	-46 (-18%)	+2 (+0.01%)

Источник*:* Расчёты были выполнены автором совместно с зарубежным научным консультантом на основе данных базы ООН по международной торговле [52]

Примечание: всего существует 258 продуктов (секторов) на трёхзначном уровне SITC. В тексте ниже показатели в круглых скобках отражают динамику (рост или падение) количества товарных позиций, а также их нетто-изменение в рамках общей структуры экспорта.

Динамика экспортного портфеля Республики Казахстан свидетельствует о глубокой структурной трансформации поставок за рубеж. На этапе, предшествовавшем старту инициативы «Один пояс, один путь» (2010-2013 гг. в сопоставлении с базисным периодом 2004-2007 гг.), в стране фиксировались нетто-сокращение числа перспективных экспортных позиций на 26 секторов (-10%). При этом лишь в 53 товарных группах отмечалось приращение индекса выявленных сравнительных преимуществ (ВСП), тогда как в 79 секторах данный показатель снизился.

Однако после запуска мегапроекта КНР (в период 2014-2019 гг. по сравнению с докризисном этапом) вектор развития кардинально изменился: зафиксировано масштабное нетто-расширение экспортного профиля на 116 секторов (+45%). Положительная динамика ВСП наблюдалась сразу в 143 товарных группах, в то время как регресс затронул всего 27 секторов. Подобный сдвиг наглядно иллюстрирует диверсификацию экспорта и существенное расширение спектра национальных конкурентных преимуществ на внешних рынках в посткризисный период.

Схожий позитивный тренд, хотя и в менее выраженной форме, продемонстрировал Кыргызстан. На доинтеграционном этапе в экономике республики регистрировалось нетто-снижение числа конкурентоспособных

экспортных ниш на 33 сектора (-13%), при котором рост индекса ВСП наблюдался в 83 товарных группах на фоне падения в 116 секторах.

После институционализации инициативы ОПОП Бишкеку удалось оптимизировать структуру своих сравнительных преимуществ, обеспечив нетто-прирост на уровне 29 секторов (+11%). В рассматриваемый период восходящая динамика охватила 128 экспортных позиций, в то время как сокращение затронуло 99 групп. Данные изменения указывают на постепенное преодоление моноструктурного характера кыргызского экспорта и снижение его зависимости от ограниченной номенклатуры товаров.

Узбекистан сохранял положительную динамику. В период до ИПП Узбекистан продемонстрировал чистое расширение на 38 секторов (+15%): в 86 секторах ВСП вырос, а в 48 снизился. Эта тенденция продолжилась и в пост ИПП период, хотя более медленными темпами: чистое расширение составило 15 секторов (+6%), при этом рост наблюдался в 96 секторах, а снижение в 81. Это указывает на продолжающееся улучшение диверсификации экспорта после ИПП.

Таджикистан столкнулся с трудностями в поддержании диверсификации экспорта. В до ИПП период страна показала значительное чистое расширение на 66 секторов (+26%): в 100 секторах ВСП вырос, а в 34 снизился. Однако в пост ИПП период наблюдалось чистое сокращение на 35 секторов (-14%): в 116 секторах показатель вырос, тогда как в 71 снизился. Это свидетельствует о развороте тенденции и указывает на трудности в подержании диверсификации экспорта после ИПП.

Туркменистан продемонстрировал минимальные изменения. В до ИПП период страна имела чистое расширение на 26 секторов (+10%): в 49 секторах ВСП вырос, а в 23 снизился. После периода ИПП чистое расширение оказалось незначительным, всего 2 сектора (+0,01%): в 48 секторах наблюдался рост, а в 46 снижение. Это указывает на стагнацию диверсификации экспорта после ИПП.

Таким образом, проведённый анализ индекса выявленного сравнительного преимущества (ВСП) на трёхзначном уровне SITS показывает, что влияние ИПП на структурную трансформацию экономик Центральной Азии носит селективный и асимметричный характер. Несмотря на сохраняющуюся зависимость от сырьевого экспорта, в ряде стран прежде всего в Казахстане, а также в Кыргызстане и Узбекистане после 2013 года наблюдается расширение числа секторов с растущими сравнительными преимуществами, что указывает на частичную диверсификацию экспортной структуры.

В то же время отсутствие устойчивой положительной динамики в Таджикистане, и стагнация в Туркменистане свидетельствуют о том, что внешние инфраструктурные и инвестиционные импульсы, связанные с ИПП сами по себе недостаточны для преодоления «ресурсного проклятия». Эффективность этих процессов определяется внутренними факторами: уровнем институционального развития, качеством экономической политики, степенью промышленной модернизации и способностью государств интегрировать внешние инвестиции в создание добавленной стоимости внутри страны.

Инициатива выступает скорее катализатором существующих тенденций, усиливая диверсификацию там, где для этого есть внутренние предпосылки, и давая ограниченный эффект при их отсутствии. Преодоление сырьевой зависимости требует не только внешних импульсов, но прежде всего внутренних структурных реформ и индустриального развития.

Индекс торговой комплементарности (ИТК) для выявления торгового баланса.

Для понимания того, насколько структура импорта стран Центральной Азии комплементарна структуре экспорта Китая, был проанализирован ретроспективный массив данных Индекса торговой комплементарности на основе данных Всемирного интегрированного торгового решения Всемирного банка. Всемирное интегрированное торговое решение (World integrated trade solution) - это торговое программное обеспечение, предоставляемое Всемирным банком для пользователей, которые могут запрашивать несколько баз данных по международной торговле .

Индекс торговой комплементарности (ИТК) может предоставить полезную информацию о перспективах внутрирегиональной торговли, поскольку он показывает, насколько совпадают структуры импорта и экспорта страны. Кроме того, его значения для стран, рассматривающих возможность заключения регионального торгового соглашения, можно сравнить со значениями для стран, заключивших или пытавшихся заключить аналогичные соглашения.

$$TC_{ij} = 100(1 - sum(\left| m_{ik} - x_{ij} \right| / 2)) \quad (2)$$

Где x_{ij} — доля товара i в мировом экспорте страны j, а m_{ik} — доля товара i во всем импорте страны k. Индекс равен нулю, когда ни одна страна не экспортирует товары, а другая не импортирует, и 100, когда доли экспорта и импорта точно совпадают.

ИТК здесь выступает как математическое доказательство того, что инициатива «Пояс и путь» (ИПП) – это не просто политический проект, а эффективный механизм, опирающийся на реальную структурную совместимость экономик. Растущая комплементарность показывает, что структура экспорта стран Центральной Азии все больше соответствует структуре импорта Китая (и наоборот), что естественным образом стимулирует рост товарооборота и оптимизирует торговый баланс вдоль новых логистических коридоров.

Предоставлен детальный анализ комплементарности по каждой стране региона (рисунок 2). К сожалению, данные в базе Всемирного интегрированного торгового решения ограничены 2023 годом, при этом по ряду центральноазиатских стран наблюдается пропуски за отдельные годы.

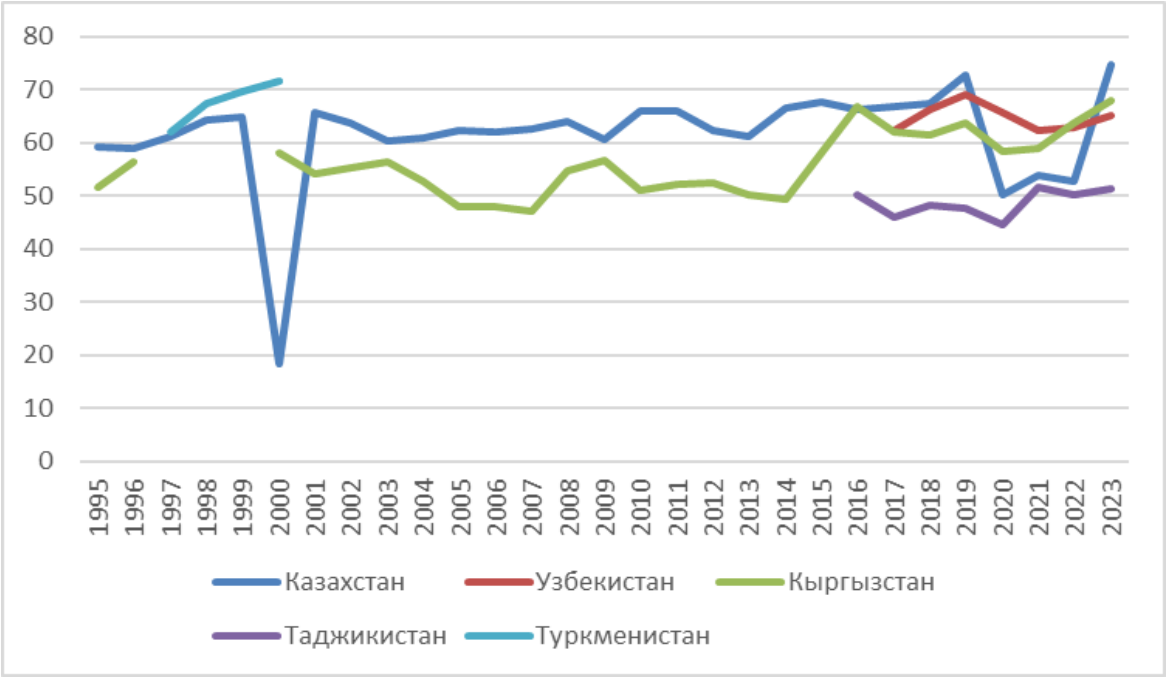

Рисунок 3 - Индекс торговой комплементарности

Источник: Расчеты были выполнены автором на основе данных базы Всемирного интегрированного торгового решения Всемирного банка

Как показан на Рисунке 3, Казахстан, как безоговорочный лидер интеграции. Индекс демонстрирует мощный и уверенный рост, достигнув исторического максимума в 74.66 по итогам 2023 года. Такой высокий показатель говорит об идеальном совпадении спроса и предложения. Эффективность ИПП здесь максимальна: китайские инвестиции в логистику (например, Транскаспийский маршрут) ложатся на благодатную почву высочайшей взаимной потребности в товарах. Казахстан успешно капитализирует своё географическое положение, превращаясь из простого поставщика сырья в важнейший узел евразийской торговли.

Кыргызстан демонстрирует самый впечатляющий скачок в последние годы, достигнув отметки 68.11 в 2023 году. Высокая комплементарность подчёркивает растущую роль Кыргызстана в приграничной торговле и реэкспорте. Эффективность инициативы «Пояс и путь» здесь выражается в активном освоении новых маршрутов. Текущие показатели ИТК служат отличным экономическим обоснованием для стратегических инфраструктурных проектов, таких как железная дорога «Китай-Кыргызстан-Узбекистан», которая должна выйти на проектные мощности в ближайшие годы.

Индекс Узбекистана держится на стабильно высоком уровне (в среднем около 65), с показателем 65.28 в 2023 году и пиком в 69.0 в 2019 году. Узбекистан показывает высокую структурную совместимость с Китаем, которая уже стабилизировалась на высоких значениях. В рамках ИПП это означает, что торговый баланс страны успешно диверсифицируется. Страна активно встраивается в производственные цепочки Китая, что подтверждает успех

инициативы не только в транзитном, но и в промышленно-кооперационном аспекте.

По Таджикистану значения индекса более сдержанные и балансируются в диапазоне 45-51, составив 51.46 в 2023 году. Более низкий индекс отражает узкую экспортную базу страны (преимущественно металлы и хлопок). Однако стабильность показателя выше 50 пунктов говорит о том, что торговое партнёрство состоялось и имеет потенциал к росту. Эффективность ИПП для Таджикистана заключается в удержании этого баланса и постепенном вовлечении страны в более сложные региональные цепочки поставок.

По поводу Туркменистана, в массиве данных представлены только ранние исторические значения (до 2000 года), где индекс был экстремально высок (до 71.7). Несмотря на отсутствие свежих данных в таблице, исторически высокая комплементарность объясняется колоссальными поставками энергоносителей (газа). В современной архитектуре ИПП Туркменистан остаётся важнейшим гарантом энергетической безопасности Центральной Азии и Китая.

Углублять китайско-центральноазиатское экономическое сотрудничество путём стыковки рынков и совместной работы над решением основных вопросов экономических преобразований. Так называемая рыночная стыковка означает “увязывание внутреннего рынка страны с рынками других стран посредством экономического сотрудничества, особенно торговли и инвестиций, и это также включает взаимное принятие рыночного механизма одной страны и рыночных механизмов других стран в рамках конкретного сотрудничества, тем самым формируя единый рынок интегрированного государства». В конце концов, соответствующие страны сформируют сообщество ответственности и предназначения для поддержания нормального функционирования этого рынка.

Предпосылкой стыковки рынков является экономическая взаимодополняемость, которая проявляется в: взаимодополняемости ресурсов, взаимодополняемости промышленной структуры, взаимодополняемости рыночного спроса и т. д. Китай и Центральная Азия имеют очень большую взаимодополняемость, которая отражается не только в Тот факт, что Китай является импортёром энергии, а некоторые страны Центральной Азии являются её экспортёрами, но, что более важно, Китай экспортирует широкий спектр продукции в страны Центральной Азии, включая высокотехнологичную продукцию, потребительские товары общего назначения, а также машины и оборудование, а также страны Центральной Азии. Экспорт азиатских стран в Китай состоит в основном из энергоресурсов и ресурсов. Именно благодаря этой взаимодополняемости Китай стал крупнейшим торговым партнёром Казахстана и Узбекистана и занимает первое место в статусе торгового партнёра Туркменистана в течение 10 лет подряд. является крупнейшей страной-производителем в мире, и спрос на энергоресурсы для устойчивого развития обрабатывающей промышленности будет продолжать расти в будущем. Обрабатывающая промышленность в странах Центральной Азии относительно невелика и обладает богатыми энергетическими ресурсами.

Важнейшим содержанием стыковки рынков между Китаем и Центральной Азией является сотрудничество в сфере производственных мощностей, основанное на «лидерстве на рынке, поддержке со стороны правительства» и инициативы «Пояса и Пути». В рамках инициативы широко осуществляется сотрудничество в области производственных мощностей между Китаем и Центральной Азией в сфере строительства инфраструктуры, заключения контрактов на зарубежные проекты, внешней экономики и торговли в области стали, цветных металлов, строительных материалов, железнодорожного транспорта. Зоны сотрудничества, трансграничные индустриальные парки и т. д. добились эффективной связи Китая с рынками Центральной Азии. Что ещё более важно, страны Центральной Азии находятся в том же положении, что и Китай. В переходный период они сталкиваются с аналогичными проблемами на пути социальной и экономической модернизации. Кроме того, существует большая и успешная практика модернизации в китайском стиле. произвело важный демонстрационный эффект в странах Центральной Азии. Таким образом, китайские экономические элементы проникли в центральноазиатский регион. В дальнейшем экономика Центральной Азии получила «эффект сома» и тем самым получила новый импульс экономического развития [297].

Текущая динамика ИТК блестяще доказывает гипотезу, что инфраструктурный каркас инициативы «Пояс и путь» строится не на пустом месте, а опирается на сильную экономическую гравитацию между Китаем и Центральной Азией. Резкий рост индексов Казахстана и Кыргызстана к 2023 году даёт нам строгую математическую основу для проецирования этих данных на 10 лет вперёд, точнее к 2033 году.

Прогнозирование Индекса торговой комплементарности (ИТК) на 10 лет (2023-2033 гг.) с помощью математического моделирования.

ИТК является составной величиной, зависящей от импорта и экспорта разных категорий товаров. Потому, для корректного прогнозирования ИТК правильным будет прогнозирование каждой составной части индекса отдельно, а затем заново пересчитывать итоговое значение ИТК. Таким образом, структура экспорта для Китая и структуры импорта стран Центральной Азии были спрогнозированы по 16 категориям товаров, представленных в базе данных Всемирного интегрированного торгового решения (World integrated trade solution) - ВИТР.

Временной период, представленный в базе данных ВИТР сильно ограничен. Также в нем есть ряд пропущенных значений и несколько аномалий, которые нужно обработать в первую очередь. Так в данных для Казахстана за год 2000 мы видим, что большая доля импорта была помещена в раздел miscellaneous, что является выбросом. В связи с этим, при расчёте прогноза для Казахстана, данные за 2000 год была заменены интерполяцией путём осреднения соседних лет:

$$Share_{2000} = \frac{Share_{1999} + Share_{2001}}{2} \quad (3)$$

Также статистику для стран в период с 2020 по 2022 года сдвигает COVID-19.

Trade shares (Доли в торговле) зависимые между собой компоненты, которые имеют два свойства, которые должны быть сохранены при прогнозировании:

1. Все компоненты неотрицательные.
2. В сумме должны давать 100%.

Многие статистические модели подразумевают независимость переменных между собой. Но в нашем случае уменьшение одного, ведёт к увеличению другого и наоборот. Поэтому необходимо сделать ещё одну предварительную обработку данных. Для этого нужно воспользоваться аддитивным логарифмическим преобразованием (ALR). Аддитивное логарифмическое преобразование (ALR, additive log-ratio) – это метод преобразования композиционных данных (долей), при котором каждая компонента выражается как логарифм отношения к выбранной базовой компоненте [298].

Представим вектор shares в год t в виде:

$$s_t = (s_{1,t}, s_{2,t}, \dots, s_{K,t}) \tag{4}$$

Где

$$\sum_{k=1}^{K} s_{k,t} = 1$$

Одна категория выбирается как базовая, обозначим ее как $s_{K,t}$.

Затем ALR создаёт $K-1$ новых переменных:

$$z_{k,t} = log\ log\ \left(\frac{s_{k,t}}{s_{K,t}}\right),\ k = 1, \dots, K-1 \tag{5}$$

Данное преобразование убирает ограничения на не отрицательность и сумму равную 100%.

После построения прогноза $\hat{z}_{k,t}$, полученные значения преобразуются обратно:

$$r_k = e^{\hat{z}_{k,t}}$$

$$\hat{s}_{K,t} = \frac{1}{1+\sum_{k=1}^{K-1} r_k} \tag{6}$$

$$\hat{s}_{k,t} = \frac{r_k}{1+\sum_{j=1}^{K-1} r_j} \tag{7}$$

Базовой категорией может служит любая. В нашем случае взята группа Miscellaneous, так как она самая стабильная.

Для непосредственного построения прогнозов использование методов машинного обучения не предоставляется возможным из-за очень высокой вероятности переобучения на маленькой выборке данных.

Модели просто не хватит данных, чтобы выучить правильные закономерности и распределение данных. Использовать авторегрессионные модели анализа временных рядов по типу ARIMA также опасно, из-за нестабильности при малом объёме данных, также у нас есть несколько аномальных выбросов в данных, к которым такая модель будет чувствительна. Самым оптимальным вариантом является использование экспоненциального сглаживания.

В основе процедуры сглаживания лежит расчёт экспоненциальных скользящих средних сглаживаемого ряда. Таким образом, прогноз способен адаптироваться к новому шагу процесса без резкой чувствительности к случайным отклонениям. Для прогнозов по Китаю, Казахстану и Киргизстану использовалось экспоненциальное сглаживание с затухающим трендом, чтобы предотвратить переоценку роста и падения. Для остальных стран в виду еще меньшего количества данных использовалась более консервативная простая модель экспоненциального сглаживания. Простая формула для расчета может быть представлена как:

$$L_t = \alpha Y_t + (1 - \alpha) Y_{t-1} \tag{8}$$

или экспоненциальное сглаживание с затухающим трендом

$$L_t = \alpha Y_t + (1 - \alpha)(Y_{t-1} + \phi T_{t-1}) \tag{9}$$

$$T_t = \beta (L_t - L_{t-1}) + (1 - \beta)\phi T_{t-1} \tag{10}$$

где Y_t – наблюдаемое значение в момент времени t, L_t – предсказанное значение в момент t, α – коэффициент сглаживания, T_t – приближенный тренд, β – коэффициент сглаживания тренда, ϕ – коэффициент затухания.

Ссылаясь на рисунок 3, данные для Кыргызстана за 1995-1996 года не учитывались при расчётах из-за разрыва с 2000 годом.

Для Узбекистана и Таджикистана информации очень мало, потому прогноз консервативный и степень неопределённости остаётся высокой. Для Туркменистана данные заканчиваются 2000 годом, поэтому построить прогноз не является возможным.

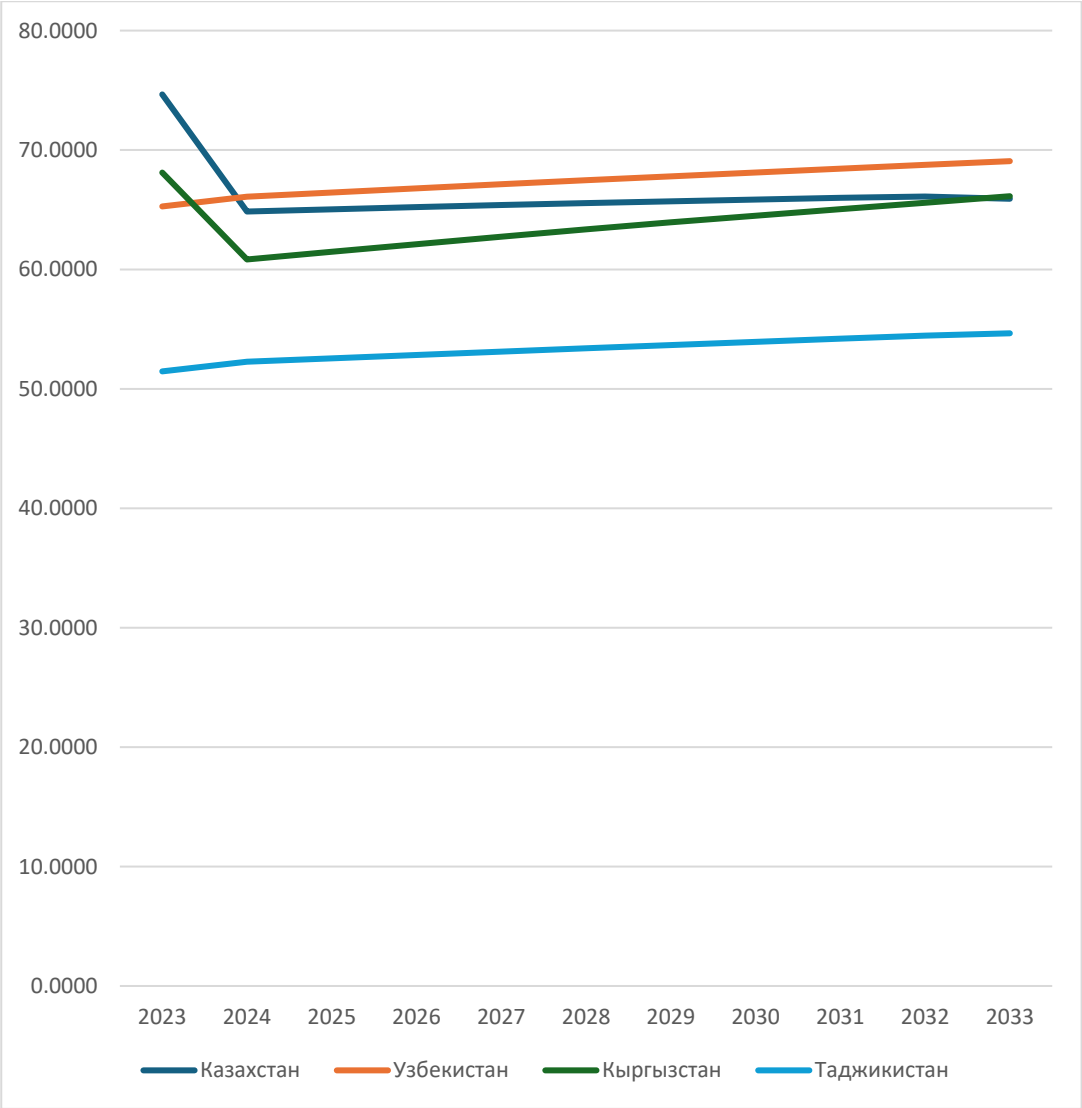

Рисунок 4 – Десятилетняя компонента индекса ИТК

Источник: Прогнозирование было выполнено автором на основе данных базы Всемирного интегрированного торгового решения Всемирного банка

Первое, что замечается в данных то, это корректировка значений в 2024 году после высоких пиков 2023 года для Казахстана (падение с 74.6 до 64,8) и Кыргызстана (68,1 до 60,8). Модель отработала именно так, как описано в методологии: она применила затухающий тренд (ϕ), чтобы предотвратить переоценку роста и не считать локальный всплеск 2023 года вечным явлением. Алгоритм расценил перегрев 2023 года, как отклонение (возможно, постковидный компенсаторный скачок) и вернул прогноз к фундаментально обоснованным значениям.

Если, переходя к анализу динамики ИТК по странам (2024-2033 гг.), после математической коррекции в 2024 году, индекс по Казахстану плавно и стабильно растёт с 64.8 до 65.9 к 2033 году. Это означает, что экономика Казахстана окончательно синхронизируется с Китаем. ИПП превращает страну из ситуативного бенефициара в системного, предсказуемого партнёра. Проблема

нестабильности сырьевых доходов решается через создание долгосрочного и устойчивого логистического каркаса.

Самый стабильный и уверенный рост прогнозируется у Узбекистана (с 65.2 в 2023 году до 69.0 к 2033 году). Поскольку данных было меньше, использовалась простая модель сглаживания. Однако сам факт устойчивого роста ИТК говорит о том, что индустриализация Узбекистана и его встраивание в цепочки создания стоимости Китая будут только углубляться. ИПП здесь решает проблему технологического отставания.

Скорректировавшись до 60.8 в 2024 году, Кыргызстан показывает отличный восстановительный рост, достигая 66.1 к 2033 году. Это математическое доказательство того, что строящиеся транспортные коридоры (в т.ч. ж/д «Китай-Кыргызстан-Узбекистан») обеспечат стране долгосрочную занятость в транзите

Консервативный прогноз для Таджикистана показывает плавный рост с 51.4 до 54.6. Это подтверждает, что страна преодолевает географическую изоляцию, но процесс идёт медленнее из-за узкой экспортной базы. ИПП выступает здесь фактором постепенной, осторожной интеграции.

Исходя из 10-летнего прогноза, можно сформулировать следующие глобальные выводы:

- Преодоление транспортной и экономической изоляции. Стабильное удержание индекса торговой комплементарности (ИКТ) на высоких отметках (превышающих пороговое значение в 60 пунктов для ключевых региональных акторов) на протяжении рассматриваемого десятилетнего цикла свидетельствует о системном, а не конъюнктурном характере трансграничного обмена вдоль маршрутов инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП). Наличие устойчивого взаимного спроса гарантирует долгосрочную загрузку созданной транспортно-логистической инфраструктуры, что де-факто нивелирует традиционную для региона проблему географической замкнутости (*land-lockedness*).

Данный вывод подкрепляется следующими аналитическими индикаторами:

Сглаживание торговых дисбалансов. Использование процедуры аддитивного логарифмического преобразования (*ALR-transformation*), учитывающего внутреннюю взаимозависимость долей рынка (в рамках стандартного симплексного ограничения единичной суммы в 100%), позволило математически верифицировать реальную структурную подстройку национальных экономик. Восходящий тренд ИТК подтверждает, что в рамках формирующихся архитектуры трансграничный обмен эволюционирует в направлении взаимовыгодного паритета, опровергая тезис об односторонней торговой экспансии со стороны КНР.

Переход к устойчивой траектории развития. Применение методов экспоненциального сглаживания временных рядов наглядно демонстрирует переход государств Центральной Азии от фазы высокой макроэкономической волатильности (характерной для сырьевого бума 2000-х годов и постпандемического периода) к прогнозируемой и стабильной модели партнёрства. Данная строгая методологическая основа выводит настоящее

исследование за рамки описательной политологии, переводя его в разряд прикладных экономико-математических изысканий.

В целом проведённый комплексный анализ подтверждает сохраняющуюся деструктивную роль «ресурсного проклятия» для стран Центральной Азии, однако характер его проявления под влиянием инициативы ОПОП становится всё более гетерогенным.

С одной стороны, динамика индекса выявленных сравнительных преимуществ (ВСП) фиксирует начальные этапы структурной перестройки в Казахстане, Кыргызстане и Узбекистане. После 2013 года в данных республиках наблюдается диверсификация экспорта за счёт расширения номенклатуры конкурентноспособных на внешних рынках товарных групп. С другой стороны, отсутствие выраженных позитивных сдвигов в Таджикистане и затяжная стагнация в Туркменистане свидетельствует о высокой степени консервации их сырьевой специализации и ограниченном характере внутренних экономических реформ.

Моделирование индекса торговой комплементарности расширяет данные выводы, доказывая, что высокий уровень сопряжённости экономик региона с хозяйственной системой КНР выступает драйвером более глубокой интеграции и диверсификации внешнеэкономических связей. Более того, перспективный прогноз до 2033 года указывает на устойчивое сохранение высоких параметров ИТК, что предвещает дальнейшую синхронизацию экономических профилей участников.

Тем не менее теоретически важно разграничивать рост комплементарности и реальную диверсификацию. Положительная динамика сопряжённости может отражать не только прогресс в области межотраслевой промышленной кооперации, но и фиксацию сырьевой специализации региона, адаптирующейся под масштабные ресурсные запросы китайской экономики.

В конечном итоге китайский мегапроект выступает значимым, но далеко не достаточным условием преодоления системой сырьевой зависимости.

Его воздействие носит комплементарный характер, лишь усиливая уже существующие национальные тренды. В государствах со зрелой институциональной средой и развитой промышленной базой ИПП стимулирует диверсификацию и встраивание в глобальные цепочки создания добавленной стоимости. Напротив, в менее адаптированных экономиках эффект ограничивается наращиванием объёмов товарооборота без качественных сдвигов в структуре производства.

Следовательно, ключевым фактором преодоления «ресурсного проклятия» остается не столько внешняя интеграция, сколько глубина внутренних структурных реформ, нацеленных на неоиндустриализацию, модернизацию технологического базиса и форсированное развитие несырьевых секторов.

3.3 Энергетический и сырьевой переход, «Зеленая» трансформация и «Цифровой Шелковый путь»

Энергетический дефицит и противоречия экологического перехода

Ресурсная зависимость государств Центральной Азии не ограничивается монокультурным профилем их национальных экономик и низким уровнем диверсификации, но рельефно проявляется в системной дисфункциональности регионального энергетического сектора. Наличие колоссальных запасов углеводородов, урана и угля вкупе с внушительным гидроэнергетическим потенциалом теоретически должно выступать гарантом энергетического суверенитета макрорегиона. Однако, на практике избыток ресурсов не только не нивелирует внутренние инфраструктурные дисбалансы, но и усугубляет их. Данная асимметрия формирует специфический «энергетический парадокс»: являясь крупным нетто-экспортером первичных энергоносителей на глобальный рынок, регион перманентно сталкивается с дефицитом электроэнергии и природного газа для внутреннего потребления.

Следовательно, четвертым фундаментальным вызовом, определяющим геоэкономическую уязвимость государств Центральной Азии, выступает нарастающий энергодефицит в сочетании с жесткими требованиями глобального экологического перехода.

Обострение этого парадокса обусловлено комплексом взаимосвязанных факторов:

- Экспортно-сырьевой императив. Доминирование экспортной ориентации ТЭК (топливно-энергетического комплекса) приводит к перераспределению добываемых объёмов энергоносителей в пользу внешних покупателей в ущерб нуждам локальных потребителей.

- Инфраструктурный износ. Глубокая амортизация генерирующих мощностей и распределительных сетей, унаследованных от советской энергосистемы, генерирует критические потери при транспортировке.

- Региональная разобщенность. Неравномерное географическое распределение ресурсов (водно-энергетических на юге и углеводородных на севере и западе макрорегиона) накладывается на слабую координацию и деградацию некогда единого энергетического кольца Центральной Азии.

В условиях форсированной урбанизации и демографического роста данный энергетический кризис не просто ограничивает промышленное развитие республик, но и выступает мощным фактором социально-политической дестабилизации. Необходимость преодоления дефицита за счет экологически «грязных» источников (таких как угольная генерация) вступает в прямое противоречие с заявленными целями декарбонизации, ставя перед правительствами региона сложнейшую дилемму между поддерживанием текущей жизнедеятельности и выполнением международных климатических обязательств. Пять государств Центральной Азии входят в число стран с самым высоким в мире потреблением энергии на душу населения, однако значительная часть их населения, особенно в высокогорных и сельских районах испытывает острую нехватку энергии.

Гидроэнергетика в Кыргызстане и Таджикистане обеспечивает значительный объем производства электроэнергии (40-50%), в то время как возобновляемые источники остаются незначительными (2-5% в большинстве

стран). Такая структурная зависимость от углеводородов создаёт уязвимость к колебаниям цен, перебоям в поставках и последствиям изменения климата для водных ресурсов.

Энергетическая проблема в высокогорных районах Таджикистана и Кыргызстана заключаются в сезонном дефиците электроэнергии, вызванном зависимостью от ГЭС. В Таджикистане зимой уровень воды падает, в высокогорных и сельских районах зимой вводятся жёсткие ограничения на подачу электроэнергии, так как мощности не хватает для отопления. Обеспечение энергией остаётся «дорогостоящей и критически важной задачей для местного населения». Также некоторое население испытывает нехватку альтернативных источников энергии (уголь, газ), что делает население зависимым от электричества для обогрева.

Кыргызстан также сталкивается с серьёзным энергетическим риском и возможным дефицитом электроэнергии зимой. Основная проблема – недостаточное производство гидроэлектроэнергии: по итогам 2025 года при потреблении 19,3 млрд кВт-ч. страна вырабатывала лишь 15 млрд 386,9 млн кВт-ч [299, 300]. Как отмечает эксперт из «Caspian policy center» Мерай Озат, поскольку внутреннее производство гидроэлектроэнергии продолжает снижаться, внутренний энергетический риск возрастает, и в любой момент зимой может начаться нормирование электроэнергии. Ввиду неизбежности этого риска президент Кыргызстана Садыр Жапаров в июле 2023 года объявил чрезвычайное положение в энергетическом секторе на период с 1 августа 2023 года по 31 декабря 2026 года. В краткосрочной перспективе Кыргызстан импортирует 4,5 кВт-ч. электроэнергии из соседних стран [301], однако это не является устойчивым решением. Одновременно страна привлекает инвестиции, в том числе из Китая. Подписано соглашение о строительстве Казарманской ГЭС стоимостью до 3 млрд долларов США. Однако проект будет завершён только к 2030 году и не сможет предотвратить текущий энергетический дефицит [302].

Вместе с этим, глава «Узтрансгаза» заявил, что Узбекистан может полностью отказаться от экспорта газа к 2025–2026 годам из-за растущего внутреннего спроса, что может привести к значительным экономическим потерям и ухудшению торговых отношений. Как отмечает новостной портал Узбекистана, около 10% добываемого в Узбекистане газа экспортируется в Китай, при этом объёмы варьируются в зависимости от внутренних потребностей, которые остаются приоритетом: зимой экспорт сокращается, летом увеличивается. Несмотря на возможность направить весь газ на внутренний рынок, Узбекистан продолжает выполнять обязательства перед иностранными (в том числе китайские и российскими) компаниями, экспортируя часть газа, чтобы поддерживать эти проекты, тем более за рубежом газ продаётся дороже. Также проблемы усугубляют износ инфраструктуры, высокие потери при передаче и неэффективное использование ресурсов.

Ситуация усугубляется ростом внутреннего спроса на энергию, обусловленного демографическими факторами, урбанизацией и индустриализацией. В результате даже страны-экспортёры энергоресурсов

сталкиваются с необходимостью ограничивать внешние поставки в пользу внутреннего потребления. Несмотря на то, что у Казахстана в 2024 году общий объем производства электроэнергии вырос на 4,2%, этого оказалось недостаточно для удовлетворения спроса, что вынуждает страну по-прежнему полагаться на внешних поставщиков. Доля угольной генерации остаётся доминирующей, хотя в 2024 году она снизилась с 77,4% до 74,9% [303].

Это не просто проблема распределения, а отражение того, что энергетическая система по своей сути построена на централизованной инфраструктуре советской эпохи, которая пришла в упадок после обретения независимости. Устаревшие генерирующие мощности, недостаточная модернизация сетей и низкая энергоэффективность приводят к регулярным сбоям в энергоснабжении. По оценкам Азиатского банка развития, странам Центральной Азии до 2030 года потребуется не менее 33 миллиардов долларов ежегодных инвестиций только в энергетический сектор, чтобы обеспечить бесперебойные и достаточные поставки энергоресурсов [304]. В условиях ограниченных внутренних ресурсов такая модернизация представляется невозможной без привлечения внешнего капитала.

Несмотря на то, что правительства стран Центральной Азии объявили о планах строительства новых гидроэлектростанций, теплоэлектроцентралей и атомных объектов, ощутимый прогресс в этой сфере пока незначителен. Среди основных препятствий - нехватка квалифицированных кадров, дефицит воды, экологические проблемы и, прежде всего, недостаточное финансирование. Без значительных иностранных инвестиций усилия по модернизации, скорее всего, сойдут на нет.

В контексте энергетических проблем Центральной Азии особое значение приобретает вопрос *качества энергетического развития и его соответствия принципам устойчивости*. Несмотря на значительные запасы углеводородных ресурсов, энергетическая трансформация в регионе остаётся на крайне низком уровне. Как отмечается в ряде исследований, в странах региона до сих пор отсутствует комплексная и эффективная нормативно-правовая база, способная стимулировать переход к устойчивым источникам энергии и формировать долгосрочную стратегию декарбонизации.

Для стран региона необходимо экологический переход, который в условиях региона приобретает двойственный характер. С одной стороны, страны региона декларируют приверженность принципам устойчивого развития и постепенному внедрению возобновляемых источников энергии. С другой стороны, экономическая целесообразность и необходимость обеспечения краткосрочной энергетической стабильности зачастую приводят к сохранению и даже расширению использования традиционных источников энергии. Таким образом, формируется противоречие между долгосрочными целями декарбонизации и краткосрочными приоритетами экономического роста.

Катализатором, мультиплицирующим кризисные явления в энергетической сфере Центральной Азии, выступает глубокая межстрановая асимметрия. Ресурсная дивергенция (различие в обеспеченности сырьем), диспропорции в

уровне экономического развития и неравномерный доступ к внешнему капиталу предопределяет структурную неоднородность национальных энергосистем. Данная разобщенность блокирует попытки выстраивания дееспособных наднациональных механизмов координации и существенное девальвирует потенциал коллективных инициатив по обеспечению региональной энергетической безопасности.

На этом фоне национальные стратегии декарбонизации и темпы энергетического перехода демонстрируют существенную вариативность, отражая суверенные приоритеты и возможности государств. К примеру:

- Республика Казахстан в рамках долгосрочной климатической повестки ориентируется на поэтапное увеличение доли возобновляемых источников энергии (ВИЭ) в структуре генерации до 15% к 2030 год с последующим выходом на паритетный показатель в 50% к середине столетия (2050 г.).

- Республика Узбекистан делает ставку на более форсированную динамику энергоперехода. Правительство страны декларирует амбициозную цель по введению до 25 ГВт генерирующих мощностей на базе ВИЭ к 2030 году, что позволит покрыть около 54% суммарной внутренней выработки электроэнергии за счет экологически чистых источников.

Подобная разнонаправленность целевых ориентиров усложняет синхронизацию национальных программ развития, превращая декарбонизацию из факторов потенциальной интеграции в дополнительный источник межгосударственной конкуренции за технологии и зеленые инвестиции.

Такая несогласованность усиливает региональную фрагментацию. В этих условиях наиболее реалистичным представляется компромиссный сценарий, сочетающий развитие ВИЭ с использованием газа, гидро и атомной энергетики, а также предполагающий углубление регионального сотрудничества.

Результаты количественного анализа в статье авторов Радованович, Филипович и Андреевич Панич охватывает период 1990-2018 гг. демонстрируют, что энергетическая политика государств Центральной Азии развивается преимущественно в рамках обеспечения базовой энергетической безопасности, без учёта экологических и климатических аспектов. Другими словами, энергетический переход осуществляется исключительно с позиции удовлетворения текущего спроса на энергию тогда, как вопросы устойчивости и экологической эффективности остаются на периферии государственной политики. Более того, даже страны-экспортёры энергоресурсов, такие как Казахстан и Туркменистан не демонстрируют значимых усилий по переходу к устойчивым моделям энергетического развития, что свидетельствует о глубокой структурной зависимости от углеводородной экономики.

Также важно учитывать *геополитические аспекты энергетической зависимости*. Растущее давление со стороны Москвы на Казахстан и Узбекистан с целью заставить их импортировать больше газа из России после начала полномасштабного вторжения в Украину в 2022 году - одна из главных причин, по которой эти страны стремятся перейти на возобновляемые источники энергии. В данных условиях энергетический переход в Центральной Азии выходит далеко

за рамки сугубо природоохранной повестки, приобретая статус критического факторы суверенного развития и национальной безопасности государств региона.

Одним из фундаментальных, но недостаточно концептуализированных аспектных параметров экологической уязвимости макрорегиона выступает экстремальная чувствительность его засушливых и высокогорных ландшафтных систем к глобальным колебаниям климата. Эта природная специфика накладывается на глубокий экологический кризис, генерируемый прежней старой структурой производства и потребления энергии.

Высокая доля угольной генерации в электроэнергетике ключевых стран региона приводит к серьезному загрязнению воздуха в промышленных районах и к высоким выбросам парниковых газов. Ситуацию также усугубляет деятельность добывающих отраслей, которая разрушает природные экосистемы, нарушает ландшафты и вызывает значительное загрязнение почвы и водных ресурсов токсичными отходами.

В свою очередь климатические изменения напрямую угрожают стабильности гидрологического режима трансграничных речных бассейнов. Прогрессирующее сокращение площади оледенения и процесс иссушения ландшафтов ставят под удар функционирование гидроэнергетического комплекса в странах верховья и стабильность ирригационного земледелия в странах низовья.

Данная взаимосвязь наглядно иллюстрирует классический водно-энергетический узел, в рамках которого обеспечение национальной энергетической безопасности оказывается в жесткой детерминированной зависимости от сохранения экологического равновесия и доступности водных ресурсов.

Центральная Азия характеризуется хрупкостью природных систем, чья устойчивость напрямую зависит от климатических параметров, прежде всего температуры и водной обеспеченностью. Изменение климата ускоряется быстрее, чем в среднем по миру. В Центральной Азии происходят ускоренные климатические изменения, например с 1990-х годов температура здесь увеличивается более чем на 0,3°C за десятилетие, тогда как в мире этот показатель составляет около 0,15-0,20°C, т.е. регион нагревается почти два раза быстрее [305].

Центральная Азия является одним из наиболее уязвимых регионов мира к изменениям климата, обусловленным ростом антропогенных выбросов парниковых газов. Наблюдаемое потепление на 1,2°C за последние десятилетия уже привело к сокращению снежного покрова примерно на 20% и ускоренному таянию ледников, особенно в горных районах. Особое значение имеют стратегически важные районы, такие как горная система Тянь-Шань, выступающим ключевым «водным источником» Центральной Азии, где наблюдаются рост частоты экстремальных климатических явлений, усиливающих экологическую нагрузку на регион. Согласно прогнозам исследователей из Потсдамского института исследований воздействия

изменения климата, указывают на то, что к концу столетия температура повысится на 2-6°C по сравнению с периодом с 1976 по 2005 год. При этом регион Центральной Азии согласно оценкам института, может превысить критический порог в 2°C уже к 2030 году, что существенно ускорит деградацию ледников и усилит риски для водных ресурсов [306]. В итоге рост водных рисков приведут к нестабильности сток рек – Амударьи и Сырдарьи, также приведут к угрозам сельскому хозяйству, энергетике (ГЭС) и водоснабжению.

Усиливающиеся климатические изменения в Центральной Азии уже проявляются не только в долгосрочных температурных трендах, но и в учащении экстремальных погодных явлений, приобретающих системный характер. Так аномально тёплые условия способствуют замещению снегопадов интенсивными осадками, что приводит к наводнениям, оползням и разрушению инфраструктуры, как это наблюдалось в Казахстане. Исследование Центрально-Азиатский Институт прикладных Исследований Земли показало, что в Кыргызстане за последние 50 лет сократилась площадь ледников на 16%. Указанная деструктивная динамика генерирует комплекс совокупных вызовов, среди которых: учащение экстремальных паводков, необратимая деградация биоразнообразия, вынужденная климатическая миграция, а также падение уровня занятости и масштабный кризис в аграрном секторе. Дополнительным дестабилизирующим фактором выступает смещение климатических циклов: увеличение объема осадков в весенний период сменяется затяжными и интенсивными летними засухами. Это приводит к критическому дефициту водных ресурсов, падению продуктивности растениеводства и массовому падежу скота. Ярким эмпирическим подтверждением этой тенденции послужила масштабная засуха 2021 года, охватившая до 40% территории макрорегиона.

Сельское хозяйство, выступающее базовым сектором занятости для значительной части населения центральноазиатских республик, демонстрирует наименьшую устойчивость к подобным гидроклиматическим колебаниям. Данная уязвимость верифицируется резким снижением валового сбора пшеницы и существенным ухудшением условий труда в условиях экстремально высоких температур. В совокупности рассматриваемые процессы наглядно иллюстрируют интеграцию климатических рисков, которые трансформируются в прямую угрозу для социально-экономической стабильности региона, оказывая беспрецедентное давление на архитектуру продовольственной безопасности, национальные рынки труда и трансграничные миграционные потоки. Центральная Азия все больше страдает от вызванных изменением климата нехватки воды, деградации земель и стихийных бедствий. Учитывая сельскохозяйственную экономику, устаревшую инфраструктуру и быстрый рост населения, регион уязвим к негативным последствиям быстро меняющегося климата.

Таким образом, энергетический дефицит и экологический переход ЦА являются не только технической и экономической проблемой, но и вопросом региональной безопасности и устойчивого развития и суверенитета. Регион нуждается в модернизации энергетической инфраструктуры развитие ВИЭ,

повышения энергоэффективности, диверсификации источников энергии, и углублении. Без этого энергетическая уязвимость будут усиливать транзитную, экономическую и экологическую зависимость стран ЦА.

Энергетические проекты Инициативы «Пояс и путь» и «зелёная» трансформация

Ни одно современное производство не может работать без надёжной энергетической базы. Современный энергосектор ЦА остро нуждается в обновлении, так как старые мощности не справляются с растущими потребностями промышленности и требованиями экологии. Модернизация этой сферы требует внешних займов и технологий, что делает энергетику ключевым полем для инвестиций ИПП. В связи с этим возникает вопрос о том, как проекты Пекина в рамках ИПП помогают обновить энергосистемы и запустить «зелёную» трансформацию. Для верификации выдвинутых гипотез и решения поставленных исследовательских задач в рамках диссертационного исследования применяется двухкомпонентный методологический инструментарий, базирующийся на следующих индикаторах:

- Векторный анализ структуры инвестиций. Данный показатель позволяет дифференцировать направления движения капитала, разграничивая инвестиционные вливания в инерционный добывающий сектор и вложения в создание диверсифицированных производств с высокий добавленной стоимостью.

- Индекс экологизации энергетического баланса («зеленый вектор»). Этот индикатор отражает реальные темпы имплементации технологий возобновляемой энергетики (ВИЭ) и глубину низкоуглеродной трансформации национальной экономики.

Актуальность применения данного подхода обусловлена спецификой Центральной Азии как одного из крупнейших мировых депозитариев энергетических ресурсов. Так, Республика Казахстан стабильно удерживает позиции в числе ведущих глобальных производителей жидких углеводородов с ежесуточным объемом добычи сырой нефти на уровне порядка 1,7 млн баррелей. В то время как Туркменистан располагает четвертыми по величине доказанными запасами природного газа в мире, оцениваемыми в 17,5 трл. кубических метров. Исторически эти сырьевые активы выступали как ключевые драйверы наполнения государственных бюджетов и базовые элементы региональной энергетической безопасности.

Тем не менее, региональный энергетический комплекс характеризуется глубокими пространственными и инфрастуктурными диспропорциями. Они наиболее остро проявляются в уязвимости изолированных энергосистем, отрезанных от основных магистралей, и в хроническом энергодефиците среди сельского населения.

Таким образом, нарастающий дефицит базовых энергоресурсов на фоне императивов экологической модернизации выступает одним из наиболее критических структурных ограничений для долгосрочного устойчивого развития Центральной Азии. Вопреки колоссальному сырьевому потенциалу,

национальные энергетические системы государств региона по-прежнему стагнируют в условиях высокой амортизации основных фондов, доминирования экологически «грязных» видов ископаемого топлива и критически низкого уровня энергоэффективности промышленного и жилищно-коммунального секторов.

В процесс решения данной проблемы применяется индикатор 7 – экологическая адаптация. Этот индикатор фиксирует «энергетический манёвр» Пекина. Китай становится не просто покупателем газа, а поставщиком решений для декарбонизации. В этих условиях особую актуальность приобретает поиск внешних источников финансирования и технологической модернизации, среди которых значительное место занимает ИПП.

«Одной из основных задач реализации Инициативы «Пояс и Путь» является приведение её стандартов и принципов в соответствие с основополагающими положениями Целей устойчивого развития ООН. Всего существует 17 целей, каждая из которых касается определённой сферы социального, экономического или политического развития. ЦУР 7, которая направлена на обеспечение доступной, безопасной и чистой энергии для всех, является одной из наиболее перспективных с точки зрения успешной синергии и реализации в контексте Инициативы «Пояс и Путь».

В конце 2020 года руководство Китая объявило о своей цели сократить выбросы углерода к 2030 году и достичь полной углеродной нейтральности к 2060 году, что соответствует «Новой концепции развития», направленной на создание экологически чистой производственной системы, повышение энергоэффективности, расширение использования возобновляемых источников энергии, сокращение вредных выбросов углерода и создание механизмов автоматического улавливания углерода в природной среде. Начались дискуссии о потенциале Пекина в плане увеличения инвестиций и активизации усилий по достижению ЦУР 7, что тесно согласуется с целями, обозначенными в «Новой концепции развития» Китая. В последние годы прямое участие Китая или его частичная поддержка международных проектов, направленных на достижение ЦУР 7 в рамках инициативы «Один пояс, один путь», были весьма существенными. Количество таких мероприятий постоянно растёт, и одновременно увеличивается объем инвестиций в них» [307].

Инициатива «Пояс и Путь» сочетает в себе инвестиции в инфраструктуру, финансовое сотрудничество и координацию политики. В Центральной Азии одним из ключевых аспектов является интеграция энергетического сектора, включая инфраструктуру добычи и экспорта углеводородов, трансграничные трубопроводы и системы передачи, развитие нефтеперерабатывающих заводов и растущее финансирование проектов в области возобновляемых источников энергии и «зелёных» технологий.

В 2024-2026 гг. Китай перешёл от инвестиций в ископаемое топливо к активному продвижению «Зелёного шёлкового пути». В рамках концептуализации «Зелёного шёлкового пути» Китай декларирует стремление к синхронизации инфраструктурных проектов с принципами устойчивого

развития, в частности с Целями устойчивого развития ООН, включая ЦУР 7, ориентированную на обеспечение доступа к доступной и чистой энергии.

Смена вектора инвестиций: о сырьевой базы к «Зелёному Шёлковому пути».

Сравнительный анализ данных мониторинга China Global Investment Tracker, публикуемый Американским институтом предпринимательства (American Enterprise Institute) доказывает, что китайская стратегия прошла замкнутую эволюцию [53].

Ранний этап (2005-2017) доминирование традиционной энергетики. Таблица 4 демонстрирует, что в этот период китайские инвестиции были направлены преимущественно в традиционный/нефтегазовый сектор. Эти инвестиции обеспечивали энергетическую безопасность самого Китая. Ключевыми инвесторами выступали государственные корпорации такие, как CNPC, Sinopec и Geo-Jade Petroleum. Большинство проектов реализовалось в Казахстане и Туркменистане и было ориентировано главным образом на добычу и транспортировку углеводородов в Китай. Однако это финансирование не решало проблему внутреннего энергодефицита стран ЦА.

Таблица 4 – Китайские инвестиции в традиционный нефтегазовый и энергетический сектор Центральной Азии (2005–2017 гг.)

Год	Месяц	Инвестор или застройщик	Сектор	Страна	Сумма
1	2	3	4	5	6
2005	Август	China National Petroleum Corp. (CNPC)	Энергетика	Казахстан	4200 млн.
2006	Октябрь	China International Trust and Investment (CITIC)	Энергетика	Казахстан	1910 млн.
2008	Декабрь	Xinjiang Guanghui Petroleum	Энергетика	Казахстан	250 млн.
2009	Апрель	China National Petroleum Corp. (CNPC)	Энергетика	Казахстан	2600 млн.
2009	Август	China National Petroleum Corp. (CNPC)	Энергетика	Туркменистан	1190 млн.
2009	Сентябрь	China Investment Corporation (CIC)	Энергетика	Казахстан	940 млн.

Продолжение таблицы 4

1	2	3	4	5	6
2012	Декабрь	China National Petroleum Corp. (CNPC)	Энергетика	Казахстан	500 млн.
2013	Июль	China National Petroleum Corp. (CNPC)	Энергетика	Казахстан	5300 млн.
2014	Февраль	Shaanxi Coal and Chemical	Энергетика	Кыргызстан	430 млн.
2014	Март	Geo-Jade Petroleum	Энергетика	Казахстан	530 млн.
2014	Апрель	China Petroleum and Chemical (Sinopec)	Энергетика	Казахстан	1090 млн.
2014	Май	China National Petroleum Corp. (CNPC)	Энергетика	Туркменистан	600 млн.
2014	Август	Rongsheng Heavy Industries	Энергетика	Кыргызстан	280 млн.
2014	Март	Geo-Jade Petroleum	Энергетика	Казахстан	120 млн.
2014	Март	Geo-Jade Petroleum	Энергетика	Казахстан	350 млн.
2015	Апрель	China General Nuclear	Энергетика	Казахстан	130 млн.
2017	Декабрь	China National Petroleum Corp. (CNPC)	Энергетика	Узбекистан	190 млн.

Современный этап (2019-2026). Таблица 5 свидетельствует об активации зелёного фильтра. В этот период возрастает количество проектов, связанных с возобновляемыми источниками энергии. В настоящее время наблюдается качественная диверсификация пула внешних игроков за счет притока специализированного инфраструктурного капитала. В инвестиционном ландшафте региона активизировались крупные зарубежные корпорации, фокусирующиеся на модернизации энергетических систем и масштабировании экологически чистых технологий. Среди них ключевые позиции заняли такие структуры, как State Power Investment, Universal Energy и Human Junxin Environmental Protection. Принципиальное отличие данного этапа от предшествующих инвестиционных циклов заключается в изменении способов достижения цели: новые финансовые вливания ориентированы не на обслуживание экспортно-сырьевых коридоров, а преимущественно на

форсированное наращивание внутренних генерирующих мощностей государств Центральной Азии.

Таблица 5 – Структурно-динамические показатели прямых инвестиций КНР в сектор возобновляемой энергетики (ВИЭ) государств Центральной Азии (2019-2025 гг.)

№	Год	Месяц	Инвестор или застройщик	Сектор	Страна	Сумма
1.	2019	Июль	State Power Investment	Энергетика	Казахстан	110 млн.
2.	2019	Август	Universal Energy	Энергетика	Казахстан	110 млн.
3.	2021	Август	China General Nuclear	Энергетика	Казахстан	440 млн.
4.	2022	Сентябрь	The State Administration of Foreign Exchange	Энергетика	Узбекистан	130 млн.
5.	2023	Апрель	State Power Investment	Энергетика	Казахстан	120 млн.
6.	2023	Ноябрь	Datang	Энергетика	Узбекистан	150 млн.
7.	2023	Декабрь	China Energy Engineering	Энергетика	Узбекистан	400 млн.
8.	2024	Январь	State Power Investment, China Railway Construction	Энергетика	Кыргызстан	300 млн.
9.	2024	Март	Hunan Junxin Environmental Protection	Энергетика	Кыргызстан	100 млн.
10.	2024	Март	China Energy Engineering	Энергетика	Узбекистан	140 млн.
11.	2024	Май	Universal Energy	Энергетика	Узбекистан	480 млн.
12.	2024	Май	China National Machinery Industry (Sinomach)	Энегетика	Узбекистан	480 млн.
13.	2024	Июль	Southern Power Grid	Энегетика	Узбекистан	460 млн.
14.	2024	Декабрь	Sany Heavy Industry	Энегетика	Казахстан	110 млн.
15.	2025	Апрель	China Everbright	Энегетика	Узбекистан	260 млн.
16.	2025	Сентябрь	Hunan Junxin Environmental Protection	Энегетика	Казахстан	280 млн.
17.	2025	Ноябрь	China Energy Engineering	Энегетика	Казахстан	150 млн.

На начальных этапах реализации инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) ключевые энергетические проекты фокусировались преимущественно в сфере добычи и первичной транспортировки нефти, природного газа и угля. Это приводило к дополнительной консервации углеводородного профиля

национальных хозяйств стран-реципиентов. В частности, отдельные совместные инициативы в Кыргызстане и Казахстане были жестко ориентированы на модернизацию угольной генерации и поддержку традиционных, экологически емких секторов энергетики.

На новейшем этапе развертывания мегапроекта КНР фиксируется качественное усиление экологической компоненты двустороннего и многостороннего взаимодействия. Интенсификация проектной деятельности в области возобновляемой энергетики, достигшая пиковых показателей в 2024-2025 годах, наглядно отражает процесс имплементации принципов декарбонизации и устойчивого развития в долгосрочную инвестиционную стратегию Пекина. Масштабирование капиталовложений в гелио- и ветроэнергетические комплексы формирует объективные предпосылки для структурной диверсификации национальных энергобалансов государств Центральной Азии. Данная тенденция способствует планомерному сокращению доли твердотопливной (угольной) генерации, минимизации экологических рисков и адаптации макрорегиона к жестким императивам международной климатической повестки.

Следовательно, ретроспективный анализ инвестиционных потоков в топливно-энергетический комплекс региона позволяет констатировать поэтапную трансформацию китайской инициативы. Происходит транзит от утилитарной модели, нацеленной на извлечение и транзит сырьевого потенциала сопредельных территорий, к комплексной парадигме глубокого инфраструктурного и технологического партнерства. Если на исходных рубежах интеграции доминирующим вектором выступало обеспечение ресурсной безопасности самой КНР, то в текущих реалиях ОПОП все в большей степени сопряжено с развитием суверенной энергетической инфраструктуры центральноазиатских республик, стимулированием альтернативной энергетики и созданием институционального фундамента для низкоуглеродного перехода в регионе.

*Верификация через страновые кейсы***.** В рамках ИПП Китай постепенно переходит от финансирования традиционного добывающего сектора к инвестициям в развитие инфраструктуры возобновляемой энергетики в странах Центральной Азии.

Наиболее активно китайские «зелёные» инвестиции реализуются в Казахстане и Узбекистане, которые в последние годы стали ключевыми площадками для развития проектов в сфере ветровой, солнечной и гидроэнергетики, а также систем накопления энергии и экологической инфраструктуры. В Кыргызстане, Таджикистане и Туркменистане также наблюдается отчётливый переход от традиционного энергетического сотрудничества к «зелёной» повестке. Если раньше внимание Пекина в этих странах было сосредоточено на добыче ресурсов или строительстве линии электропередач (ЛЭП), то проекты последних лет показывают стремление решить проблему внутреннего энергодефицита через ВИЭ.

Казахстан занимает центральное место в развитии китайских проектов возобновляемой энергетики в Центральной Азии. Одним из крупнейших проектов является строительство ветроэлектростанции в Экибастузе мощностью 1 ГВт, реализуемое государственной корпорацией State Power Investment Corporation (SPIC). Проект предусматривает также создание системы накопления энергии мощностью 300 МВт, что должно гарантировать выдачу стабильной мощности в Единую электроэнергетическую систему страны [308]. Дополнительно SPIC реализует группу ветроэнергетических проектов в Акмолинской области, которые в перспективе смогут вырабатывать около 809 млн кВт-ч электроэнергии ежегодно. Особое значение данных проектов связано с адаптацией китайских технологий к экстремальным климатическим условиям Казахстана, включая проблему обледенения ветротурбин. Одним из первых крупных проектов ИПП в сфере ВИЭ стала Жанатасская ветровая электростанция мощностью 100 МВт (Жамбылская область), построенная компанией Power China, входящей в состав SPIC. Ожидаемая ежегодная выработка составляет около 350 млн кВт/ч, что позволяет обеспечить электроэнергией более 1 млн домохозяйств. Дополнительным примером расширения ветроэнергетики является Шелекская ВЭС мощностью 60 МВт, реализованная по китайским стандартам проектирования и строительства. Ожидается выработка порядка 225,7–228 млн кВт·ч электроэнергии в год. ВЭС «Шелек» является важным элементом в снижении энергодефицита в южном регионе Казахстана и частью сотрудничества в рамках инициативы «Пояс и путь».

Китайские компании активно участвуют и в развитии солнечной энергетики Казахстана. Значимыми объектами стали Каскеленская СЭС мощностью 50 МВт и Капшагайская солнечная электростанция (100 МВт), построенные компанией Universal Energy. Каскеленская станция, введенная в эксплуатацию в 2020 году, вырабатывает около 80,8 млн кВт-ч электроэнергии ежегодно. Тем временем, Капшагайская СЭС (СЭС Нургиса) введена в эксплуатацию в сентябре 2019 года и вырабатывает около 160 млн кВт-ч электроэнергии в год. Дополнительное значение имеет проект строительства солнечной электростанции с системой накопления энергии в Туркестанской области, реализуемый China Energy Engineering. Ее строительство планируется закончить к 2027 году. Проект предусматривает создание генерации мощностью 300 МВт АС и рассматривается как первый крупный проект формата «солнечная энергия + накопители энергии» в Казахстане.

Среди других объектов следует отметить Shieli Solar Project мощностью 40 МВт, реализуемый компанией China Huadian, а также Тургусунскую ГЭС мощностью 24,9 МВт (район Алтай, ВКО), построенную при участии China Communications Construction Company. Последний проект рассматривается как первый гидроэнергетический объект, реализованный в рамках китайско-казахстанского сотрудничества по линии ИПП.

Дополнительно Казахстан становится площадкой для развития новых направлений экологической энергетики. В частности, 9 апреля 2026 года в

Алматы на базе Казахского национального университета имени аль-Фараби (КазНУ) официально открылся Казахстанско-китайский Центр водородных технологий. Этот проект направлен на развитие «зелёной» энергетики, декарбонизацию экономики и укрепление научно-технического сотрудничества между двумя странами.

В последние годы Узбекистан превратился в одно из ключевых направлений китайских инвестиций и EPC-проектов (engineering, procurement and construction) в сфере возобновляемой энергетики.

Первой крупной солнечной фотоэлектрической станцией (ФЭС) коммунального масштаба в стране стала Навоийская СЭС, построенная компанией PowerChina и введенная в эксплуатацию в 2021 году. Станция ежегодно вырабатывает около 278 млн кВт-ч электроэнергии и рассматривается как важный этап развития солнечной энергетики Узбекистана. Одним из крупнейших проектов последних лет является Ташкентский проект «солнечная энергетика + накопители энергии», реализуемый China Energy Engineering. Проект включает солнечную генерацию мощностью 200 МВт и систему хранения энергии объёмом 500 МВт-ч, что позволяет обеспечивать электроэнергией около 100 тыс. домохозяйств. Этот проект является частью масштабной инициативы по модернизации энергетической инфраструктуры Узбекистана, направленной на увеличение доли возобновляемых источников энергии и укрепление стабильности энергосети.

Среди крупных ветроэнергетических проектов выделяется Зарафшанская ВЭС мощностью 500 МВт, где Power China выступает подрядчиком строительства, а китайская компания Goldwind поставляет ветротурбины. В декабре 2024 года сообщалось о подключении всех 106 из запланированных 111 турбин к сети. Проект обеспечивает электроэнергией около 500 тыс. домохозяйств и предотвращает выбросы 1,1 млн тонн углекислого газа в год.

Дополнительным примером является проект - Джизакский фотоэлектростанция с мощностью 500 МВт, реализуемый компанией China Huadian. China Huadian Corporation и China Electrical Equipment инвестируют в строительство данного проекта 288 млн. долларов США. Ожидается, что ежегодная выработка станции превысит 1.1 млрд кВт-ч, а электроэнергией будут обеспечены около 400 тыс. жителей.

Кроме того, китайские компании активно участвуют и в модернизации гидроэнергетической инфраструктуры Узбекистана. Power China реализует проекты реконструкции Нижне-Бозсуйской ГЭС (Ташкентская область) и других гидроэлектростанций, что позволило значительно увеличить их генерирующие мощности. В рамках модернизации ГЭС-19, ГЭС-22 и ГЭС-23 суммарная мощность объектов увеличится с 27,4 МВт до 32,4 МВт, что обеспечит прирост в 5 МВт. Ожидается, что после обновления станции будут вырабатывать дополнительно 52,8 млн кВт-ч электроэнергии ежегодно. Также планируется, что модернизация Шахриханского каскада ГЭС увеличит мощность каскада с 7,6 МВт до 16,4 МВт (более чем два раза). Проекты включают замену устаревшего

оборудования на современное, что повышает надёжность, безопасность и экологичность производства электроэнергии.

Для Кыргызстана китайские инвестиции в сектор ВИЭ становятся важным инструментом смягчения хронического дефицита электроэнергии. Одним из наиболее значимых проектов является строительство мусороперерабатывающего и энергетического комплекса в Бишкеке компанией Hunan Junxin Environmental Protection. Проект предусматривает переработку до 1000 тонн отходов в сутки и ежегодную генерацию около 146 млн кВт-ч электроэнергии [309]. Данный объект рассматривается как первый крупный проект мусорной энергетики в Центральной Азии. В противовес традиционной угольной генерации, данный проект в сфере утилизации твердых коммунальных отходов (технология Waste-t0-Energy) Ориентирован на конвертацию бытового мусора в экологически чистую электроэнергию посредством высокотехнологичного и экологически безопасного сжигания. Вырабатываемый ресурс интегрируется в единую энергосистему Кыргызской Республики, что позволяет частично компенсировать дефицит мощности в периоды пиковых зимних нагрузок и бесперебойно обеспечивать нужды как промышленных потребителей, так и населения. Данный прецедент наглядно иллюстрирует эволюцию подходов в рамках инициативы ОПОП: смещение фокуса на концепцию «малых, но эффективных» («небольших, но умных») зелёных проектов позволяет точечно решать острые урбанистические проблемы сопредельных государств, переведя двустороннее сотрудничество в плоскость утилитарных повседневных потребностей общества [310].

Параллельно с этим на кыргызском направлении фиксируется активизация масштабных инвестиционных инициатив КНР в сфере возобновляемой энергетики. Совокупный объём заявленных китайским бизнесом обязательств по финансированию гелио- и ветрогенерации в республике приближается к 1 млрд долларов США при целевой суммарной мощности проектов в диапазоне от 700 МВт до 1 ГВт (с выраженным приоритетом в пользу солнечных электростанций). Ключевыми операторами в данном секторе выступают такие транснациональные компании, как China Energy Engineering и Shenzhen Energy Group. Показательным шагом в развитии этого партнёрства стало подписание соглашения между Министерством энергетики Кыргызской Республики и Shenzhen Energy Group о проектировании, строительстве и последующей эксплуатации объектов солнечной (300 МВт) и ветровой (300 МВт) генерации, хотя окончательная пространственная локализация данных мощностей пока находится на стадии согласования.

Также было подписано соглашение с Anhui Guanda Mining Investment о строительстве и эксплуатации солнечной электростанции мощностью 300 МВт вблизи села Ак-Татыр в Баткенской области.

Китайские компании также расширяют присутствие в секторе малой гидроэнергетики, что позволяет Кыргызстану использовать собственный водный потенциал без необходимости реализации крупных гидротехнических проектов.

Несмотря на традиционную зависимость Таджикистана от гидроэнергетики, в последние годы Китай содействует диверсификации энергетического баланса страны за счёт развития солнечной и ветровой энергетики. Китайская сторона участвует в реконструкции Головной (Сарбандской) ГЭС, где модернизация должна увеличить мощность станции с 240 до 286 МВт. Проект по реабилитации, включающий замену оборудования, направлен на повышение эффективности и мощности станции. По данным на 2024-2026 годы, проект модернизации реализуется при значительном участии Power China и финансировании Азиатского банка развития (АБР).

В марте 2026 года начались обсуждения строительства солнечной электростанции мощностью 500 МВт в Хатлонской области совместно с китайской компанией CETC. Предполается, что данный проект поможет решить проблему с энергодефицитом в Хатлонской области, особенно в зимний период. Дополнительным направлением сотрудничества стало развитие свободной экономической зоны (СЭЗ) «Пяндж», где был подписан меморандум с компанией Eging PV Technology о строительстве солнечной электростанции. Первый этап проекта продемонстрировал мощность 200 МВт, если общая мощность проекта при реализации всех четырёх этапов может составить до 1,5 ГВт. Реализация проекта направлена на диверсификацию источников энергии в Таджикистане так, как 98% генерации приходится на ГЭС. Также реализация проекта нацелена на покрытие дефицита электроэнергии в зимний период.

Туркменистан на протяжении длительного времени оставался преимущественно газовым партнёром Китая, однако в 2025-2026 гг. начали проявляться признаки постепенного перехода к «зелёной» энергетической повестке.

В начале мая 2026 года появилась информация о переговорах между туркменскими властями и компанией Power China относительно строительства солнечных электростанций общей мощностью 300 МВт. Наряду с этим экологическая составляющая начинает интегрироваться и в традиционный энергетический сектор. В частности, в рамках четвертой фазы освоения месторождения «Галкыныш» китайская компания CNPC внедряет технологии более экологичной очистки газа от кислой среды так, как месторождение известно высоким содержанием сероводорода. Внедряемые методы соответствуют концепции «Зелёного шёлкового пути» так, как включают не только очистку газа, но и экологически чистые технологии борьбы с ветровой эрозией почв, закрепление песков в зоне проведения работ.

Представленные проекты позволяют сделать вывод о том, что ИПП играет важную роль в решении энергетических и экологических проблемы Центральной Азии. Однако влияние инициативы рассматривать как сложный и многогранный процесс, сочетающий как положительные эффекты, так и ряд структурных ограничений. Одним из ключевых результатов китайского участия стало расширение генерирующих мощностей стран региона. Реализация гидроэнергетических, солнечных и ветровых проектов позволила увеличить объем внутреннего производства электроэнергии и частично снизить нагрузку на

устаревшую энергетическую инфраструктуру. В практической плоскости модернизация каскадов ГЭС в Узбекистане и Таджикистане наряду с форсированным строительством масштабных гелиостанций в Узбекистане способствует существенному сглаживанию проблемы сезонного дефицита генерирующих мощностей.

Не менее важное значение имеет диверсификация национальных энергобалансов государств Центральной Азии. Исторически энергосистемы республик функционировали в условиях жёсткой привязки к моноресурсному фактору: электроэнергетика Казахстана базировалась на угольной генерации, Туркменистана и Узбекистана – на сжигании природного газа, в то время как энергообеспечение Кыргызстана и Таджикистана почти полностью определялось гидроэнергетическим потенциалом. Внедрение в этот сектор солнечной и ветровой генерации, а также запуск технологических решений по утилизации твёрдых бытовых отходов (*Waste-to-Energy*) закладывают основу для формирования устойчивой многокомпонентной и сбалансированной структуры регионального энергоснабжения.

Интеграция в рамках инициативы «Один пояс, один путь» (ОПОП) выступает драйвером низкоуглеродной трансформации макрорегиона. Направленные инвестиционные потоки в сектор ВИЭ позволяют планомерно снижать долю высокоуглеродных энергоносителей в национальных корзинах потребления. Дополнительным стабилизирующим фактором здесь выступает модернизация существующих гидротехнических сооружений и интеграция современных систем накопления и хранения энергии (промышленных накопителей), существенно повышающих общую эффективность и нивелирующих нестабильный характер выдачи мощности альтернативными источниками.

Ключевым аспектом китайского присутствия является его финансово-технологический формат. Для большинства центральноазиатских экономик реализация зелёного перехода сопряжена с критическим дефицитом внутренних финансовых ресурсов и отсутствием доступа к передовым технологическим решениям. Китайские институты развития, государственные финансовые консорциумы, энергетические корпорации и генеральные подрядчики (работающие по схеме *EPC* – проектирование, закупки, строительство) обеспечивают не только проектное финансирование, но и комплексное технологическое сопровождение. Этот процесс неизбежно влечёт за собой трансфер и укоренения китайских отраслевых стандартов, а также подготовку пула квалифицированных национальных кадров для обслуживания создаваемых объектов.

Тем не менее энергетический транзит в рамках ОПОП не лишён внутренних противоречий и носит амбивалентный характер. В большинстве государств региона угольная и газовая генерация по-прежнему сохраняет доминирующие позиции. Более того, Пекин продолжает финансировать и реализовывать проекты в газовом сегменте, который на текущем этапе рассматривается участниками как безальтернативный переходный источник энергии.

Серьёзным системным барьером остаётся критический уровень амортизации региональных распределительных электросетей, взведённых преимущественно в рамках советской Единой энергосистемы. Масштабная и быстрая интеграция нестабильной ветровой и солнечной генерации в изношенные сетевые интерфейсы сопряжена с рисками аварийного дисбаланса и может поставить под угрозу бесперебойность энергоснабжения.

Таким образом, инициатива «Один пояс, один путь» выступила в качестве мощного катализатора и институционального акселератора преобразований в энергетической архитектуре Центральной Азии.

Это непосредственно помогло странам Центральной Азии справиться с дефицитом энергии и, обеспечивая надёжное и новое электроснабжение, поддержало экономическое развитие и улучшило условия жизни людей.

Это эффективно способствовало преобразованию окружающей среды. Благодаря широкомасштабному внедрению энергии ветра, фотоэлектрической энергии и технологическому преобразованию гидроэнергетики, это помогло этим странам преодолеть некоторые традиционные стадии промышленного загрязнения и напрямую перейти к более чистой энергетической структуре.

Однако это не может решить всех проблем. Серьёзные проблемы (такие как общая модернизация энергосистемы, реформа механизма ценообразования на энергоносители и координация трансграничных водных ресурсов) по-прежнему требуют от стран Центральной Азии собственных долгосрочных стратегий и более всестороннего сотрудничества с международным сообществом (включая Китай).

Другими словами, без проектов и инвестиций в рамках инициативы темпы преобразования энергетики в странах Центральной Азии будут медленнее, а проблема нехватки электроэнергии станет более острой. В этом смысле, благодаря этой инициативе, Китай стал незаменимой и активной силой в регионе для решения энергетических и экологических проблем.

Цифровой разрыв и технологическая периферийность региона

Наряду с энергетическим дефицитом и противоречиями экологического перехода страны ЦА с ещё одной системной проблемой, которая напрямую влияет на их способность к модернизации и устойчивому развитию. Речь идёт о цифровом разрыве и технологической периферийности региона. Если энергетическая инфраструктура определяет базовые условия промышленного и социально -экономического развития, о цифровая инфраструктура сегодня становится ключевым условием включенности государств в глобальную экономку, международные рынки знаний, технологии, финансы и коммуникации. Цифровой разрыв напрямую влияет на способность центральноазиатских стран модернизировать и цифровизировать экономику.

Поэтому пятой проблемой является технологическое отставание и цифровой разрыв в Центральной Азии, являющимся одним из самых серьёзных структурных проблем для региона. В условиях четвертой промышленной революции доступ к скоростному интернету и современным технологиям

становится таким же критическим фактором, как доступ к воде или электроэнергии.

Развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю, зависят от соседних и прибрежных государств в плане доступа к подводным кабелям и международной пропускной способности интернета. Центральная Азия является единственным регионом в мире, где несколько государств не просто не имею выхода к морю, но и отделены от него территориями других таких же стран (double land-locked). В глобальном контексте, где 95% трансграничной передачи интернет-данных осуществляется по подводным кабелям, проложенным на морском дне, отсутствие выхода к морю обуславливает абсолютную зависимость от соседних государств. Зачастую стоимость информационно-коммуникационных технологий в развивающихся странах, не имеющих выхода к морю, относительно высока. Потому что подводные интернет кабели выходят на побережья, поэтому такие страны не могут подключиться к ним напрямую. Им приходится передавать международный трафик через соседние государства, что означает дополнительные наземные участки сети, больше промежуточных узлов, как и правило более высокие тарифы на транзит.

Эмпирические измерения, основанные на данных RIPE Atlas, демонстрируют структурные ограничения цифровой связности Казахстана как государство, не имеющего выхода к морю. Хоть и Казахстан граничит с Каспийским морем, но оно бессточное. Согласно анализу платформы GeoCables, международный интернет-трафик из Алматы часто следует не по географически оптимальным маршрутам, а через удалённые глобальные хабы.

Эмпирические данные фиксируют значительные инфраструктурные искажения при маршрутизации трансграничных информационных потоков. В частности, при установлении соединения между сетевыми узлами Казахстана и Индонезии фиксируется задержка сигнала (пинг) на уровне около 0,334 секунды, что обусловлено транзитом трафика через телекоммуникационные хабы Западной Европы и США до его финального направления в Азиатский регион.

Аналогичная аномалия прослеживается на векторе связи с Японией, где временная задержка составляет порядка 0,334 секунды при расчётном физическом оптимальном параметре в 0,12 секунды. Подобное трёхкратное увеличение протяжённости виртуального маршрута наглядно иллюстрирует «парадокс внутриконтинентальной (landlocked) маршрутизации». Суть данного феномена заключается в том, что в цифровой экономике пространственная близость государств не является определяющим фактором: топология сетей детерминирована не географией, а архитектурой глобального интернета и неравномерным распределением узлов пиринга (прямого обмена интернет-трафиком между операторами без привлечения сторонних транзитных провайдеров) [311]. Поскольку ключевые точки обмена трафиком (IXP – Internet Exchange Points) исторически консолидированы в европейском и североамериканском макрорегионах, информационные потоки между географически сопредельными азиатскими странами вынужденно совершают трансатлантический транзит.

Дополнительное экономическое и геополитическое давление на центральноазиатские республики оказывает необходимость транзита данных через сопредельные государства – в первую очередь Россию, Китай и Иран, что генерирует высокую тарифную наценку на каждую единицу передаваемой информации. На современном этапе международный интернет-трафик Республики Казахстан критически зависит от магистральной инфраструктуры российских операторов (в частности, ПАО «Ростелеком» и АО «Компания ТрансТелеКом»). Это позволяет констатировать сохранение выраженной структурной и технологической асимметрии на уровне глобальной маршрутизации.

Согласно недавней публикации Общества интернет-технологий, почти весь международный интернет-трафик Казахстана почти 95% проходит через российские каналы. Например, в отчете аналитического центра CAPS Unlock, подготовленный совместно с Internet Society показывает высокую степень зависимости интернет-инфраструктуры Казахстана с Россией. Эта зависимость от единой инфраструктуры делает регион уязвимым для потенциальных ограничений или сбоев. Например, санкции против российских транзитных операторов после вторжения в Украину 2022 году продемонстрировали уязвимость такой как, ограничения доступа российских сетей к глобальному интернету потенциально затрагивают и страны Центральной Азии [312]. Казахстан получает основную часть международного интернет-трафика через Россию и одновременно выступает транзитным звеном, обеспечивая связность для Кыргызстана, Туркменистана и Узбекистана. Поэтому, в случае полной изоляции России от глобальной сети Казахстан и зависимые от него соседи могут столкнуться с риском цифровой изоляции. К тому же последствия войны на Украине привели к сокращению денежных переводов, нарушению торговых связей и росту экономической нестабильности в регионе, что негативно отразилось на инвестиционных возможностях стран Центральной Азии в сфере цифрового развития.

Даже там, где цифровые инвестиции существуют, они не способствуют экономическому росту. Развитие ИКТ оказывает негативное и статистически значимое влияние на рост ВВП на душу населения в странах Центральной Азии, не имеющих выхода к морю. Это связано со слабой цифровой готовностью, низким уровнем распространения производственных технологий на основе ИКТ и институциональными барьерами, препятствующими эффективному использованию цифровой инфраструктуры.

Пандемия Covid-19 стала катализатором цифровизации во всем регионе, однако ускорение носило неравномерный характер. Общие структурные барьеры включают цифровое неравенство, слабую ИКТ-инфраструктуру, высокую стоимость интернета, недостаток цифровых навыков и низкий уровень доверия к электронным сервисам. Эти факторы ограничивают спрос на электронное правительство и воспроизводят разрыв между странами.

Также одной из проблем цифровизации является расхождение в уровне электронного правительства, например Казахстан вошёл в топ 25 стран по

уровню развития электронного правительства согласно рейтингу ООН 2024 года (Таблица 6), в то время как Таджикистан падает в мировых рейтингах (123 место) [313]. В Центральной Азии наблюдается асимметричное развитие цифрового государственного управления: Казахстан и, в меньшей степени Узбекистан формируют группу лидеров, тогда как Кыргызстан и Таджикистан демонстрируют более низкие показатели, что усиливает внутрирегиональное цифровое неравенство. Это отражает не только пробелы в инфраструктуре, но и проблемы управления, институционального потенциала и политической воли.

Экономики стран ЦА остаются преимущественно сырьевыми. Низкий уровень автоматизации производства не позволяет конкурировать на мировых рынках по себестоимости и качеству. Без внедрения интернет вещей (IoT) и больших данных промышленность рискует навсегда остаться в «прошлом веке». Ключевым узким местом остаётся недостаточно развитая информационно-коммуникационная инфраструктура, которая доказывает, что уровень развития ИКТ в регионе в целом ниже среднемировых показателей, а проникновение цифровых технологий в бизнес-сектор остаётся ограниченным. Существенным фактором выступает также выраженный цифровой разрыв между городскими и сельскими территориями.

Таблица 6 - Развивающиеся страны, не имеющие выхода к морю, с самыми высокими значениями Индекс развития электронного правительства (ИРЭП)

Country	Rating class	EGDI Rank	Sub-Region	OSI value	HCI value	TI value	EGDI (2024)	EGDI (2022)
Kazakhstan	V3	24	Central Asia	0.9390	0.8403	0.9235	0.9009	0.8628
Mongolia**	V2	46	Eastern Asia	0.8222	0.7775	0.9374	0.8457	0.7209
Arnenia**	V2	48	Western Asia	0.7922	0.8561	0.8782	0.8422	0.7364
Uzbekistan**	V1	63	Central Asia	0.7648	0.7580	0.8769	0.7999	0.7265
Republic of Moldova**	V1	70	Eastern Europe	0.7264	0.7776	0.8118	0.7719	0.7251
Azerbajan**	V1	74	Western Asia	0.7386	0.7233	0.8203	0.7607	0.6937
Kyrgystan	HV	78	Central Asia	0.6072	0.7061	0.8815	0.7316	0.6977
Paraguay	HV	80	South America	0.6712	0.7093	0.7947	0.7251	0.6332
Noth Macedonia	HV	84	Southeren Europe	0.6642	0.7023	0.7586	0.7070	0.7000
Bolivia	H3	99	South America	0.5987	0.6876	0.7089	0.6651	0.6165
Bhutan	H3	103	Southeren Asia	0.5886	0.5478	0.8169	0.6511	0.5521
Botswana	H2	112	Southeren Africa	0.3985	0.5719	0.8649	0.6118	0.5495
Eswatini*	H2	113	Southeren Africa	0.4557	0.5836	0.7851	0.6081	0.4498
Rwanda	H2	118	Eastern Africa	0.8207	0.5467	0.3724	0.5799	0.5489
Nepal	H2	119	Southeren Asia	0.4481	0.5210	0.7653	0.5781	0.5117
Tajikistan	H1	123	Central Asia	0.4476	0.6531	0.5810	0.5606	0.5039
Zambia	H1	130	Eastern Africa	0.4958	0.6225	0.5088	0.5424	0.5022

Исследователи из Центра стратегии развития Узбекистана Ф. Хакимов и Ш. Алимбеков подтверждают, что цифровая трансформация в Центральной Азии развивается неравномерно, несмотря на наличие национальных стратегий

цифровизации во всех странах региона. Например, в трех из пяти стран региона носят название «Цифровая стратегия»: «Цифровой Казахстан» 2018-2022, «Цифровой Кыргызстан» 2019-2023 и «Цифровой Узбекистан – 2030», в то время как Таджикистан и Туркменистан интегрируют цифровую повестку в более широкие стратегии развития, что уже отражает институциональную асимметрию.

Как отмечается в аналитическом отчёте при координации и поддержке от Международного центра инноваций в сфере высшего образования под эгидой ЮНЕСКО (Шэньчжэн, Китай), дефицит инвестиций, технологий и квалифицированных кадров существенно замедляет цифровизацию. За исключением Казахстана, страны региона испытывают серьёзные финансовые ограничения, что сказывается как на модернизации технологической базы, так и на подготовке специалистов. Система высшего образования также ограничена в доступе к современным цифровым решениям, что снижает потенциал формирования человеческого капитала.

Заключение данной главы логично подводит к комплексному и в определённой степени критическому анализу, как инструмента повышения связности, её воздействие на структурные проблемы Центральной Азии носит ограниченный и неоднозначный характер.

Проведённый анализ показывает, что главные проблемы Центральной Азии имеют глубокие корни и складываются из особенностей её географии, устройства государственных институтов и исторического прошлого. Отсутствие прямого выхода к морю создаёт базовую уязвимость, которая выражается в сильной зависимости от стран-транзитёров, высоких транспортных расходах и трудностях при выходе на мировые рынки. Эту ситуацию усложняют нехватка современных дорог и политические разногласия вокруг транспортных маршрутов, из-за чего создание надёжных коридоров становится не просто экономической, но и важнейшей стратегической задачей. В то же время дефицит денег и технологий доказывает, что барьеры для развития региона связаны не с отсутствием ресурсов, а с тем, что местные экономики не могут эффективно освоить внешние инвестиции. Опыт подтверждает, что сам по себе приток иностранного капитала, даже в рамках инициативы «Пояс и Путь», не приводит автоматически к промышленному росту или получению новых технологий, а иногда лишь закрепляет неравенство в отношениях с сильными партнёрами.

Ситуацию усугубляет сильная зависимость от экспорта сырья. В условиях слабых законов и неэффективного управления природные богатства не становятся двигателем устойчивого роста. Напротив, они делают регион беззащитным перед мировыми кризисами и изменениями цен на глобальном рынке. Это подчёркивает, насколько важна роль сильных государственных и правовых институтов, способных превратить ресурсный потенциал в реальные экономические успехи. Энергетический сектор региона наглядно подтверждает это, сочетая в себе огромные запасы сырья и постоянную нехватку электричества. Изношенные сети, неравномерное распределение ресурсов по странам и рост внутреннего потребления создают хронический дефицит энергии,

который тормозит бизнес и вызывает недовольство населения. При этом переход на зелёную энергетику усложняется спором между необходимостью прямо сейчас обеспечивать энергетическую безопасность и долгосрочными целями по снижению вредных выбросов.

Ещё одним барьером становится цифровое отставание, которое фактически повторяет географическую изоляцию, но уже в интернете. Полная зависимость от чужих кабельных сетей для передачи данных, дорогая связь и внутренние административные ограничения мешают строить современную цифровую экономику и снижают конкурентоспособность региона в эпоху технологических изменений. В итоге можно сделать главный вывод исследования: внешние проекты по строительству дорог и инфраструктуры, включая «Пояс и Путь», действительно помогают снизить текущие расходы бизнеса и частично компенсировать географическую удалённость региона. Однако они не способны устранить внутренние причины его отставания. Более того, при определённых условиях такие инициативы могут лишь усилить зависимость региона и оставить его на вторых ролях в мировой экономике. Центральный аналитический итог диссертации заключается в том, что реальный полезный эффект от любых внешних проектов зависит не от объёма вложенных денег, а от способности самих стран Центральной Азии подстроить эти инвестиции под свои внутренние нужды. Главными факторами успеха здесь выступают сильные государственные институты, развитие образования и человеческого капитала, общая экономическая политика и готовность соседних республик к реальному сотрудничеству друг с другом.

Следовательно, связность должна рассматриваться не как самоцель, а как инструмент, эффективность которого зависит от глубинных внутренних преобразований. Без институциональной модернизации, развития производственного потенциала и устранения структурных дисбалансов даже наиболее масштабные инфраструктурные проекты не приведут к устойчивой экономической трансформации региона.

Таким образом, цифровой разрыв в ЦА имеет не только технологический, но и геоэкономический характер. Логика географической изоляции воспроизводится ужу в цифровом пространстве, усиливает зависимость от внешних маршрутов, ограничивает развитие инноваций, электронной торговли, искусственного интеллекта и цифрового государственного управления и заключается в том, что участие в Инициативе Пояс и Путь создаёт инфраструктурную связанность, но не устраняют проблемы технологической периферийности.

Выравнивание цифрового разрыва и технологическая модернизация «Цифрового Шёлкового пути»

Анализ энергетической составляющей ИПП показывает, как китайские технологии меняют энергетическую карту региона. Однако без цифровизации и современных скоростных магистралей невозможно запустить проекты и в целом реализовать Инициативу Пояс и Путь. Поэтому логично рассмотреть технологии и влияние ИКТ-инфраструктуры Пекина. Вопрос заключается в том, помогает ли

китайский проект Цифровой Шёлковый Путь выровнять дисбаланс или превращает регион в рынок сбыта для китайского оборудования.

Механизм верификации. Модель двухфакторная модель интеграции. Для оценки реального влияния ИПП в диссертации используются два индикатора: инновационно-технологическую интенсивность (№7) и социально-политическую реакцию (№ 6).

Данные по показателю 7 свидетельствуют о том, что Китай превращается из «экспортёра углеродоёмких технологий» в «драйвера региональной декарбонизации и цифровизации». В рамках инициативы «Цифровой шёлковый путь» (ЦШП) китайские компании с 2013 года выделили более 17 миллиардов долларов США на проекты в рамках ЦШП, в том числе не менее 7 миллиардов долларов США в виде кредитов и прямых иностранных инвестиций на строительство оптоволоконных кабелей и телекоммуникационных сетей. Китайские государственные банки предоставили таким компаниям, как ZTE и Huawei, льготные кредитные линии, которые позволяют им предлагать оборудование на 30-40% дешевле, чем западные поставщики. Например, сделка по поставке оборудования между Uzmobile и Huawei была поддержана кредитом Китайского банка развития (Узбекистан), сумма которого составляет 100 млн долларов США. Это ценовое преимущество особенно важно в Центральной Азии, где внутренние рынки капитала и потоки западных инвестиций не продемонстрировали готовности финансировать критически важную цифровую инфраструктуру с той скоростью и в тех масштабах, требуется региону.

Это и есть потенциал предложения для решения проблемы технологической отсталости, и в настоящее время ни один другой игрок не может сравниться с Китаем по масштабу и скорости реализации подобных проектов. По оценкам Азиатского банка развития, ежегодный дефицит финансирования инфраструктуры в Азии составляет более 900 млрд долларов.

Однако показатель №6 указывает на критическое ограничение со стороны спроса: отношение общества к технологическим решениям в Центральной Азии неоднородно. В Казахстане из-за земельных протестов и негативной реакции общественности на масштабное присутствие китайских предприятий настороженное отношение к «китайскому технологическому присутствию» является структурно обусловленным. В Кыргызстане конфликты на горнодобывающих предприятиях, принадлежащих Китаю, и отмена крупных проектов, финансируемых Китаем, из-за протестов местного населения показывают, что обеспокоенность общественности «потери суверенитета» часто перевешивает представления о краткосрочных экономических выгодах. Даже самые технологически продвинутые решения такие, как сети 5G, «умные» электросети, трансграничные центры обработки данных могут столкнуться с задержками в реализации или полным провалом, если не будут пользоваться поддержкой общества.

Верификация через страновые кейсы. Анализ показывает, что страны региона по-разному справляются с интеграцией цифровых решений. *Казахстанская модель* представляет модель институциональной локализации.

В условиях социальной напряжённости и синофобии (земельные протесты 2016 года, протесты против строительства китайских заводов, провели публичные митинги в трех городах Казахстана, требуя запретить планы по переносу китайских заводов в Казахстан. В 2025 году Казахстан значительно ужесточил регулирование иностранной рабочей силы, усилив квоты на привлечение зарубежных сотрудников, требования к локализации кадров и контроль за трудовой миграцией, что отражает стремление государства минимизировать зависимость от внешней рабочей силы при сохранении притока китайских инвестиций в рамках ИПП. Практика обязательного найма 70-90% местных работников, усложнение процедур получения разрешений на работу и необходимость адаптации китайских компаний к казахстанскому трудовому и миграционному законодательству демонстрируют, что локализация кадров становится ключевым инструментом институционального регулирования китайского экономического присутствия в Центральной Азии.

Узбекистан демонстрирует модель трансфера компетенций, когда предлагает структурно благоприятную социально-политическую среду и благоприятную модель технологической интеграции в регионе. При президенте Ш. Мирзиёеве цифровая трансформация стала государственным приоритетом, особенно после объявления 2020 года «Годом науки, образования и цифровой экономики». В отличие от исключительно инфраструктурных подходов, сотрудничество Узбекистана с Китаем все больше ориентируется на образование, развитие рабочей силы и технологическую подготовку кадров. Сотрудничество Huawei с Ташкентским университетом информационных технологий (ТУИТ) открыло новые возможности для молодых узбекских студентов, кульминацией которого стал запуск в 2017 году инициативы «Семена для будущего» - систематической работы по улучшению качества образования, имиджу компании и наращиванию мягкой силы с помощью образования. Huawei также подписала Меморандум о взаимопонимании с Узбекистаном, направленный на расширение существующих академий ИКТ в стране, при этом сотрудничество сосредоточено на обучении молодых талантов в таких областях, как искусственный интеллект, 5G, облачные вычисления и смежные области информационных технологий (ИТ). Впоследствии Huawei приняла участие в качестве ключевого участника в выставке ICT EXPO 2023 в Ташкенте, включая форумы по искусственному интеллекту, инвестициям в ИТ-сектор и Центральноазиатский саммит по IPv6.

Как ранее сообщало издание Times of Central Asia, китайские инвестиции в Джизак продолжают расти. В июне 2024 года президент Шавкат Мирзиёев открыл технопарк в Зааминском районе, где китайские фирмы финансируют 30 проектов общей стоимостью 1,2 миллиарда долларов. Ожидается, что в результате строительства будет создано более 5000 рабочих мест.

Целенаправленное использование правительством Узбекистана партнёрских отношений с Китаем в качестве инструмента развития человеческого капитала, а не концессий на инфраструктуру, превращает коэффициент локализации из показателя рабочей силы в инструмент передачи знаний, что, возможно, является наиболее значимым социально-политическим

вкладом в преодоление цифрового разрыва. Поскольку население, обученное управлять и в итоге адаптировать китайскую цифровую инфраструктуру, начинает производить технологии, а не просто потреблять их.

Кыргызскую модель называют социальным блоком, так как ситуация с технологической интеграцией нестабильная. Общественные протесты против китайской экономической активности неоднократно нарушали реализацию проектов ИИП. Ярким примером серьёзного недовольства китайским присутствием в регионе стали события августа 2019 года на золотом руднике Солтон-Сары в Кыргызстане, которым управляет компания *Zhong Ji Mining*. Местные жители начали открыто жаловаться на экологические проблемы, обвинив предприятие в загрязнении окружающей среды и массовой гибели скота. В итоге это привело к открытым столкновениям между кыргызскими гражданами и китайскими рабочими, в которых пострадали десятки человек.

Ещё одним важным случаем, показавшим силу общественного протеста, стал отказ правительства Кыргызской Республики в 2020 году от строительства крупного логистического центра в Ат-Башинском районе. В этот объект планировалось вложить около 275 миллионов долларов США, но из-за массовых митингов проект пришлось полностью свернуть. Данное событие вошло в новейшую историю региона как один из самых заметных примеров того, как протесты обычных граждан могут останавливать крупные экономические планы Пекина в рамках Инициативы «Один пояс, один путь».

Все эти примеры наглядно показывают, что у населения накопилось много страхов, связанных с угрозой экологии, несправедливым распределением доходов от инвестиций и потерей независимости. В результате в обществе сформировалось устойчивое мнение, что китайские инфраструктурные проекты создаются в первую очередь для обслуживания личных интересов самого Китая, а не для развития принимающих стран.

Это имеет прямые последствия для цифровой инфраструктуры. Широкополосные сети, облачные центры обработки данных или системы «умных городов» воспринимаются как инструменты китайского вторжения, а не как инструменты национального развития, их внедрение сталкивается с системным сопротивлением и требует долгосрочного институционального доверия и общественной легитимности. Кыргызстан тем самым демонстрирует, что технологическая модернизация не может быть успешной в условиях слабой социально-политической легитимности. Инфраструктура может быть физически построена, но отсутствие общественного доверия препятствует её глубокой институциональной интеграции.

Таджикистан и Туркменистан демонстрируют анклавную модель. Власти Таджикистана и Туркменистана усиливают иммиграционный контроль и вводят строгие ограничения на количество китайских рабочих, которые могут быть наняты на местном уровне, с целью предотвращения распространения антикитайских настроений на их страны.

Тем не менее, общая структурная картина в этих странах по-прежнему характеризуется низким уровнем участия местных работников в проектах ИПП

и закрытой анклавной моделью реализации, что означает, что китайские инвестиции в цифровые технологии, какими бы значительными они ни были с точки зрения капитала, не в состоянии обеспечить приток человеческого капитала, который привёл бы к подлинным структурным изменениям. Президент Таджикистана Эмонали Рахмон утвердил квоту на привлечение иностранной рабочей силы в 2026 году, составляющая 5500 человек, что на 500 меньше, чем в 2025 году, что указывает на общую тенденцию к упорядочению. Из установленной квоты почти 62% (около 3400 мест) предназначены для граждан КНР, что подтверждает их особое положение в экономике страны. Квота в основном сосредоточена в Душанбе (на её долю приходится почти 59%) и охватывает конкретные экономические сферы, но инвестиционная деятельность в рамках приоритетных проектов и межправительственных соглашений не подпадает под действие квотных ограничений.

Тем не менее, усиливается контроль за безопасностью и условиями труда на китайских предприятиях (например, на золоторудном комплексе «Зарафшон») из-за социальной напряжённости и жалоб местных рабочих, сообщают Радио Озоди и RFE/RL. Несмотря на ограничения квот, Таджикистан по-прежнему регулирует и диверсифицирует каналы трудовой иммиграции, подписывая документы о международном сотрудничестве в сфере труда (например, в 2024 году был подписан 41 юридический документ с 15 странами, включая Китай).

В общедоступной информации напрямую не упоминаются конкретные квоты Туркменистана или новая политика в отношении китайских рабочих на 2026 год, но в течение длительного времени в стране существовал строгий контроль за иностранными рабочими. Туркменистан вводит строгий валютный контроль и систему выдачи виз, чтобы ограничить законный въезд и проживание иностранных работников. Из-за относительно небольших инвестиций китайских компаний и закрытой политической среды количество китайских рабочих уже ограничено, что ещё больше усиливает фактические ограничения. Таким образом, Таджикистан вводит ограничения посредством чётких квот и отраслевой ориентации, в то время как Туркменистан поддерживает строгий контроль с институциональными барьерами. И то, и другое отражает осторожное и даже ограничительное отношение к иностранным рабочим (включая китайских рабочих).

В Туркменистане производство развито слабо, а экономика менее конкурентоспособна, одного лишь снижения торговых издержек недостаточно для стимулирования местной экономики, и конкуренция за импорт может фактически нанести ущерб доходам, когда первоначальные производственные мощности ниже по сравнению с потенциальными торговыми партнёрами.

Подготовка цифровых кадров китайскими компаниями и университетами в Центральной Азии знаменует собой переход «Цифрового шёлкового пути» на качественно новый этап. Например, матрица кейсов (Приложение 2) наглядно иллюстрирует, как Китай переходит от экспансии физической инфраструктуры к экспансии стандартов, смыслов и человеческого капитала. Пекин больше не ограничивается поставкой оборудования, также он активно формирует

локальную интеллектуальную и операционную среду. Этот процесс имеет ярко выраженный системный характер и несёт в себе как мощный модернизационный импульс.

Кроме того, высокую оценку получают не только крупные проекты, но также проекты, направленные на улучшение условий жизни в рамках Инициативы «Пояс и Путь». Например, в настоящее время в сотрудничестве с Азией, Европой и Африкой построено более 30 мастерских Лубаня, в которых прошли обучение почти 10 000 студентов и более 31 000 человек прошли профессиональную подготовку, что помогло большему количеству молодых людей найти работу. Мастерские Лубан – это центры профессионально-технического образования, где готовят специалистов для работы на новых объектах (энергетиков, логистов, IT-специалистов). Вклад данного аргумента означает, что ИПП формирует человеческий капитал, снижая социальную напряжённость и безработицу. В Таджикистане в городе Душанбе первая мастерская Лубан в Центральной Азии, построенная в сотрудничестве с университетами, стала платформой обмена в сфере профессионального образования между Китаем и Таджикистаном и создала технический узел вдоль ИИП.

В соответствии с потребностями стран-партнёров по совместному строительству мастерских Лубан, также открыла более 70 специальностей таких, как промышленные роботы, новые источники энергии и интернет вещей, чтобы помочь большему количеству местной молодёжи найти работу.

Главным аналитическим выводом здесь является то, что социально-политическая укорененность определяет, приводит ли ИПП к структурной трансформации или же усиливает технологическую зависимость. Цифровой разрыв невозможно преодолеть исключительно за счёт физического расширения инфраструктуры, также необходим постепенный перенос операционных компетенций, технических знаний и институционального контроля к местным акторам.

Основной вывод решения проблемы технологического отставания Центральной Азии перешло из плоскости «накопления капитала» в плоскость «управления знаниями». Сочетание кадрового развития со стороны предложения по шестому индикатору и институциональной зрелости в процессе интеграции по седьмому индикатору превращает ИПП из сугубо инвестиционного проекта в инструмент совместного технологического развития. Только через такой подход, где принимающие страны получают операционную независимость и интеллектуальные ресурсы. Также создаётся фундамент для подлинного партнёрства, гарантирующего технологический суверенитет региона.

3.4 Ограничения Инициативы «Пояс и Путь» в Центральной Азии

Несмотря на то, что Инициатива «Пояс и Путь» (ИПП) является важным инструментом для укрепления транспортной связности и решения некоторых структурных проблем в Центральной Азии, тем не менее её влияние получается ограниченным и неоднозначным. Инициатива в Центральной Азии сталкивается со структурными, институциональными, геополитическими и социальными ограничениями, которые снижают её эффективность.

«К середине 2020-х годов экономическая роль Китая в Центральной Азии перешла на этап качественного доминирования. Как подкеркивается в исследовании, «КНР перестал быть просто альтернативным сточником финансирования, превратившись в главного архитектора региональной инфраструктуры и «инвестора последней надежды» для стран с ограниченным финансовыми взможностями». Подтверждением этого является рекордный совокупный товарооборот, достигший 106,3 млрд долларов США по итогам 2025 года».

Структурные и географические ограничения.

Географическое положение Центральной Азии, не имеющей выхода к морю, одновременно является как обоснованием для реализации Инициативы «Пояс и Путь», так и одним из препятствий на её пути. Как отмечается в полном отчёте Всемирного банка, по показателям эффективности логистики, существенным ограничением эффективности ИПП в ЦА остаются структурные логистические проблемы региона, как пространства развивающихся и не имеющих выхода к морю стран. Несмотря на масштабное развитие транспортной инфраструктуры, государства региона продолжают сталкиваться с высокими транзитными издержками, длительными задержками на границах, простоем грузов в портах транзитных государств и фрагментированностью таможенных процедур. Это свидетельствует о том, что инфраструктурное расширение ИПП не сопровождается сопоставимым уровнем институциональной интеграции транспортно-логистических механизмов, что снижает эффективность региональных коридоров.

По оценкам Азиатского банка развития, до 2030 года на модернизацию инфраструктуры в Центральной Азии необходимо ежегодно тратить более 30 млрд долларов, чтобы просто довести регион до стандартов. Эта цифра иллюстрирует огромный разрыв между инвестиционными амбициями и региональными потребностями и подчёркивает, что финансирование в рамках ИПП, хотя и является существенным по-прежнему недостаточно для того, чтобы самостоятельно ликвидировать инфраструктурный дефицит.

Регулярные и торговые барьеры

Наличие физической инфраструктуры не может обеспечить транспортную доступность, если институциональная среда остаётся неэффективной. Анализ Всемирного банка указывает на регулярные барьеры как на ключевое препятствие, отмечая, что «задержки при пересечении границ, обременительные таможенные процедуры и ограничения на прямые иностранные инвестиции, как правило являются более значительными в странах вдоль ОПОП по сравнению с другими регионами». Например, в статье указано, что в Центральной Азии выполнение всех импортных процедур может занимать примерно до 50 дней, но этот срок обычно относится ко всему циклу, который включает в себя: транзит по внешней цепочке поставок, лабораторные испытания и сложные процедуры получения разрешений. Оформление документов на границе может занимать много времени, фактически ежедневное таможенное оформление грузов в Центральной Азии обычно занимает от 1-5 дней.

Раньше таможенные процедуры были бумажными, также разные государственные органы работали несогласованно из-за этого оформление занимало много времени. Позже начались реформы такие, как электронные декларации, инспекции на основе оценки рисков, системы «единого окна» (документы подаются один рази разные ведомства получают доступ одновременно, что снижает бюрократию). Но тем не менее, данные реформы внедрялись неравномерно, так как одни страны продвинулись дальше, а некоторые медленнее. Вместе с этим задержки (узкие места) связаны не столько с расстоянием, сколько с административными проблемами. В основном узкие места появляются из-за ошибок в документе, повторные проверки, отсутствие цифровой координации, долгие проверки на границах.

Собир Курбанов, пишущий для Центра Азиатского и Кавказского регионального центра по экономическому сотрудничеству Всемирного банка, утверждает, что «барьеры для инвестиций, торговли и транзита, установленные пограничными, таможенными и регулирующими органами стран Центральной Азии, часто зачастую делают регион непривлекательным для ведения бизнеса или расширения торговой и инвестиционной деятельности». Он предупреждает, что без устранения этих барьеров страны Центральной Азии извлекут выгоду из ИПП «только как транзитные страны, а не как места назначения для гораздо более крупных инвестиций». Также он отметил, что даже китайские инвесторы, отличающиеся высокой толерантностью к риску, считают, что вести торговлю и инвестировать в Центральной Азии сложно.

Ограниченная экономическая выгода для местного населения

Одним из наиболее часто отмечаемых недостатков является неспособность проектов ИПП приносить широкую экономическую выгоду местному населению. Аналитики, пишущие для платформы «Voices on Central Asia» отмечают, что «китайские проекты сталкиваются с трудностями в достижении того уровня экономического эффекта, который мог бы привезти к созданию большего числа рабочих мест на местном уровне и передаче знаний». Кроме того, «на практике часть выделенных средств теряется из-за коррупции и административной неэффективности, в то время как проекты не подчиняются более высоким стандартам устойчивости и оцениваются в первую очередь по их прибыльности». В гуманитарной оценке ИПП в Центральной Азии, проведённой платформой «За мир и человечество» в 2025 году было установлено, что «значительная часть китайского финансирования идёт китайским компаниям, которые в свою очередь привозят китайское оборудование, ресурсы и рабочую силу, что ещё больше снижает возможности местного населения». В отчёте делается вывод, что «опора на иностранные компании и рабочую силу сокращает возможности для создания местных рабочих мест и развития навыков», что в итоге «усиливает неравенство и увеличивает разрыв между правительствами и их гражданами». Например, таджикские рабочие на управляемом китайцами золотом руднике «Зарафшон» недалеко от Панджакента протестовали против низких зарплат и большого разрыва в оплате труда по сравнению с их китайскими коллегами. Компания отказалась повысить зарплату, предложив

вместо этого небольшие праздничные премии, которые, по словам рабочих, не смогут в достаточной мере облегчить их финансовое бремя.

Зависимость от долга и асимметрия сил

Бывший научный сотрудник экономической программы Центр стратегических и международных исследований (ЦСМИ) Д.Герстел указал, что модель финансирования ИПП, основанная на кредитовании, вызвала широкую озабоченность по поводу устойчивости долга и структурной зависимости. Он сравнил «План Маршалла», в рамках которого помощь выделялась преимущественно в виде грантов, однако ИПП опирается на коммерческие кредиты - зачастую по рыночным или близким к рыночным ставкам, которые необходимо погашать с процентами. В ЦА наиболее высокий уровень долговой зависимости наблюдается у Кыргызстана и Таджикистана, которые входят в группу стран с критическим долговым риском.

Специалисты ЦСМИ утверждают, что Китай через инвестиции в инфраструктуру ИПП в энергетическом и цифровом секторах воспроизводит тот вид структурной зависимости, который Россия использовала для поддержания влияния на бывшие советские государства. Эта «секторальная привязка» создаёт то, что ЦСМИ описывает как «принудительный геополитический рычаг», который Пекин может использовать против ныне независимых государств.

Аналитик из Центра международных отношений и устойчивого развития (ЦМОУР) Таджикистан и Кыргызстан представляют собой наиболее острые случаи. Эти страны оказались «одновременно политически и экономически зависимыми от России и Китая», причём китайская ИПП углубляет, а не диверсифицирует их зависимость. В Таджикистане, как отмечает А. Уолтерс из Академии ОБСЕ, «государство просто навязывает нарратив, который, кажется, почти приветствует возникающую зависимость от китайских инвестиций», в то время как в Кыргызстане «неформальные переговоры приводят к бесплодным попыткам добиться увеличения инвестиций».

Геополитическая конкуренция и институциональное противостояние

Центральная Азия является одним из регионов мира, где разворачивается наиболее острая геополитическая борьба, вместе с этим ИПП реализуется в условиях соперничества внешних интересов. Регион Центральной Азии находится в зоне влияния трех крупных держав таких, как Китай, Россия и США. Геополитические факторы приводят к нестабильности в регионе.

Исследование, опубликованное в журнале Central Asian Survey (2024), характеризует геополитический ландшафт региона как сложное взаимодействие, выходящее за рамки простой бинарной модели «Большой игры», отмечая, что «остаётся неясным, какие тенденции регионализации укоренятся в Центральной Азии на фоне очевидного подъёма Китая».

Крупнейшие мировые державы и международные организации, исходя из своих интересов и соображений региональной стратегии, выдвинули ряд интеграционных проектов, направленных на соединение Евразии через регион Центральной Азии. Среди них наиболее влиятельными являются стратегия США «Новый Шёлковый путь», проект ЕС «Международный транспортный коридор

Европа-Кавказ-Азия», стратегия Японии «Дипломатия Шёлкового пути» и российский «Евразийский экономический союз».

Структура ЕАЭС, в которой доминирует Россия, создаёт институциональное трение с инициативой «Один пояс, один путь». Исследование, опубликованное в 2025 году в журнале «Frontiers in Political Science», показало, что ЕАЭС «в настоящее время не находится на пути к полному созданию единого рынка товаров, услуг, капитала и труда». Даже между Китаем и ЕАЭС «преференциальная торговая зона - самый базовый уровень интеграции - ещё не создана». Государства-члены дополнительно сдерживаются риском вторичных санкций вслед за западными мерами против России: в 2024 году Казахстан, Кыргызстан и Армения по этой причине прекратили работу с российской платёжной системой «МИР».

Эти концепции вызвали у стран Центральной Азии «картографическую тревогу» в отношении пространства для развития, в результате чего они оказались в затруднительном положении при определении своего места и выборе направления развития. Что касается последствий, то страны Центральной Азии действительно извлекли значительную выгоду из активного участия великих держав в делах Центральной Азии, а конструктивная конкуренция и необходимая координация между великими державами также способствуют поддержанию стабильности в регионе.

Китайский экспертный дискурс о внутренних проблемах Инициативы

С точки зрения китайского экспертного дискурса о внутренних проблемах ИИП, как отметил профессор, исполнительный директор Исследовательского центра «Пояс и путь» при Университете Ланьчжоу, Чжу Юнбяо, одним из ограничений эффективности ИПП остаётся недостаточная адаптация китайских проектов к локальным социально-политическим и институциональным условиям Центральной Азии. Он подчеркнул, что из-за нехватки знаний о законодательстве, локальных условиях, культуре и особенностях управления проекты реализуются неэффективно. Ограничения ИПП связаны не только с финансами и инфраструктурой, но и человеческим капиталом. Профессор подчеркнул, что не хватает специалистов по праву, аналитиков, переводчиков и экспертов по региону. Вместе с этим ограничения ИПП в ЦА связаны с недостаточной языковой и межкультурной адаптацией китайских компаний. Китайские авторы отмечают, в силу исторических причин между Синьцзяном и странами Центральной Азии существуют большие культурные и языковые различия, которые затрудняют это. Стороны склонны к недопониманию во взаимопонимании и коммуникативным трудностям при развитии сотрудничества, что сказывается на реализации совместных проектов и осложнять переговоры. Хэ Сюй, эксперт по корпоративной культуре Китайской ассоциации управления строительными предприятиями выделил, что существенным ограничением реализации ИПП в ЦА остаются различия в правовых системах, деловой культуре, и управленческих практиках. Недостаточная адаптация китайских компаний к локальным социально-

культурным условиям осложняют реализацию проектов и снижает эффективность трансграничного сотрудничества.

Вместе с этим один китайский эксперт указывает, что существенным ограничением эффективности ИПП в ЦА является нестабильность институциональной и инвестиционной среды. Он отметил, что основных проблемы, с которыми сталкиваются китайские предприятия при расширении на рынок ЦА в рамках ИПП - это слабость правовых механизмов, бюрократические барьеры, ограниченный доступ иностранных компаний к стратегическим секторам и недостаточная финансовая интеграция, что повышают риски реализации китайских проектов в регионе.

Подводя итог, реализация ИПП в ЦА сталкивается с комплексным рядом структурных, институциональных, социально-экономических и геополитических ограничений, которые не позволяют в полной мере раскрыть её потенциал.

Анализ показывает, что главного акцента на физическое расширение инфраструктуры недостаточно для полноценной транспортной и экономической интеграции. Высокие транзитные издержки, длительные таможенные процедуры и регулярные барьеры нивелируют выгоды от новых логистических маршрутов, оставляя страны региона в роли транзитных территорий, а не конечных направлений для крупных инвестиций.

Кроме того, текущая модель реализации ИПП порождает серьёзные структурные риски для самих государств в Центральной Азии таких, как социально-экономические, финансовые, геополитические и институциональные.

Как признают в том числе и сами китайские исследователи, ситуацию усугубляют социально-культурные и правовые барьеры, нехватка квалифицированных кадров с обеих сторон и недостаточная адаптация китайского бизнеса к локальным условиям управления.

В итоге, для устойчивого развития инициативы необходим переход от количественного наращивания инфраструктуры к гармонизации институциональной среды, прозрачности инвестиций и учёту социально-экономических интересов местного населения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

1. Комплексный теоретико-методологический синтез. Проведённое в рамках первой главы исследование показывает, что для объективной оценки влияния китайской инициативы «Один пояс, один путь» на Центральную Азию необходим синтез подходов западной политической науки и внешнеполитических концепций самого Пекина. Если анализировать ситуацию с точки зрения классических западных теорий, таких как реализм или марксизм, то проект видится как прагматичный план Китая по расширению своего экономического влияния и созданию асимметричной зависимости. Сторонники этих подходов обоснованно предупреждают о рисках консервации сырьевой модели региона. В то же время сам Китай предлагает альтернативный взгляд, опирающийся на концепцию «Тянься» и принципы добрососедской дипломатии, где стабильность обеспечивается не через военное соперничество, а через совместное развитие инфраструктуры и прагматичное партнёрство.

На практике данная инициатива реализуется через конкретные механизмы. Во-первых, Пекин использует стратегию невмешательства во внутренние дела, что позволяет выстраивать эффективную прямую дипломатию с лидерами центральноазиатских государств, обеспечивая им поддержку населения за счёт реальных экономических достижений. Во-вторых, новые транспортные сети помогают странам региона преодолеть географическую изоляцию. Из государств, запертых внутри континента, они превращаются в ключевой сухопутный мост Евразии. В этой архитектуре статус каждой страны напрямую зависит от степени её включённости в логистические и цифровые цепочки, что позволяет местным элитам использовать многовекторную политику для защиты от внешних рисков.

Тем не менее экономический анализ остаётся неполным без учёта идеологического фактора. Систематическое обращение к наследию Великого Шёлкового пути служит мощным инструментом, который помогает легитимизировать коммерческие проекты и управлять общественным восприятием. В итоге синергия реальной экономики и исторических образов доказывает, что оценка китайской инициативы невозможна в рамках упрощённых моделей. Именно такой комплексный подход раскрывает суть происходящих изменений: Центральная Азия постепенно трансформируется из пассивной сырьевой окраины в трансевразийский хаб, способный конвертировать свою географию в действенный инструмент регионального суверенитета.

2. В результате решения данной задачи была разработана и апробирована авторская методология многофакторного измерения, позволяющая перейти от линейного мониторинга инвестиций к многомерному анализу реального влияния Инициативы «Пояс и путь» (ИПП) на преодоление структурных вызовов региона. Научная новизна подхода заключается в оценке Инициативы не как монолитного плана, а как адаптивной франшизы («инклюзивного прагматизма»), инструменты которой Пекин дифференцирует в зависимости от политического

режима, экономического профиля и географического положения стран-участниц.

Для верификации этой трансформации методология предлагает качественную оценку по семи ключевым индикаторам (инвестиции, госдолг, торговый баланс, специализация, институциональное сопряжение, социальная реакция и технологическая интенсивность). Апробация данных индикаторов выявила полярность моделей: если для Казахстана и Узбекистана Китай выступает партнёром по модернизации, диверсификации экономики и декарбонизации через «умную» инфраструктуру (проекты ВИЭ, сети 5G Huawei), то малые экономики «Кыргызстан, Таджикистан) сталкиваются с критическими рисками долговой и импортной зависимости, приводящими к «инфраструктурной ловушке» и конвертации суверенных долгов в сырьевые активы.

Общий научно-теоретический вывод исследования доказывает, что благодаря предложенному инструментарию ИПП из абстрактного проекта превращается измеряемый объект структурной модернизации Евразии. Главным геополитическим результатом этих процессов стало изменение статуса самого региона: Центральная Азия преодолела положение замкнутого пространства или сырьевой периферии и трансформировалась в стратегический транзитный хаб, связывающий рынки Востока и Запада, что принципиально повысило её геополитическую субъектность.

*3***.** Прагматический вывод при Дэн Сяопине, воплощённый в концепции таогуан яньхуэй и Стратегии из двадцати четырёх иероглифов, создал нормативные и институциональные предпосылки для взаимодействия Китая и Центральной Азией ещё до того, как этот регион стал независимым и самостоятельным. Возрождение приграничной торговли и Синьцзяне в 1980-х годах послужило практической лабораторией.

В постсоветский период первоначальный подход КНР был продиктован необходимостью стабилизации Синьцзяна в условиях трансграничного сепаратизма и экстремизма. Готовность Китая пойти на территориальные уступки Казахстану, Кыргызстану и Таджикистану в обмен на политическое согласие по уйгурскому вопросу является ключевым проявлением этой логики.

Переход от формата «4+1» к «Шанхайской пятёрке», к ШОС представляет собой последовательную институциональную стратегию, которая легитимировала региональное присутствие Китая в многосторонних рамках, позволив ему войти в традиционную сферу влияния России без открытой конфронтации.

Интегрировав регион Центральной Азии с помощью транспортных, энергетических и финансовых инструментов, Инициатива «Пояс и путь» 2013 года превратила этот регион из периферийной зоны безопасности в структурный узел евразийской архитектуры Китая.

Государства региона проводили активную стратегию балансирования, однако структурные асимметрии эпохи «Один пояс, один путь» поднимают долгосрочные вопросы об автономии политики.

Общий вывод обобщает трёхэтапную траекторию и доказывает глубокую преемственность стратегической логики Дэн Сяопина на всех этапах.

4. Региональное развитие Центральной Азии фундаментально ограничивается комплексом глубоко укоренившихся структурных проблем, главной из которых выступает географическая изоляция и статус внутриконтинентальных (в том числе и дважды замкнутых) государств. Эта транспортно-логистическая уязвимость запускает устойчивую цепочку негативных экономических эффектов: тотальную зависимость от транзитных соседних государств, колоссальные транспортные издержки и критическое снижение конкурентоспособности национального экспорта на мировом рынке. Ситуация усугубляется дефицитом внутреннего капитала и «ресурсным проклятием», которые консервируют сырьевую модель региона. Несмотря на огромные природные богатства, из-за сформировавшейся рентно-ориентированной структуры страны ЦА очень чувствительны к внешним ценовым перепадам и тем самым блокируется возможность для самостоятельной индустриализации и технологической диверсификации.

Кроме логистических и финансово-экономических трудностей, степень влияния которых на развитие региона крайне высока, Центральная Азия сталкивается с критическими инфраструктурными вызовами, выраженными в «энергетическом парадоксе». Обладая огромными запасами углеводородов и гидроэнергетическим потенциалом, страны региона испытывают хронический дефицит электроэнергии и газа из-за изношенности инфраструктуры советской эпохи и растущего внутреннего спроса. Проблемы в энергетике региона сильно обостряются из-за хрупкой экологии и изменений климата. Эти процессы создают реальную угрозу для водных ресурсов, от которых напрямую зависят и местное сельское хозяйство, и работа гидроэлектростанций.

Вдобавок географическая изоляция Центральной Азии переносится и в интернет-сферу. Из-за того, что регион закрыт внутри континента, его интернет-трафик полностью зависит от кабельных сетей стран-соседей (в первую очередь России). Вместе с высокой стоимостью связи это цифровое отставание мешает странам региона полноценно развивать современные технологии и цифровую экономику.

Если объединить все эти слабые места, можно сделать важный вывод: крупные внешние проекты, такие как китайская Инициатива «Один пояс, один путь», могут лишь частично смягчить проблему изоляции. Они помогают снизить транспортные расходы и упростить торговлю, но не решают главных, внутренних причин отставания региона. Опыт показывает, что сама по себе прокладка новых дорог и приток иностранных денег не гарантируют, что регион автоматически получит новые технологии или сможет уйти от своей сырьевой зависимости.

В условиях дефицита качественных институтов, человеческого капитала и слабой региональной координации, масштабные внешние проекты рискуют лишь усилить новую асимметричную транзитную и долговую зависимость. Таким образом, преодоление системных вызовов зависит не столько от объёмов

привлечённых инвестиций, сколько от внутренней институциональной способности государств трансформировать внешние ресурсы в базу для устойчивого производственного и технологического развития.

5. В результате применения авторской методологии многофакторного измерения установлено, что Инициатива «Пояс и путь» выступает мощным катализатором экономических процессов в Центральной Азии, однако её влияние на преодоление структурных ограничений носит асимметричный характер. Инициатива успешно решает проблему географической изоляции, трансформируя регион из внутриконтинентального тупика в стратегический сухопутный мост Евразии. Мониторинг капиталовложений выявил три модели преодоления этой изоляции: «транзитный узел» (Казахстан), где инвестиции монетизируют географическое положение; «платформа для индустриализации» (Узбекистан), интегрирующая страну в производственные цепочки создания добавленной стоимости; и модель «ростовщика сырья» (Туркменистан), при которой логистика лишь углубляет сырьевую специализацию.

Изучение финансовой стабильности и показателей торговли показало, что одних только внешних стимулов со стороны проекта «Пояс и Путь» мало для того, чтобы регион мог уйти от сырьевой зависимости. Если внутреннее управление в странах остаётся слабым, иностранные инвестиции могут, наоборот, закрепить старые проблемы. Расчёты индексов сравнительного преимущества и торговой дополняемости подтверждают, что Казахстан, Кыргызстан и Узбекистан смогли частично разнообразить свой экспорт. Однако растущий государственный долг перед Китаем создаёт серьёзную угрозу попасть в финансовую и технологическую ловушку. Это особенно актуально для Кыргызстана и Таджикистана, где высокая долговая нагрузка стала критической уязвимостью. При этом разница в успехах интеграции зависит не от количества полученных денег, а от эффективности работы самих государств. Речь идёт об их способности связывать иностранный капитал со своими национальными планами развития (как это делают Казахстан и Узбекистан) или, напротив, о неспособности защитить экономику от жёстких условий кредитования из-за слабого контроля со стороны властей (как в случае с Таджикистаном).

Оценка технологической и энергетической сторон проекта выявила качественные изменения в инвестиционной политике Китая. Пекин постепенно перестаёт быть поставщиком старых, экологически вредных технологий и превращается в один из двигателей зелёной и цифровой модернизации Центральной Азии. В регионе зафиксирован резкий рост китайских вложений в возобновляемые источники энергии, прежде всего в солнечные и ветровые электростанции, что помогает снижать вредные выбросы и смягчать нехватку электричества. В сфере цифровизации главным выводом стало то, что успех технологического обновления в рамках «Цифрового Шёлкового пути» напрямую зависит от одобрения этих реформ обществом и от политики обучения местных специалистов. Преодолеть цифровое отставание невозможно простой покупкой оборудования и готовых систем. Для этого необходимо полноценное обучение

кадров и постоянный обмен опытом, которые превращают проект «Пояс и Путь» в инструмент реального совместного технологического развития.

Анализ динамики индекса выявленного сравнительного преимущества (ВСП) после запуска инициативы «Пояс и Путь» показал, что её влияние на преодоление «ресурсного проклятия» в странах Центральной Азии оказалось неодинаковым. Наиболее заметные изменения произошли в Казахстане, где число экспортных отраслей с выявленным сравнительным преимуществом увеличилось на 116 (+45%). Положительная динамика также наблюдается в Кыргызстане (+29 отраслей) и Узбекистане (+15 отраслей). В то же время сокращение экспортного профиля Таджикистана (на 35 отраслей) и отсутствие существенных изменений в Туркменистане свидетельствуют о том, что одного участия в инициативе «Пояс и Путь» недостаточно. Для получения устойчивого эффекта необходимы внутренние структурные реформы, эффективная промышленная политика и целенаправленное привлечение инвестиций в отрасли с высокой добавленной стоимостью.

Результаты расчётов индекса торговой комплементарности (ИТК) показали высокий уровень взаимодополняемости экономик Китая и стран Центральной Азии. Наибольшие значения ИТК по итогам 2023 года зафиксированы у Казахстана (74,66), Кыргызстана (68,11) и Узбекистана (65,28). Это означает, что структура экспорта этих стран в значительной степени соответствует потребностям китайского рынка. Такая взаимодополняемость способствует развитию торговли, снижению логистических издержек и более эффективному использованию транспортных коридоров, создаваемых в рамках инициативы «Пояс и Путь».

Важным направлением дальнейшего развития сотрудничества становится промышленная кооперация между Китаем и государствами Центральной Азии. Создание совместных индустриальных парков, производственных площадок и логистических центров позволяет странам региона постепенно переходить от роли транзитных территорий к участию в производственных цепочках с более высокой добавленной стоимостью. В результате китайские инвестиции могут использоваться не только для строительства инфраструктуры, но и для развития промышленности, внедрения современных технологий и повышения конкурентоспособности национальных экономик.

Прогнозирование индекса торговой комплементарности (ИТК) на период 2023–2033 гг., выполненное с использованием метода аддитивного логарифмического преобразования (ALR) и экспоненциального сглаживания, показывает сохранение устойчивой тенденции к укреплению торгово-экономического взаимодействия между Китаем и странами Центральной Азии. Полученные результаты свидетельствуют о постепенном переходе от нестабильной динамики прошлых лет к более предсказуемому развитию экономического сотрудничества.

Согласно прогнозу, Казахстан сохранит высокий уровень торговой комплементарности, достигнув значения ИТК 65,9, что подтверждает его ключевую роль как транспортно-логистического узла между Китаем и Европой.

В Узбекистане ожидается рост показателя до 69,0, отражающий дальнейшее развитие промышленного потенциала и более глубокую интеграцию в региональные производственные цепочки. Кыргызстан, согласно прогнозным расчётам, также продемонстрирует положительную динамику (до 66,1), что может быть связано с развитием транспортной инфраструктуры и расширением транзитных возможностей. В то же время прогноз для Таджикистана остаётся более сдержанным (до 54,6), что указывает на сохраняющиеся ограничения, связанные с узкой структурой экспорта и более медленными темпами экономической трансформации.

В целом результаты прогнозирования позволяют сделать вывод, что в ближайшее десятилетие торговая взаимодополняемость между Китаем и ключевыми государствами Центральной Азии сохранится на достаточно высоком уровне. Это свидетельствует о том, что развитие инфраструктуры в рамках инициативы «Пояс и Путь» способствует постепенной адаптации экономик стран региона друг к другу, расширению торговых связей и укреплению долгосрочного экономического сотрудничества.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1 Выступление Си Цзинпина на 25-м заседании совета глав государств-членов ШОС. – URL: https://www.scochina2025.org.cn/ru/n3/2025/0902/c518817-20360735.html . 23.05.2026

2 Президент Касым-Жомарт Токаев выступил на заседании Совета глав государств-членов ШОС. Официальный сайт Президента Республики Казахстана. – URL: https://www.akorda.kz/ru/prezident-kasym-zhomart-tokaev-vystupil-na-zasedanii-soveta-glav-gosudarstv-chlenov-shos-183857 . 23.05.2026

3 Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Узбекистан. 中华人民共和国和乌兹别克共和国建交联合公报.–URL:
https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%92%8C%E4%B9%8C%E5%85%B9%E5%88%AB%E5%85%8B%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%BB%BA%E4%BA%A4%E8%81%94%E5%90%88%E5%85%AC%E6%8A%A5/22282303 .04.12.2025

4 Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой (г. Алма-Ата, 3 января 1992 года).– URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1028951&pos=0;0#pos=0;0. 04.12.2025

5 Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Республикой Таджикистан. 中华人民共和国和塔吉克斯坦共和国建交联合公报.–URL:
https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%92%8C%E5%A1%94%E5%90%89%E5%85%8B%E6%96%AF%E5%9D%A6%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%BB%BA%E4%BA%A4%E8%81%94%E5%90%88%E5%85%AC%E6%8A%A5/22282305 .04.12.2025

6 Совместное коммюнике Китайской Народной Республики и Кыргызской Республики об установлении дипломатических отношений от 5 января 1992 года. 中华人民共和国和吉尔吉斯斯坦共和国建交联合公报.–URL:
https://baike.baidu.com/reference/22282307/533aYdO6cr3_z3kATKDdz675On3BMtj57ODRWrNzzqIP0XOpXturSoMn7NYosPRpWw3evJR2Zc4Bqe6lSBZbv7RQOeJBELh3zCGhRUSbnbPn_9k3nNVBoow .04.12.2025

7 Совместное коммюнике об установлении дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и Туркменистаном 中华人民共和国和土库曼斯坦建交联合公报.–URL:
https://baike.baidu.com/item/%E4%B8%AD%E5%8D%8E%E4%BA%BA%E6%B0%91%E5%85%B1%E5%92%8C%E5%9B%BD%E5%92%8C%E5%9C%9F%E5%

BA%93%E6%9B%BC%E6%96%AF%E5%9D%A6%E5%BB%BA%E4%BA%A4%E8%81%94%E5%90%88%E5%85%AC%E6%8A%A5/22282309 .04.12.2025

8 О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U950002331 .10.11.2025

9 Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Казахстан о китайско-казахстанской границе (Подписано в г. Алматы 26 апреля 1994 года и вступило в силу 11 сентября 1995 года) 中华人民共和国和哈萨克斯坦共和国 关于中哈国界的协定 (1994 年 4月26日签订于阿拉木图并于1995年9月11日生效).URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhgjty/ldbjty/202303/P020230320537155761992.pdf . 10.11.2025

10 Китайская Народная Республика и Республика Казахстан в 1997 году Дополнительное соглашение о границах Китая и Казахстана.– URL: https://www.fmprc.gov.cn/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhgjty/ldbjty/202303/P020230320536762227453.pdf .10.11.2025

11 Протокол между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о демаркации линии казахстанско-китайской государственной границы (г. Пекин, 10 мая 2002 года). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=36400258 . 10.11.2025

12 Соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе (Бишкек, 4 июля 1996 года).– URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30589979 .10.11.2025

13 Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Республики Таджикистан о режиме китайско-таджикской государственной границы– URL: https://share.google/NFrpTd9FmWsnEa1DZ . 07.11.2025

14 О ратификации Договора о добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000420_

15 Joint Communiqué Between the Government of the People’s Republic of China and the Government of the Republic of Uzbekistan (3 ноября 2007 г.) // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China. – URL: https://www.mfa.gov.cn/eng/zy/gb/202405/t20240531_11367182.html .20.10.2025

16 Joint Statement Between the People's Republic of China and the Kyrgyz Republic On Deepening Good Neighborliness, Friendship and Cooperation (20 августа 2007 г.) // Ministry of Foreign Affairs of the People’s Republic of China – URL: https://www.fmprc.gov.cn/mfa_eng/zy/gb/202405/t20240531_11367180.html . 20.10.2025

17 Белая книга «The Belt and Road Initiative: A Key Pillar of the Global Community of Shared Future» . – URL: http://english.scio.gov.cn/whitepapers/2023-10/10/content_116735061_5.htm#:~:text=Strategy%20and%20policy%20coordination%20is,BRI%20cooperation%20agreements%20with%20China .06.09.2025

18 Full Text of Jiang Zemin's Report at 16th Party Congress. – URL: http://www.china.org.cn/english/features/49007.htm#9 .06.09.2025

19 Highlights of China's diplomatic work over the past decade. – URL: https://english.www.gov.cn/ .06.09.2025

20 Important Speech of Xi Jinping at Peripheral Diplomacy Work Conference.– URL: http://en.cciced.net/NEWSCENTER/LatestEnvironmentalandDevelopmentNews/201310/t20131030_82626.html . 06.09.2025

21 专家解读习近平主席在加强互联互通伙伴关系对话会上的讲话 (Эксперты интерпретируют выступление Председателя КНР Си Цзиньпина на Диалоге по укреплению партнерских связей) Central Government.– URL: https://www.gov.cn/xinwen/2014-11/09/content_2776526.htm .06.09.2025

22 Full Text: Historical Witness to Ethnic Equality, Unity and Development in Xinjiang.– URL: https://english.www.gov.cn/archive/201509/24/content_WS64ec0effc6d0868f4e8dee13.html .11.12.2025

23 Соглашение о сотрудничестве между Пограничной службой Кыргызской Республики и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики (Бишкек, 21 сентября 2004 года). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30301560 . 10.11.2025

24 Соглашение о сотрудничестве между Пограничной службой Кыргызской Республики и Министерством общественной безопасности Китайской Народной Республики.– URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30288259&pos=7;-108#pos=7;-108&sel_link=1002155145 . 10.11.2025

25 Соглашение о сотрудничестве между Пограничной службой Кыргызской Республики и Министерством обороны Китайской Народной Республики.– URL: https://share.google/TPdZynKmPhHLqtMUI .10.11.2025

26 Agreement between Russia, Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan and China on Confidence Building in the Military Field in the Border Area.– URL: https://peacemaker.un.org/en/node/9399?utm_source=chatgpt.com. 20.10.2025

27 О ратификации Соглашения между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Российской Федерацией, Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о взаимном сокращении вооруженных сил в районе границы . – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z980000243 .20.11.2025

28 Бишкекская декларация глав государств Республики Казахстан, Китайской Народной Республики, Кыргызской Республики, Российской Федерации и Республики Таджикистан (Бишкек, 25 Августа 1999 года).– URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30243923 .16.11.2025

29 Хартия Шанхайской организации сотрудничества.– URL: https://rus.sectsco.org/20020607/1608561.html . 16.11.2025

30 О ратификации Соглашения между государствами-членами Шанхайской организации сотрудничества о Региональной антитеррористической структуре

31 Полный текст Сианьской декларации саммита "Китай - Центральная Азия".– URL:

https://russian.news.cn/20230519/ee695839ae1746f2817a6cdae02d3f87/c.html. 16.11.2025

32 Договор о вечном добрососедстве, дружбе и сотрудничестве между Республикой Казахстан, Кыргызской Республикой, Республикой Таджикистан, Туркменистаном, Республикой Узбекистан и Китайской Народной Республикой. – URL: https://kz.china-embassy.gov.cn/rus/zhgx/202506/t20250620_11654245.htm . 16.11.2025

33 Перечень зарубежных организаций, запрещённых в РК. – URL: https://egov.kz/cms/ru/articles/religion/zaprewennye_ordanizacii .20.10.2025

34 Перечень террористических и экстремистских организаций, представляющих угрозу безопасности государств-членов Организации Договора о коллективной безопасности (в части, касающейся Республики Казахстан) (КНБ РК). – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31552807&pos=2;-108#pos=2;-108 . 20.10.2025

35 О Концепции внешней политики Республики Казахстан на 2020-2030 годы.– URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2000000280 . 20.10.2025

36 Об утверждении Государственной программы инфраструктурного развития "Нұрлы жол" на 2020–2025 годы.– URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1900001055/links . 20.10.2025

37 О подписании Плана сотрудничества по сопряжению Новой экономической политики "Нұрлы Жол" и строительства "Экономического пояса Шелкового пути" между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики.– URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P1600000518 . 20.10.2025

38 О дополнительных мерах по последовательному продолжению и выведению на новый этап реформ в рамках приоритетных направлений развития страны до 2030 года.– URL: https://lex.uz/ru/docs/8050774 .20.10.2025

39 Национальная стратегия развития Кыргызской Республики на 2018-2040 годы.– URL: https://www.gov.kg/ru/programs/8 . 20.10.2025

40 Концепция внешней политики Кыргызской Республики.– URL: https://cbd.minjust.gov.kg/430045/edition/949067/ru .20.10.2025

41 Национальная стратегия развития Республики Таджикистан на период до 2030 года.– URL: https://mewr.tj/wp-content/uploads/files/National%20Development%20Strategy-2030_ru.pdf . 20.10.2025

42 Концепция внешней политики Республики Таджикистан. – URL: https://mfa.tj/ru/main/view/988/kontseptsiya-vneshnei-politiki-respubliki-tadzhikistan . 20.10.2025

43 Концепцию внешнеполитического курса нейтрального Туркменистана на 2022–2028 годы.– URL: https://www.mfa.gov.tm/ru/articles/651 . 20.10.2025

44 Программа Возрождение новой эпохи могущественного государства: Национальная программа социально-экономического развития Туркменистана в 2022 – 2052 годах.– URL: https://turkmenistan.gov.tm/ru/post/60781/utverzhdena-programma-vozrozhdenie-novoj-epohi-mogushchestvennogo-gosudarstva-

nacionalnaya-programma-socialno-ekonomicheskogo-razvitiya-turkmenistana-v-2022-2052-godah . 20.10.2025

45 Бюро национальной статистики Республики Казахстан.– URL: https://stat.gov.kz/ru/ . 13.11.2025

46 Национальый банк Республики Казахстан.– URL: https://nationalbank.kz/ru 13.11.2025

47 Главное таможенное управление Китайской Народной Республики. – URL: http://www.customs.gov.cn/ . 13.11.2025

48 Национальный комитет Республики Узбекистан по статистике.– URL: https://stat.uz/ru/ob-agenstve/overview. 13.11.2025

49 Национальный статистический комитет Кыргызской Республики.– URL: https://stat.gov.kg/ru/ . 13.11.2025

50 Агентство по статистике при Президенте Республики Таджикистан.– URL: https://www.stat.tj/ru/ . 13.11.2025

51 World integrated trade solution.– URL: https://wits.worldbank.org/country-indicator.aspx . 05.03.2026

52 United Nations International Trade database. (2024).– URL: https://comtradeplus.un.org/ .10.11.2024

53 China Global Investment Tracker.– URL: https://www.aei.org/china-global-investment-tracker/ . 09.05.2026

54 Advancing economic freedom: the key to America's strategic engagement with Central Asia. The Heritage Foundation.– URL: https://www.heritage.org/sites/default/files/2020-08/IB5062.pdf .23.05.2026

55 Szüdi G. et al. Policy and discursive shifts in China's economic diplomacy amid rising geopolitical tensions // Open Research Europe. – 2026. – Vol. 6. –109 p.

56 Сафронова Е. и др. Проект" Экономический пояс Шелкового пути" и безопасность в Центральной Азии // Проблемы Дальнего Востока. – 2018. – №. 4. – С. 23-30.

57 Starr S. F. US perspectives on China's Belt and road initiative in central Asia and the South Caucasus //International Studies. – 2019. – Vol. 56, № 2. – P. 79-91.

58 Binnendijk H. China Plan: A Transatlantic Blueprint for Strategic Competition. – 2021.

59 Liberal institutionalism – its threatened past, its threatened future. Brookings Institution.– URL: https://www.brookings.edu/articles/liberal-institutionalism-its-threatened-past-its-threatened-future/ . 23.05.2026

60 China and Russia's uneasy partnership in Central Asia. Carnegie Endowment for international peace.– URL: https://carnegieendowment.org/posts/2018/03/china-and-russias-uneasy-partnership-in-central-asia . 23.05.2026

61 Suresh P. Foreign Policy of China Under Deng Xiaoping: Politico-Strategic Dimension //Foreign Policy of China Under Deng Xiaoping: Contemporary Relevance and Continuity. – Singapore : Springer Nature Singapore, 2022. – P. 103-148.

62 Swaine M. D. Chinese views and commentary on periphery diplomacy // China Leadership Monitor. – 2014. – Vol. № 1. – P. 1-43.

63 Moravcsik A. Taking preferences seriously: A liberal theory of international politics //International organization. – 1997. – Vol. 51, №. 4. – P. 513-553

64 Cohen A., Grant J. Future Calling: Infrastructure Development in Central Asia //International Tax and Investment Center. – 2018.

65 Duvall R. D. Dependence and dependencia theory: notes toward precision of concept and argument //International Organization. – 1978. – Vol. 32, №. 1. – P. 51-78.

66 Ferraro V. Dependency theory: An introduction //The development economics reader. – 2008. – Vol. 12, №. 2. – P. 58-64.

67 Sheives K. China turns West: Beijing's contemporary strategy towards Central Asia //Pacific Affairs. – 2006.– Vol. 79, №. 2. – P. 205-224.

68 Karrar H.H. The new silk road diplomacy : a regional analysis of China's Central Asian foreign policy, 1991-2005: PhD thesis / McGill University. – 2006. – 374 p.

69 Linn J. Central Asian Regional Integration and Cooperation: Reality or Mirage? //EDB Eurasian Integration Yearbook. – 2008. – №6. – P. 96-117.

70 MacHaffie J. Mutual trust without a strong collective identity? Examining the Shanghai cooperation organization as a nascent security community //Asian Security. – 2021.– Vol. 17, №. 3. – P. 349-365.

71 Womack B. Asymmetric parity: US–China relations in a multinodal world //International Affairs. – 2016. – Vol. 92, № 6. – P. 1463-1480.

72 Johnston A. I. Cultural realism: Strategic culture and grand strategy in Chinese history. – Princeton University Press, 1998. – Vol. 75.

73 Callahan W. A. China's "Asia Dream" the belt road initiative and the new regional order //Asian journal of comparative politics. – 2016. – Vol. 1, № 3. – P. 226-243.

74 Miller T. China's Asian dream: Empire building along the new silk road. – Bloomsbury Publishing, 2019.

75 Callahan W. A. China 2035: From the China dream to the world dream //Global Affairs. – 2016. – Vol.. 2, №3. – P. 247-258.

76 Hurley J. et al. Examining the debt implications of the Belt and Road Initiative from a policy perspective. – Washington, DC : Center for Global Development, 2018. – №. 121.

77 Jones L. Does China's belt and road initiative challenge the liberal, rules-based order //Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. – 2020. – Vol. 13, №. 1. – P. 113-133.

78 Mandelbaum H. G., Weiffen B. The Belt and Road Initiative and autocracy promotion as elements of China's grand strategy // Securitization and Democracy in Eurasia: Transformation and Development in the OSCE Region. – Cham: Springer International Publishing, 2022. – P. 361-374.

79 Banik K., Lüdert J. Spatial Conquest by Other Means: Assessing the Geopolitical Impact of China's Belt and Road Initiative //Rebalancing Asia: The Belt and Road Initiative and Indo-Pacific Strategy. – Singapore: Springer Nature Singapore, 2021. – P. 57-68.

80 Keohane R. O., Nye J. S. Globalization: What's new? What's not? (And so what?) //Making policy happen. – Routledge, 2020. – P. 105-113.

81 Rana W. Theory of complex interdependence: A comparative analysis of realist and neoliberal thoughts //International journal of business and social science. – 2015. – Vol. 6, № 2. – P. 290-297.

82 Чжао Тиньян: Система мира: между возможным и будущим 赵汀阳：天下体系：在可能与未来之间.– URL: https://www.aisixiang.com/data/166796.html . 11.02.2026

83 秦亚青. 世界政治的关系理论 / 上海人民出版社.- 上海.-2021 Цин Яцин. Теория взаимоотношений в мировой политике / Шанхаское народное издательство.- Шанхай.-2021.

84 Cheng E., Zhai C. China as a “quasi-center” in the world economic system: Developing a new “center–quasi-center–semi-periphery–periphery” theory // World Review of Political Economy. – 2021. – Vol. 12, №. 1. – P. 4-26.

85 Salát G. China, the New Center // EURASIA. – 2023. –9 p.

86 杨成. 中国周边外交的欧亚时刻. Ян Чэн. Евразийский момент в дипломатии соседних Китая.– URL: https://www.163.com/news/article/9IK8I0A300014AED.html .23.05.2026

87 Huasheng Z. Afghanistan and China's new neighbourhood diplomacy // International Affairs. – 2016. – Vol. 92, № 4. – P. 891-908.

88 谢来辉. “一带一路”的理论本质是经济一体化. Xie Laihui. The theoretical essence of the "Belt and Road" is economic integration // Journal of Liaoning University. – 2019. – № 1. – P. 153-162.

89 Zhang W. The Belt and Road Initiative and the Eurasian Economic Union: Why cooperation not confrontation? // Frontiers in Political Science. – 2025. – T. 7. – P. 1-15.

90 李建民. 区域国别学视域下的欧亚运输走廊研究 // 俄罗斯学刊. – 2026. – №2. Ли Цзяньминь. Исследование Евразийского транспортного коридора с точки зрения региональных и страновых исследований // Российский журнал. -2026.- №2.

91 Sun J., Fan Y. Analysis of the Interaction between International Political Economy and Intercultural Communication within the Belt and Road Initiative Framework // Scientific and Social Research. – 2024. - №6(12).- P. 140–152.

92 Lyu K., Cai D., Hao M. Dynamic innovation collaboration based on complex network analysis: Evidence from the “Belt and Road” Initiative //Journal of the Knowledge Economy. – 2024. –№15(4). – P. 19157-19182.

93 Creutz K. Multilateral development banks as agents of connectivity: the Asian Development Bank (ADB) and the Asian infrastructure investment Bank (AIIB) //East Asia. – 2023. – №40(3). – P. 335-356.

94 Ye M. The Belt Road and Beyond: State-mobilized Globalization in China 1998-2018. – Cambridge University Press, 2024.

95 曲鹏 一带一路“倡议与中国海外经济利益拓 展及风险规避 // 《行政管理改革》 2019年第2期Цюй Пэнфэй. Инициатива «Пояс и путь», расширение экономических интересов Китая за рубежом и предотвращение рисков // «Административная реформа», № 2, 2019 г.– URL: https://wenku.baidu.com/view/18404f135aeef8c75fbfc77da26925c52cc59162?aggId=undefined&fr=catalogMain_text_ernie_recall_v1%3Awk_recommend_main3&_wkts_=1755841833886&bdQuery=%E4%B8%80%E5%B8%B6%E4%B8%80%E8%B7%AF+%22%E5%80%A1%E8%AD%B0%E8%88%87%E7%8F%BE%E5%AF%A6%E4%B8%BB%E7%BE%A9&needWelcomeRecommand=1 . 23.05.2026

96 Маркова Е. А. Политика Китая в Центральной Азии (90-е годы XX века–начало XXI века) //Проблемы постсоветского пространства. – 2022. – Т. 9, №. 1. – С. 121-129.

97 Perminova A. A. The evolution of the China’s policy of interaction with the countries of Central Asia in the fild of security //World economy and international relations. – 2024. – Vol. 68, №. 1. – P. 48-61.

98 Klimov E. et al. Socio-political factors in the emergence of border armed conflicts in Central Asia //Comparative Strategy. – 2024. – Vol. 43, №. 6. – P. 720-733.

99 Bogdanova N. A., Solntseva E. G. Features of Deng Xiaoping’s diplomatic course. Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences //Cultural Studies and Art Criticism. Questions of Theory and Practice. – 2018. – №. 2. – P. 10-14.

100 Malysheva D. B. International political competition in the post-Soviet Central Asian space //Mirovaia ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniia. – 2021.– Vol. 65, № 7. – P. 106-115.

101 Бояркина А.В. Внешнеполитическая стратегия Дэн Сяопина в период экономических реформ и открытости (конец 1970-х – 1990-е гг.). Вестник РГГУ. Серия “Политология. История. Международные отношения.”. – 2023. – №. 1. – С. 94-107.

102 Kazantsev A. A. et al. Politics of the USA in Post-Soviet Central Asia: character and prospects //MGIMO Review of International Relations. – 2012. – № 4 (25). – P. 155-164.

103 Джунушалиева Г. Д., Жеглова Ю. Г. Теория и практика внешнеполитического позиционирования государства на примере Кыргызстана //Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. – 2021. – Т. 21, № 7. – С. 161-164.

104 Paramonov V. V. China and Central Asia: Towards strategic partnership and economic cooperation (History, present and future of Central Asian relations with China in the spheres of politics, security and economics). – 2024.

105 Rakhimov M. Central Asia and China in the Context of New Silk Road Initiative.– URL: http://www.china.org.cn/china/2016belt&road/2016-09/22/content_39349615.htm . 25.05.2026

106 Рахимов К. Великий шелковый путь 2.0 и безопасность: выгодна ли Кыргызстану новая железная дорога Китай-Кыргызстан-Узбекистан.– URL: https://stanradar.com/news/full/56137-velikij-shelkovyj-put-20-i-bezopasnost-

vygodna-li-kyrgyzstanu-novaja-zheleznaja-doroga-kitaj-kyrgyzstan-uzbekistan.html . 25.05.2026

107 Tolipov F. Geopolitical stipulation of Central Asian integration //Strategic Analysis. – 2010. – Vol. 34, № 1. – P. 104-113.

108 Абдулло Р. Г. Мягкая сила РФ и ее проецирование на Таджикистан, пока не представляют какой-либо серьезной угрозы.– URL: https://cabar.asia/ru/rashid-gani-abdullo-o-myagkoj-sile-rossii-v-tadzhikistane. 25.05.2026

109 Майтдинова Г. «Центральная Евразия» как новый геостратегический конструкт? Мнение эксперта.– URL: https://fondsk.ru/news/2025/04/23/centralnaya-evraziya-kak-novyy-geostrategicheskiy-konstrukt-mnenie-eksperta.html . 25.05.2026

110 Central Asia–China Think Tank Forum Held in Astana.– URL: https://kisi.kz/en/central-asia-china-think-tank-forum-held-in-astana/#content. 25.05.2026

111 Кушкумбаев С. К. Казахстан и Центральная Азия между вызовами из прошлого и грядущего. – Kazakhstanskiĭ institut strategicheskikh issledovaniĭ pri Prezidente Respubliki Kazakhstan, 2022.– URL: https://kisi.kz/wp-content/uploads/2023/05/sbornik_s_kushkumbayev.pdf .25.05.2026

112 Морозов А.А. Больша ятрансформация Центральной Азии: золотой век или новое средневековье.– URL: http://mirperemen.net/2018/02/bolshaya-transformaciya-centralnoj-azii-zolotoj-vek-ili-novoe-srednevekove/ .25.05.2026

113 Институт мировой экономики и политики.– URL: https://iwep.kz/#/ .25.05.2026

114 Сыроежкин К. Китай в Центральной Азии: от торговли к стратегическому партнерству //Центральная Азия и Кавказ. – 2007. – № 3 (51). – С. 47-60.

115 Сыроежкин К. Л. Проект «Экономический пояс Шёлкового пути» в сложном пространстве Центральной Азии //Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2016. – Т. 9, № 6 (50). – С. 104-122.

116 Kozhirova S., Batyrbayev K., Li J. Cooperation of China with the countries of Central Asia within the framework of Chinese global initiatives //Journal of Central Asian Studies. – 2024.– Vol. 94, №. 2. – P. 4-22.

117 Алдабек Н. А. и др. Модернизация Китая и Казахстан. – Казахский национальный университет им. аль-Фараби, 2014.

118 Султанов Б.К. Центральная Азия и Китай: перспективы сотрудничества. – URL: https://mysl.kazgazeta.kz/news/16000 . 25.05.2026

119 Изимов Р. Ю., Мураталиева З. Т. Центральноазиатский трек инициативы «Пояс и путь»: возможности и риски //Вестник международных организаций: образование, наука, новая экономика. – 2018. – Т. 13, № 3. – С. 128-142.

120 Izimov R. Belt and Road Initiative's and Central Asia's Challenges: Case Study Kazakhstan //Routledge Handbook of Chinese and Eurasian International Relations. – Routledge, 2024. – P. 89-102.

121 Каукенов А. Задача «мягкой силы» Китая – убедить весь мир в своем мирном возвышении.– URL: https://eurasia.expert/zadacha-myagkoy-sily-kitaya-ubedit-ves-mir-v-svoem-mirnom-vozvyshenii-ekspert-/ . 25.05.2026

122 А.М.Амребаев О координации усилий стран Центральной Азии на китайском направлении внешней политики: общие риски и возможности // Материалы междунар. Научно-практич. Конференции «Многовекторность Центральной Азии: взгляд изнутри». – Алматы: Инст. Востоковед. Им. Р.Б.Сулейменова КН МОН РК, 2020.– С. 106-116.

123 Zhekenov d., Jakubayeva s. Overview of the modern chinese science through the prism of the “Chinese Dream” //Journal of Philosophy, Culture and Political Science. – 2020. – Vol. 73, № 3.

124 Айтқалиева Ә., Мұқаметханұлы Н. Қазақстан мен Қытай арасындағы мәдениет саласындағы ынтымақтастық байланыстардың дамуы //ҚОҒАМ ЖӘНЕ ДӘУІР. – 2021. – Т. 69, № 1.

125 Кукеева Ф.Т. и др. Теоретические аспекты китайской инициативы «Пояс и путь» //Bulletin of the Karaganda university History. Philosophy series. – 2020. – Т. 98, № 2. – С. 111-121.

126 Байзакова К. И., Смагулова Г. М., Стамбулов С. Б. New methodological approaches in forecasting global and regional security issues: international experience //Вестник Карагандинского университета. Серия: История. Философия. – 2020. – Т. 98, №2. – С. 47-54.

127 Toft P. John J. Mearsheimer: an offensive realist between geopolitics and power //Journal of International Relations and Development. – 2005. – №8(4). – P. 381-408.

128 Лузянин С. Г. ШОС, китайский проект «Шелкового пути» и Евразийский экономический союз: варианты взаимодействия/сопряжения в Евразии //Китай в мировой и региональной политике. История и современность. – 2016. – Т. 21, № 21. – С. 78-84.

129 Лукин А. В. Идея "экономического пояса Шелкового пути" и евразийская интеграция //Международная жизнь. – 2014. – № 7. – С. 84-98.

130 Zhao T. All under heaven: The Tianxia system for a possible world order. – Univ of California Press, 2021. – Vol. 3.

131 一帶一路] 與中國的中亞戰略: 以中國和哈薩克斯坦與烏茲別克斯坦的經濟合作爲例 //國立臺灣大學政治學系學位論文. – 2017. – С. 1-106. Стратегия: анализ экономического сотрудничества Китая с Казахстаном и Узбекистаном // Диссертация кафедры политологии Национального университета Тайваня. – 2017. – С. 1-106.

132 Nicolas D. P. Chinese infrastructure in South Asia: a realist and liberal perspective : дис. – Monterey, California: Naval Postgraduate School, 2015.

133 Jasmin I. A., Hosen I., Biswas A. K. Geopolitical chessboard: China’s Belt and Road Initiative and shifting power dynamics //Discover Global Society. – 2025. – Vol. 3, № 1. – 65 p.

134 Zhang J. Analyzing China’s global influence through the Belt and Road Initiative: A case study of the Pakistan-China Energy and Economic Corridor //Lecture

Notes in Education Psychology and Public Media. – 2024. – Vol. 63, № 1. – P. 185-190.

135 Zhao M. Geopolitical impacts of China’s Belt and Road Initiative: Opportunities and risks across Asia, Africa, and Europe //Advances in Economics, Management and Polifical Sciences. – 2025. – Vol. 164. – P. 118-127.

136 Болдуин Д. А. Неолиберализм, неореализм и мировая политика //Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. – 2012. – № 2. – С. 33-52.

137 Li X. Applying offensive realism to the rise of China: structural incentives and Chinese diplomacy toward the neighboring states //International Relations of the Asia-Pacific. – 2016. – Vol. 16, №2. – P. 241-271.

138 Boute A. China’s External Energy Security: Energy Trade and Investment Along the ‘Belt and Road’: An Introduction //The Journal of World Investment & Trade. – 2019. – №20(2–3). – P. 195-220.

139 Shi X., Yao L. Prospect of China's energy investment in Southeast Asia under the belt and road initiative: A sense of ownership perspective //Energy Strategy Reviews. – 2019. – Vol. 25. – P. 56-64.

140 Hoque M. M., Tama R. A. Z. China's Belt and Road initiative: Global politics and implications. – 2020.

141 He A. The Belt and Road Initiative: Motivations, financing, expansion and challenges of Xi’s ever-expanding strategy. Centre for International Governance Innovation. - 2020.- Vol. 4, № 1. -P. 139–169.

142 Salim M., Shah N. China’s One Belt One Road (OBOR) Initiative and Its Ambitions for Global Hegemony // Journal of Asian development studies.- 2023.

143 Poon J. P. H. et al. End of the Asia-Pacific: Geoeconomics, belt and road and the Indo-Pacific //Political Geography. – 2024. – Vol. 108. – P. 103-226.

144 Wei Z. (). Constructing New International Relations Between China and Its Neighbors: A Constructivist Analysis of the Impact of the Belt and Road. Lecture Notes in Education Psychology and Public Media. – 2024. - №64(1). - P. 47–55.

145 Zreik M. Examining the Implications of China's Belt and Road Initiative on Foreign Policy and International Relations //Journal of Globalization Studies. – 2024. – №15(1). – P. 3-17.

146 Daniel Kumafan, T., & Emmanuealla Nguevese, G. China’s Belt and Road Initiative and its Implications on the Global Power Dynamics. International Journal of Advanced Multidisciplinary Research and Studies. - 2024. - №4(5). - P. 928–933.

147 Pautasso D., Nogara T. S. The Belt and Road Initiative’s Security Challenges: The Chinese Globalization Project and Sino-American Rivalry //The Palgrave Handbook of Globalization with Chinese Characteristics: The Case of the Belt and Road Initiative. – 2023. – P. 529-542.

148 Fang, S. (2024). The Belt and Road Initiative: Geopolitical Implications for South Asia // Lecture Notes in Education Psychology and Public Media. – 2024.– Vol. 71, №1. – P. 34–39.

149 Zhao S. (ed.). China’s New Global Strategy: The Belt and Road Initiative (BRI) and Asian Infrastructure Investment Bank (AIIB). – Routledge, 2020.

150 Кыдырбек Ф.А., Усерова К.К., Кукеева Ф.Т., Исова Л.Т. Участие стран Центральной Азии в китайской инициативе «Пояс и путь»: ведущая роль РК // Вестник ЕНУ им. Л.Н. Гумилева. Серия: Политические науки. Регионоведение Востоковедение. Тюркология. – 2024. - №146 (1). – С. 141–163.

151 Khan S., Ahmad Z., Ullah M. China's geostrategic interest in the Indian Ocean Region //Qlantic Journal of Social Sciences and Humanities. – 2023. – Vol. 4, №4. – P. 141-161.

152 Global energy monitor. Central Asia–China Gas Pipeline. – URL: https://www.gem.wiki/Central_Asia%E2%80%93China_Gas_Pipeline#cite_note-br160614-30 . 02.09.2025

153 The people's map of global China. Central Asia–China Gas Pipeline (Line D). – URL: https://thepeoplesmap.net/project/central-asia-china-gas-pipeline-line-d/ . 02.09.2025

154 The times of Central Asia. Russia Looking to Export Gas to China via Kazakhstan.– URL: https://timesca.com/russia-looking-to-export-gas-to-china-via-kazakhstan/ .02.09.2025

155 Обнародован объем природного газа, поставленного по трубопроводу «Центральная Азия-Китай» за 14 лет.– URL: https://kun.uz/ru/news/2024/11/19/obnarodovan-obyem-prirodnogo-gaza-postavlennogo-po-truboprovodu-tsentralnaya-aziya-kitay-za-14-let#:~:text= . 02.09.2025

156 Arif M. S., Gill Q. S., Mustafa G. China's Expanding Influence in the Asia-Pacific: Strategic Implications for the United States //Global Strategic & Security Studies Review. – 2024. – №9(2). – P. 13-30.

157 Liu W., Dunford M. Inclusive globalization: Unpacking China's belt and road initiative //Area Development and Policy. – 2016. – Vol. 1, № 3. – P. 323-340.

158 Explanatory Essays: 05 Peace Campaigner.– URL: https://www.cobdenletters.org/explanatory-essay/05-peace-campaigner . 02.09.2025

159 Hameiri S., Jones L., Zou Y. The development-insecurity nexus in China's near-abroad: Rethinking cross-border economic integration in an era of state transformation // Journal of Contemporary Asia. – 2019. – Vol. 49, № 3. – P. 473-499.

160 Robert Keohane. Architect of Liberal Institutionalism.– URL: https://geopol.uk/thinkers/robert-keohane/ . 02.09.2025

161 Wang Z. Understanding the belt and road initiative from the relational perspective // Chinese Journal of International Review. – 2021. – Vol. 3, № 01. – P. 215-404.

162 Zhang E., James P. All roads lead to Beijing: Systemism, power transition theory and the belt and road initiative // Chinese Political Science Review. – 2023. – Vol. 8, №1. – P. 18-44.

163 Wang Y. Offensive for defensive: the belt and road initiative and China's new grand strategy // The Pacific Review. – 2016. – Vol. 29, №3. – P. 455-463.

164 China's Massive Belt and Road Initiative.– URL: https://www.cfr.org/backgrounders/chinas-massive-belt-and-road-initiative. 02.09.2025

165 Yau N. China’s Belt and Road Initiative: Curse or blessing for democracy in Eurasia // Workshop of the International Political Science Association (IPSA) Research Committee (RC) 34 ‘Quality of Democracy’and the OSCE Academy in Bishkek. – 2021.

166 Торгово-экономическое партнёрство Китая и Центральной Азии вышло на исторический максимум.– URL: https://almaty.china-consulate.gov.cn/rus/zlgdt/202601/t20260127_11845748.htm .07.04.2026

167 China’s debt trap in Central Asia.– URL: https://www.vifindia.org/article/2020/october/01/china-s-debt-trap-in-central-asia. 07.04.2026

168 The Belt and Road Initiative: China’s vision for globalisation, Beijing-style.– URL: https://theconversation.com/the-belt-and-road-initiative-chinas-vision-for-globalisation-beijing-style-77705 .11.04.2026

169 Mihr A., Weiffen B. China’s Belt and Road Initiative: Curse or Blessing for Democracy in Eurasia? // Securitization and Democracy in Eurasia: Transformation and Development in the OSCE Region. – Cham: Springer International Publishing, 2022. – P. 245-254.

170 Barton B. The Belt-and-Road Initiative as a paradigm change for European Union-China security cooperation? The case of Central Asia //Asia Europe Journal. – 2021. – Vol. 19, № 3. – P. 391-409.

171 Tajikistan: The cost of Chinese debt.– URL: https://eurasianet.org/tajikistan-the-cost-of-chinese-debt . 11.04.2026

172 Tajikistan’s woes, and Chinese loans, pile up. – URL: https://emerging-europe.com/tajikistans-woes-and-chinese-loans-pile-up/ .11.04.2026

173 Silva F. B. China's Belt and Road and the Global South: A Normative Challenge to the Liberal International Order // World Affairs. – 2026. – Vol. 189, № 2. – P. 270-365.

174 Wallerstein, I. (1974a). The Modern World-System I: Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. Academic Press.

175 Hor K. W. C., Kydyrbek F. A., Kukeyeva F. T. Rethinking regional integration: a comparative analysis of MERCOSUR and the EAEU //Известия. Серия: Международные отношения и регионоведение. – 2024. – Vol. 58, №4. - P. 350-369.

176 Bali S., Arora S. Sino-central Asia relations: Disturbance, dependency, or development? //Journal of Liberty and International Affairs. – 2023. – Vol. 9, № 2. – P. 412-425.

177 Государственный долг Таджикистана снизился до уровня 15-летней давности.– URL: https://www.instagram.com/p/DGDNdk1Nu3_/ .11.04.2026

178 Таджикистан расплатился с Китаем за ремонт ТЭЦ золоторудным месторождением.– URL: https://kaktus.media/doc/373219_tadjikistan_rasplatilsia_s_kitaem_za_remont_tec_zolotorydnym_mestorojdeniem.html . 11.04.2026

179 Таджикистан отдал часть своей территории Китаю. – URL: https://islamnews.ru/Tadzhikistan-otdal-chast-svoej-territorii-Kitaju#:~:text=. 11.04.2026

180 Таджикистан о китайской военной базе. – URL: https://www.trtrussian.com/article/18183482 .11.04.2026

181 The Telegraph: Китай строит секретную военную базу в Таджикистане уже 10 лет.– URL: https://24.kg/vlast/299250_The_Telegraph_kitay_stroit_sekretnuyu_voennuyu_bazu_vtadjikistane_uje_10let/ . 11.04.2026

182 Таджикистан отдал китайской компании серебряное месторождение, освободив ее от налогов на 7 лет.– URL: https://www.centralasian.org/a/30193698.html?ltflags=mailer .11.04.2026

183 Manish, Behera A. China's belt and road projects in central Asia //FIIB Business Review. – 2024. – Vol. 13, № 2. – P. 143-154.

184 Лаумулин М. Т. Центральная Азия в епоху трансформации. – KISI pri Prezidente RK, 2020.

185 Peyrouse S. Discussing China: sinophilia and sinophobia in Central Asia //Journal of Eurasian Studies. – 2016. – Vol. 7, № 1. – P. 14-23.

186 Santos T. D. Structure of dependence //American economic review. – 1970. – Vol. 60, № 2. – P. 231-236.

187 Nye J. S. Power and interdependence: World politics in transition. – Boston; Toronto: Little, Brown, 1977.

188 Rabena A. J. The complex interdependence of China's Belt and Road Initiative in the Philippines //Asia & the Pacific Policy Studies. – 2018. – Vol. 5, № 3. – P. 683-697.

189 Kuik C. C. Irresistible Inducement?: Assessing China's Belt and Road Initiative in Southeast Asia. – Council on Foreign Relations, 2021.

190 Echeverri-Gent J., Herlevi A., Ganczak K. Economic interdependence and strategic interest: China, India, and the United States in the new global order // San Francisco, California, Paper Prepared for the American Political Science Association Annual Meeting. – 2015.

191 Chan Young Bang Can China's Global South Strategy Achieve Its Objectives in Central Asia.– URL: https://thediplomat.com/2024/10/can-chinas-global-south-strategy-achieve-its-objectives-in-central-asia/ . 11.02.2026

192 Тянься, Сын Неба и мандат на власть: как философия «Поднебесной» создала китайскую цивилизацию. – URL: https://lgz.ru/article/tyansya-syn-neba-i-mandat-na-vlast-kak-filosofiya-podnebesnoy-sozdala-kitayskuyu-tsivilizatsiyu/ .11.02.2026

193 赵汀阳：天下体系：在可能与未来之间 Чжао Тиньян: Система мира: между возможным и будущим– URL: https://www.aisixiang.com/data/166796.html . 11.02.2026

194 赵汀阳：天下：在理想主义和现实主义之间 Чжао Тиньян: Мир: между идеализмом и реализмом.– URL: https://www.aisixiang.com/data/118671.html?_x_tr_sch=http .11.02.2026

195 新时代中国周边外交的理论创新与实践 Инициатива «Один пояс, один путь» Теоретические инновации и ценность модели. – URL: http://ejournaliwep.cssn.cn/qkjj/sjjjyzz/2017nd3q_8213/201704/P020180607676909664531.pdf . 11.02.2026

196 Удалов В. С., Колобов А. О. Система «Центр периферия» в современном политическом процессе //Вестник Нижегородского университета им. НИ Лобачевского. – № 2-1. – 2011. – P. 297-301.

197 By Colin Stief Core and Periphery, Two Types That Make the World.– URL: https://www.thoughtco.com/core-and-periphery-1435410 . 11.02.2026

198 Wallerstein I. The rise and future demise of the world capitalist system: Concepts for comparative analysis // Imperialism. – Routledge, 2023. – P. 141-169.

199 World population review 2024.– URL: https://worldpopulationreview.com/country-rankings/semi-periphery-countries . 10.02.2025

200 Cheng E., Zhai C. China as a “quasi-center” in the world economic system: Developing a new “center–quasi-center–semi-periphery–periphery” theory // World Review of Political Economy. – 2021. – Vol. 12, № 1. – P. 4-26.

201 Smith S. N. Harmonizing the periphery: China’s neighborhood strategy under Xi Jinping // The Pacific Review. – 2021. – Vol. 34, № 1. – P. 56-84.

202 Highlights of China's diplomatic work over the past decade. – URL: https://english.www.gov.cn/ . 10.02.2025

203 中国应加快制定“大周边战略”应对挑战 (Чэнь Сяньян: Китаю следует ускорить разработку "стратегии большой периферии", чтобы справиться с вызовами).– URL: https://www.chinanews.com.cn/gn/2010/08-23/2483978.shtml. 10.02.2025

204 Grachikov E. N. The Third Plenum of the Central Committee of the CPC: Adjustment of China's Border Policy. In the 3rd Plenum of the 18th CPC Central Committee: New Leadership and Reform Strategy.-2014.- P. 257-267.

205 Speech by President Xi Jinping of the People’s Republic of China at the Nazarbayev University.– URL: http://kz.china-embassy.org/rus/zhgx/t1077192.htm. 10.09.2025

206 Baba G., Lai Y. M. The Novelty of Complementarity between Transregionalism and New Bilateralism: Southeast Asia–Middle East Affairs // Asian Perspective. – 2025. – Vol. 3, №49. - P. 451–479.

207 Dietze A., Middell M. Methods in transregional studies: intercultural transfers //The Routledge Handbook of Transregional Studies. – Routledge, 2018. – P. 58-66.

208 Узбекистан увеличил вдвое грузопоток по Среднему коридору и в десятки раз – из Китая.– URL: https://www.rzd-partner.ru/logistics/news/uzbekistan-uvelichil-vdvoe-gruzopotok-po-srednemu-koridoru-i-v-desyatki-raz-iz-kitaya/. 10.03.2025

209 Hoh A. China's belt and road initiative in Central Asia and the Middle East //Digest of Middle East Studies. – 2019. –№28(2). – P. 241-276.

210 Indeo F. The impact of the Belt and Road Initiative on Central Asia: Building new relations in a reshaped geopolitical scenario //China's Belt and Road Initiative: Changing the Rules of Globalization. – Cham : Springer International Publishing, 2018. – P. 135-153.

211 Buzna V., Goreczky P., Salát G., Trembeczk Z. Connectivity: exploring the concepts behind today's geoeconomic buzzword // MKI Long Brief. – 2024. –16 p.

212 Gaens B., Sinkkonen V., Vogt H. Connectivity and order: An analytical framework //East Asia. – 2023. –№40(3). – P. 209-228.

213 Kohlenberg P. J., Godehardt N. Locating the 'South'in China's connectivity politics //Third World Quarterly. – 2021. –№42(9). – P. 1963-1981.

214 Chajdas T. China's Connectivity Politics vis-à-vis Global Challenges: a Roadmap to Strategic Development? //Perspectives on Global Development and Technology. – 2024. –№23(3-4). – P. 259-278.

215 Loke B., Guo X. China's coalition-building in the Indo-Pacific: strategies of connectivity and association //Australian Journal of International Affairs. – 2025. – 79(4). – P. 552-569.

216 Wenwen J., Ran L., Sicong L. Research on China's Transport Connectivity Along Corridors of the Belt and Road Initiative // Journal of Physics: Conference Series. – IOP Publishing, 2019. – №1187(5).

217 Forough M., Fünfgeld A. The empty signifier of 'connectivity': how infrastructure reorders the world // Review of International Political Economy. – 2025. – C. 1-25.

218 Кукеева Ф.Т., Байзакова К.И., Кыдырбек Ф.А. Қытайдың «Белдеу жолы» бастамасы аясында Қазақстанның Орталық Азиядағы жетекші рөлі. – Алматы: Қазақ университеті, 2023. – 161 с.

219 Lee K. Grading China's Belt and RoadBelt and Road Initiative and the Future of the International Order // // Belt and Road Initiative and the Future of the International Order – Tokyo: The National Institute for Defense Studies. 2020. – P. 29-42.

220 Программа по привлечению инвестиций в Кыргызскую Республику на 2022–2026 годы: утв. К постановлению Кабинета Министров Кыргызской Республики от 30 июня 2022 года № 352.

221 Китайские инвестиции в Таджикистане перевалили за 3 миллиарда долларов.– URL: https://www.facebook.com/asiaplustj/posts/4040125842719175/. 19.04.2026

222 Плюсы и минусы китайских инвестиций в золотодобывающий сектор Таджикистана.– URL: https://ru.globalvoices.org/2024/07/28/122035/. 19.04.2026

223 Казахстан остается крупнейшим получателем китайских инвестиций в Центральной Азии – ЕАБР.– URL: https://www.kt.kz/rus/finansy/kazahstan_ostaetsya_krupneyshim_poluchatelem_kitayskih_1377985675.html . 19.04.2026

224 Инвестиции Китая в страны Центральной Азии: риски или выгода.– URL: https://www.dw.com/ru/investicii-kitaa-v-strany-centralnoj-azii-riski-ili-vygoda/a-75632733 . 19.04.2026

225 Кыргызстан снижает долговую зависимость от Китая. Как за год изменилась структура госдолга.– URL: https://www.akchabar.kg/article/gorodskaya-sreda-ztejjukrwiljvmpo/kirgizstan-snizhaet-dolgovuyu-zavisimost-ot-kitaya-kak-za-god-izmenilas-struktura-gosdolga-ticdsqasvojryxjt . 19.04.2026

226 Минфин: Долг Таджикистана перед Китаем превышает $1 млрд. – URL: https://www.facebook.com/asiaplustj/posts/4877789932286091/ . 19.04.2026

227 Казахстан показал самый низкий уровень зависимости от Китая в Центральной Азии.– URL: https://www.zakon.kz/stati/6512896-kazakhstan-pokazal-samyy-nizkiy-uroven-zavisimosti-ot-kitaya-v-tsentralnoy-azii.html. 19.04.2026

228 24-word strategy 24 字战略.– URL: https://baike.baidu.com/item/24%E5%AD%97%E6%88%98%E7%95%A5/10949906 . 19.10.2025

229 Youyi H. Context, not history, matters for Deng's famous phrase //Global Times. – 2011.

230 Yahuda M. Deng Xiaoping: the statesman //The China Quarterly. – 1993. – T. 135. – P. 551-572.

231 Стенограмма выступления Дэн Сяопина с генеральным секретарем ООН Де Куэльяром 27 августа 1982 года 耶小平讲话实录 (1982年8月21日,会见联合国秘书长德全利亚尔时的谈话).– URL: https://book.qq.com/book-read/24973727/8 . 23.11.2025.

232 Избранные произведения Дэн Сяопина, том III 邓小平文选第三卷.– URL: https://www.qstheory.cn/books/2019-07/31/c_1119485398_101.htm?utm_source . 23.11.2025

233 Дэн Сяопин и основные исторические события республики 鄧小平與共和國重大歷史事件.– URL: https://cpc.people.com.cn/BIG5/n1/2017/0926/c69113-29559992.html . 23.11.2025.

234 Дискуссия о дипломатическом и стратегическом мышлении Дэн Сяопина в новый период 邓小平新时期的外交战略思想述论 .– URL: https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2019/0228/c423964-30915122.html?utm_source . 23.11.2025.

235 Взгляд на национальные интересы в дипломатической мысли Дэн Сяопина 邓小平外交思想中的国家利益观.– URL: https://www.dzwww.com/xinwen/shandong/sdszzt/dengxiaoping/lilun/waijiao/200408040753.htm .23.11.2025.

236 Дипломатическая стратегия неприсоединения Дэн Сяопина к новой эпохе 邓小平与新时期不结盟的外交战略 . – URL: https://www.dswxyjy.org.cn/n1/2024/1010/c427167-40336073.html .23.11.2025.

237 История приграничной торговли Синьцзяна 新疆边境贸易史 . – URL: https://wenku.baidu.com/view/744c8999ae51f01dc281e53a580216fc700a533b.html? .01.12.2025.

238 Соглашение между Правительством Китайской Народной Республики и Правительством Союза Советских Социалистических Республик о руководящих принципах взаимного сокращения вооруженных сил и укрепления доверия в военной области в районе китайско-советской границы. – URL: https://chrome-extension://efaidnbmnnnibpcajpcglclefindmkaj/https://treaty.mfa.gov.cn/tykfiles/20180718/1531876991298.pdf . 02.12.2025

239 Визит Михаила Горбачева в Китай (15-18 мая 1989 года). – URL: https://ed-glezin.livejournal.com/1006691.html . 05.10.2025

240 Историческое свидетельство равноправного и единого развития всех этнических групп в Синьцзяне Информационное бюро Госсовета КНР опубликовало "белую книгу" под названием "Историческое свидетельство равноправного и единого развития всех этнических групп в Синьцзяне" 新疆各民族平等團結發展的歷史見證 國務院新聞發表《新疆各民族平等團結發展的歷史見證》白皮書.– URL: http://big5.www.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/zhengce/2015-09/24/content_2938501.htm . 04.12.2025

241 Одобрение Государственным советом открытия маршрута Урумчи-Алматы. Национальное письмо [1988] № 75 国务院关于开辟乌鲁木齐至阿拉木图航线的批. 国函[1988] 75号.– URL: https://baike.baidu.com/reference/22271378/533aYdO6cr3_z3kATPaJnq2mMiqRY9up7LSFV-ZzzqIP0XOpXturSoMn7NYosPRpWw3evJR2Zc4Bqe6lSBZbv7RQOeJBELhxxSrpJGqWxLzl-Ngykg . 03.12.2025.

242 Соглашение между Правительством Казахской Советской Социалистической Республики и Правительством Синьцзян-Уйгурского Автономного Района Китайской Народной Республики об эффективном использовании железнодорожного пограничного перехода Дружба (СССР) - Алашанькоу (КНР) для развития международного туризма (Урумчи, 16 июля 1991 г.) . – URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=1021500&pos=2;-108#pos=2;-108 . 15.10.2025

243 Usserova K.K., Kydyrbek F.A., Kukeyeva F.T. Kazakhstan in Eurasian Regionalism: Problem Statement //International relations and international law Journal. – 2024. – Vol. 106, № 2. – P. 40-50.

244 Тянь Цзэнпэй // База данных новостной сети Коммунистической партии Китая 田曾佩 中国共产党新闻网资料库. – URL:

https://cpc.people.com.cn/daohang/BIG5/n/2013/0308/c358694-20726493.html. 04.12.2025

245 Годовщина протестов на площади Тяньаньмэнь 1989 года.– URL: https://communistcrimes.org/ru/node/683 .20.10.2025

246 Проблема уйгурского национального движения в векторе отношений КНР с центральноазиатскими странами.– URL: https://www.turantoday.com/2011/06/nikolai-huseinov-uigur-east-turkestan.html . 20.10.2025

247 Перечень зарубежных организаций, запрещенных в РК . – URL: https://egov.kz/cms/ru/articles/religion/zaprewennye_ordanizacii . 20.10.2025

248 Уйгуры: Преследования В Кыргызстане Лежат На Совести Пекина. – URL: https://russian.eurasianet.org/node/57767 . 20.10.2025

249 Силовые структуры Кыргызстана запретили уйгурской диаспоре устраивать акции протеста . – URL: http://www.pr.kg/news/kg/2009/07/16/11719/ . 20.10.2025

250 Канадец Хусейнджан Джелил приговорен в Китае к пожизненному заключению.– URL: https://www.fergananews.com/articles/5074 . 20.10.2025

251 Xinhua Institute. Championing the China-Central Asia Spirit: Achievements, Opportunities and Prospects for Regional Cooperation. – URL: https://english.news.cn/20250622/7848b0406af34165b4cf739b63f6e9e7/c.html. 03.11.2025

252 Economic and Trade Agreement between the Government of the People's Republic of China and the Government of the Republic of Kazakhstan 中华人民共和国政府和哈萨克斯坦共和国政府经济贸易协定. – URL: http://www.110.com/fagui/law_9980.html . 15.10.2025

253 Об открытии представительства Министерства внешнеэкономических связей Республики Казахстан в г. Урумчи (СУАР КНР) и Синьцзянской компании по международному экономическому сотрудничеству в г. Алма-Ате. – URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/P920000175_ . 05.10.2025

254 Совместная Декларация между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о дальнейшем укреплении всестороннего сотрудничества в двадцать первом веке (г. Пекин, 23 ноября 1999 г.). – URL: http://big5.www.gov.cn/gate/big5/www.gov.cn/gongbao/content/2000/content_70097.htm .05.10.2025

255 Fravel M. T. Regime insecurity and international cooperation: Explaining China's compromises in territorial disputes //International security. – 2005. – Т. 30, № 2. – P. 46-83.

256 Шәуешек келісімі бойынша шекара белгілерінің қойылуы. . – URL: https://olketanu.pushkinlibrary.kz/kz/shkazadebieti/fenzin-fantastikaly-zhurnaly/9-uncategorised/3460-shay.html . 10.11.2025

257 Вооруженный пограничный конфликт в районе озера Жаланашколь (август 1969г.).– URL: https://militera.lib.ru/h/20c2/04.html .10.11.2025

258 Қасым А. Ұмыт болған ұрыс // Aiqyn газеті. – 2021.– URL: https://aikyn.kz/167799/umyt-bolgan-urys . 10.11.2025
259 uti possidetis juris.– URL: https://www.law.cornell.edu/wex/uti_possidetis_juris#:~:text= . 10.11.2025
260 Китайская Народная Республика и Республика Казахстан в 1998 году Дополнительное соглашение о границах Китая и Казахстана. – URL: https://www.mfa.gov.cn/web/wjb_673085/zzjg_673183/bjhysws_674671/bhgjty/ldbjty/202303/P020230320536274906006.pdf . 10.11.2025
261 О ратификации Дополнительного Соглашения между Республикой Казахстан и Китайской Народной Республикой о казахстанско-китайской государственной границе.– URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z990000352_ . 10.11.2025
262 О ратификации Протокола между Правительством Республики Казахстан и Правительством Китайской Народной Республики о демаркации линии казахстанско-китайской государственной границы.– URL: https://adilet.zan.kz/rus/docs/Z030000469_ . 10.11.2025
263 Дополнительное соглашение между Кыргызской Республикой и Китайской Народной Республикой о кыргызско-китайской государственной границе (Бишкек, 26 августа 1999 года).– URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=30275497 . 10.11.2025
264 Dispute over China-Kyrgyz border demarcation pits president vs. parliament.– URL: https://eurasianet.org/dispute-over-china-kyrgyz-border-demarcation-pits-president-vs-parliament . 10.11.2025
265 Kyrgyzstan: Parliament angry over Demarcation of Sino-Kyrgyz Border. – URL: https://www.rferl.org/a/1096823.html .10.11.2025
266 Соглашение о сотрудничестве между Пограничной службой Кыргызской Республики и Министерством обороны Китайской Народной Республики.– URL: https://share.google/TPdZynKmPhHLqtMUI .10.11.2025
267 Tajikistan Cedes Disputed Land to China.– URL: https://jamestown.org/program/tajikistan-cedes-disputed-land-to-china/.07.11.2025
268 Дополнительное соглашение между Республикой Таджикистан и Китайской Народной Республикой о таджикско-китайской государственной границе" от 17 мая 2002 года.– URL: https://share.google/FyKIrMXkAm9jh682G . 07.11.2025
269 Таджикско-китайская государственная граница . – URL: https://mfa.tj/ru/main/view/150/tadzhiksko-kitaiskaya-gosudarstvennaya-granitsa . 07.11.2025
270 Qingguo Jia The Success of the Shanghai Five: Interests, Norms and Pragmatism.– URL.20.10.2025.
271 Freire M. R. The Shanghai Cooperation Organization //Routledge handbook of Russian foreign policy. – Routledge, 2018. – P. 400-409.
272 Look for the historical trajectory of the Belt and Road 寻找一带一路的历史轨迹.– URL:

https://baijiahao.baidu.com/s?id=1828924382484873378&wfr=spider&for=pc. 19.10.2025

273 The "Belt and Road" was born with a minimalist history “一带一路”诞生极简史. – URL: https://baijiahao.baidu.com/s?id=1566517276873414&wfr=spider&for=pc.19.10.2025

274 Xinhua. Xi pledges to bring benefits to people through Belt and Road Initiative .– URL: http://www.xinhuanet.com/english/2018-08/28/c_137423397.htm . 18.09.2025

275 Kassenova N. China's Silk Road and Kazakhstan's Bright Path: Linking Dreams of Prosperity.– URL: https://www.semanticscholar.org/paper/China%27s-Silk-Road-and-Kazakhstan%27s-Bright-Path%3A-of-Kassenova/55432b05eb08da8f0bc6aed6c8c3cc43815ebcf0.18.09.2025

276 Yu K. Energy cooperation under the Belt and Road Initiative: Implications for global energy governance //The Journal of World Investment & Trade. – 2019.– Vol. 20, № 2-3. – P. 243-258.

277 CASA-1000 Energy Project revival: involving Afghanistan in the regional cooperation.– URL: https://www.natofoundation.org/central-asia/casa-1000-energy-project-revival-involving-afghanistan-in-the-regional-cooperation/ .18.09.2025

278 Pomfret R. From Landlocked to Land-Linked? Central Asia’s Place in the Eurasian Economy //Between Peace and Conflict in the East and the West: Studies on Transformation and Development in the OSCE Region. – Cham : Springer International Publishing.- 2021. – P. 195-209.

279 Тураева М. О. Динамика развития транспортно-логистических связей в Центрально-Азиатском регионе //Государственная служба. – 2022. – Т. 24, № 3 (137). – С. 87-92.

280 Banegas Rivero R. A. et al. Landlocked countries, natural resources and growth: the double economic curse hypothesis //International Journal of Energy Economics and Policy. – 2019. – Vol. 9, № 5. – P. 113-124.

281 Jetter M., Mösle S., Stadelmann D. Cursed by no coast: How regional landlockedness affects income within countries //Economics Letters. – 2019. – Vol. 181. – P. 70-73.

282 Как победить тиранию расстояний? Транспортные и транзитные проблемы Казахстана. – URL: https://www.youtube.com/watch?v=I1ZmfwfRJ9U . 20.03.2025

283 Samieva M. The Role of Multi-Modal Transport in Reducing Lead Times Across Central Asia //Central Asian Journal of Innovations on Tourism Management and Finance. – 2025. – Vol. 6, № 4. – P. 1371-1377.

284 Herrero A. G., Xu J. China's belt and road initiative: can Europe expect trade gains? //China & World Economy. – 2017. – Vol. 25, № 6. – P. 84-99.

285 Lall S. V., Lebrand M. Who wins, who loses? Understanding the spatially differentiated effects of the belt and road initiative //Journal of Development Economics. – 2020. – Vol. 146. – P. 102-496.

286 China-Europe freight trains make 110,000 trips, marking new milestone. . – URL: https://regional.chinadaily.com.cn/Qiushi/2025-06/18/c_1101111.htm . 22.04.2026

287 5044家中国企业涌进乌兹别克斯坦，他们在算什么账？ 5 044 китайские компании хлынули в Узбекистан, что они учитывают .– URL: https://finance.sina.com.cn/wm/2026-03-13/doc-inhquwcx4256601.shtml. 22.04.2026

288 Bird J., Lebrand M., Venables A. J. The belt and road initiative: Reshaping economic geography in Central Asia? // Journal of Development Economics. – 2020. – Vol. 144. – P. 102-441

289 China moving into debt-collection mode.– URL: https://eurasianet.org/china-moving-into-debt-collection-mode .22.04.2026

290 China's Debt-Trap Diplomacy and Central Asia. – URL: https://jamestown.org/chinas-debt-trap-diplomacy-and-central-asia/ .22.04.2026

291 Gerstel D. It'sa (debt) trap! Managing China-IMF cooperation across the Belt and Road //New Perspectives in Foreign Policy. – 2018. – Vol. 16. – P. 12-16.

292 Jash A., Gokireddy H. B., S V. China's BRI in Central Asia & Its Impact: An Appraisal of the 10 Years //F1000Research. – 2024. – Vol. 13. – P. 11-78.

293 China expanding its business footprint in Central Asia. – URL: https://eurasianet.org/china-expanding-its-business-footprint-in-central-asia#:~:text= . 20.03.2026

294 Узбекистан 2026: Китай, золото и цифровизация как драйверы роста. – URL: https://www.uzdaily.uz/ru/uzbekistan-2026-kitai-zoloto-i-tsifrovizatsiia-kak-draivery-rosta. 20.03.2026

295 Xu X. Do stringent environmental regulations reduce the international competitiveness of environmentally sensitive goods? A global perspective // World Development. – 1999. – Vol. 27, № 7. – P. 1215-1226.

296 Trade Indicators. World bank.– URL: https://wits.worldbank.org/wits/wits/witshelp/Content/Utilities/e1.trade_indicators.htm .10.11.2024

297 胡键. "一带一路"倡议推进中亚地区发展研究. // 同方知网（北京）技术有限公司. – 2024. Ху Цзянь. Инициатива "Пояс и путь" способствует проведению исследований в области развития Центральной Азии. // Технологическая компания Tongfang Knowledge Network (Пекин). – 2024.– URL: https://doi.org/10.15957/j.cnki.jjdl.2024.06.003 . 03.05.2026

298 Lütkepohl H., Xu F. The role of the log transformation in forecasting economic variables //Empirical economics. – 2012. – Vol. 42, №3. – P. 619-638.

299 Сколько электроэнергии произвели в Кыргызстане в 2025 году.– URL: https://kaktus.media/doc/540044_skolko_elektroenergii_proizveli_v_kyrgyzstane_v_2025_gody.html . 03.04.2026

300 В Кыргызстане потребление электроэнергии выросло на 25% за пять лет.– URL: https://kaktus.media/doc/539283_v_kyrgyzstane_potreblenie_elektroenergii_vyroslo_na_25_za_piat_let.html . 03.04.2026

301 Кыргызстан импортирует около 4,5 миллиарда киловатт-часов электроэнергии. – URL: https://24.kg/vlast/355663_kyirgyizstan_importiruet_okolo_45_milliarda_kilovatt-chasov_elektroenergii/ .03.04.2026

302 Ozat M. Central Asia's Escalating Energy Crisis and its Geopolitical Implications.– URL: https://www.caspianpolicy.org/research/energy-and-economy-program-eep/central-asias-escalating-energy-crisis-and-its-geopolitical-implications. 03.04.2026

303 Kazakhstan Faces Record Power Deficit as Electricity Shortfall Hits 2.4 Billion kWh.– URL: https://timesca.com/kazakhstan-faces-record-power-deficit-as-electricity-shortfall-hits-2-4-billion-kwh/ . 03.04.2026

304 Tutumlu A., Aminjonov F. Central Asia’s Great Energy Paradox.– URL: https://thediplomat.com/2023/12/central-asias-great-energy-paradox/ .03.04.2026

305 Jiang P. et al. Widespread declining in vegetation climate sensitivity across Central Asia // Frontiers in Environmental Science. – 2025. – Vol. 13. – P. 165-208.

306 Fallah B. et al. Climate change impacts on Central Asia: Trends, extremes and future projections // International Journal of Climatology. – 2024. – Vol. 44, № 10. – P. 3191-3213.

307 Kydyrbek F., Hor K.W.C., Baikushikova G., Kukeyeva F., Augan M. Aligning the Belt and Road Initiative with UN Sustainable Development Goals: Kazakhstan’s Role and Challenges. //European Review.2025- Vol.33, № 5.- P. 476–500. https://doi.org/10.1017/S106279872510015X.

308 Китайская корпорация приступила к строительству мега-ВЭС на 1 ГВт в Павлодарской области.– URL: https://www.instagram.com/p/DWjTRVADBr6/ .09.05.2026

309 E-Government Survey 2024 Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development.- New York: United Nations, 2024.– URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf . 06.04.2026

310 Қыдырбек Ф.А. Қытай – Орталық Азия қатынастары: талдау және жылнама. – Алматы: ТОО «ADAL KITAP», 2026. – 300 с.

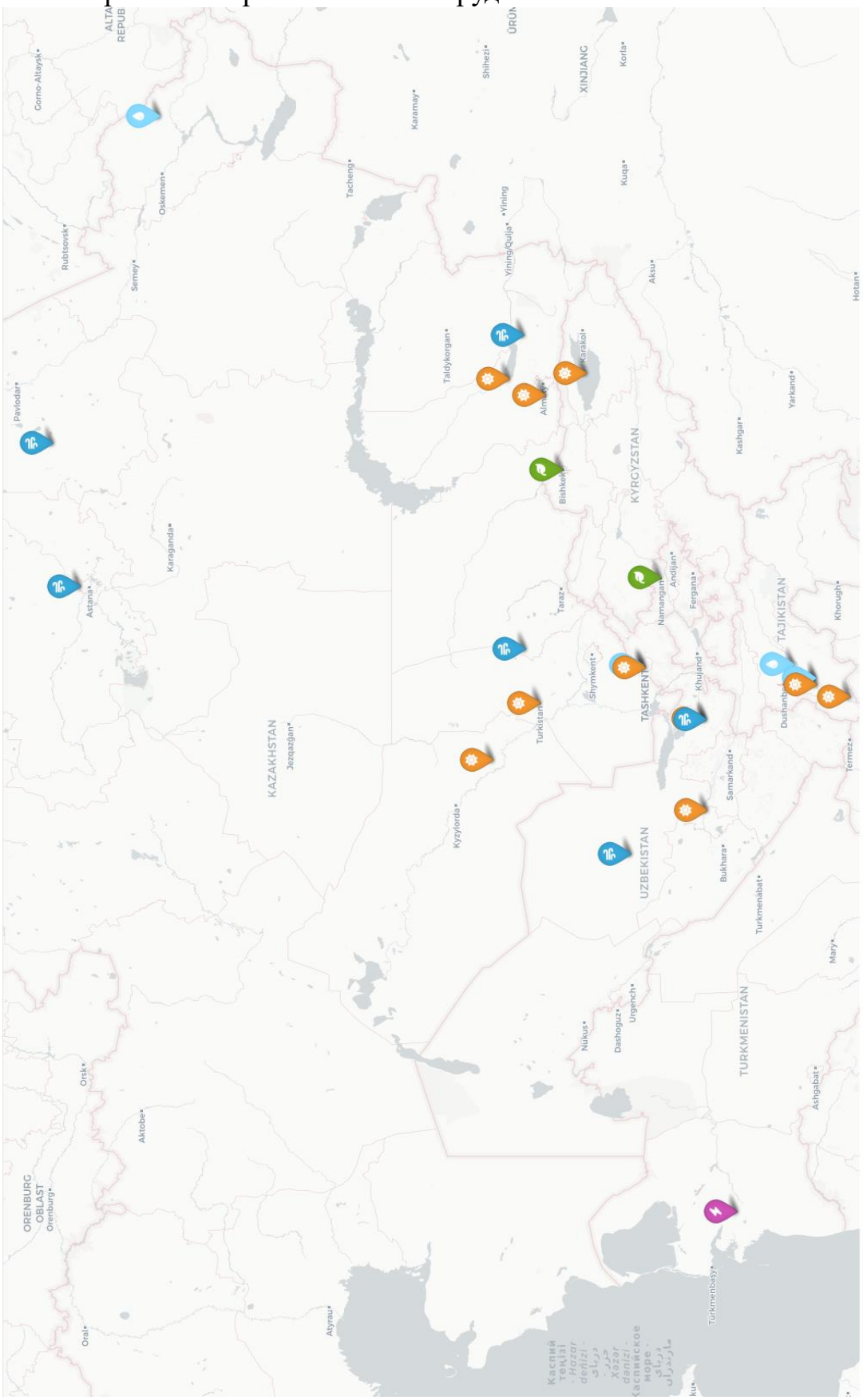
311 Почему у стран без выхода к морю ужасный интернет: физика подключения.– URL: https://geocables.com/research/landlocked-countries-internet-connectivity?lang=ru .06.04.2026

312 Насколько интернет-трафик Казахстана зависит от России.– URL: https://nationalbusiness.kz/news/naskolko-internet-trafik-kazahstana-zavisit-ot-rossii/ . 06.04.2026

313 E-Government Survey 2024 Accelerating Digital Transformation for Sustainable Development.- New York: United Nations, 2024.– URL: https://desapublications.un.org/sites/default/files/publications/2024-09/%28Web%20version%29%20E-Government%20Survey%202024%201392024.pdf . 06.04.2026

ПРИЛОЖЕНИЕ А

Карта - Локализация объектов ВИЭ в Центральной Азии, реализуемых в рамках энергетического сотрудничества с КНР

ПРИЛОЖЕНИЕ Б

Таблица кейсов – Китайские предприятия, предоставляющие услуги по обучению в Центральной Азии

Таблица Б.1 - Таблица кейсов Китайские предприятия, предоставляющие услуги по обучению в Центральной Азии

№	Название программы обучения	Исполнительная сторона / Китайское образование	Целевая страна	Тренировочная сфера
1.	Программа «Семена для будущего» Huawei	Huawei	Узбекистан	ИКТ (5G/ИИ/Облочное)
2.	ICT Academy Huawei	Huawei + ТУИТ	Узбекистан	Сертификат в сфере ИКТ
3.	Программа сотрудничества ZTE в области ИКТ-талантов	ZTE + ТУИТ	Узбекистан	ИКТ/ИИ/ Облачные технологии)
4.	Китайско-казахстанский элитный инженерный институт	Северо-западный политехнический университет + Huawei и тд.	Казахстан	ИКТ/Инженерная связь
5.	Китайско-таджикский совместный институт искусственного интеллекта (ИИ)	Сианьский университет Цзяотун	Таджикистан	ИИ/Электронное правительство/Цифровое правительство
6.	Центр инноваций в цифровых талантах	Shengtong Technology + ИТ-парк в Душанбе	Таджикистан	ИИ/Большие данные/Промышленный интернет/Воплощенный искусственный интеллект
7.	Проект по созданию «Интеллектуальной цифровой платформы профессионального обучения и сертификации»	Sino-Kerui и Министерством цифровых технологий Республики Узбекистан	Узбекистан	Программирование/ИИ (400+ курсов)
8.	Международный промышленный колледж электронной коммерции	Цзянсуский профессионально-технический колледж экономики и торговли, Alibaba Int. Station, Jiangsu Soho Cloud Business Co., Ltd.	Узбекистан	Трансграничная электронная коммерция/ логистика
9.	Колледж Бан Мо	Шаньдунский профессионально-технический и технический колледж	Узбекистан	Цифровые коммуникации и ИТ образование